БАЖЕНОВ

С. БОРИСОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В издании представлен биографический роман о российском архитекторе, художнике, теоретике архитектуры и педагоге Василии Ивановиче Баженове.

- С. Борисов
  - ВРЕМЯ
  - ДЕТСТВО
  - ПУТЬ В АРХИТЕКТУРУ
  - В ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
  - ДИПЛОМ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМИИ
  - ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ
  - ПОПЫТКА ПОЛУЧИТЬ ЗВАНИЕ ПРОФЕССОРА В ПЕТЕРБУРГЕ
  - БОЛЬШОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ
  - КАТАСТРОФА
  - БАЛАГАНЫ ВМЕСТО ДВОРЦА
  - ЦАРИЦЫНСКИЙ АНСАМБЛЬ
  - В ОПАЛЕ
  - НА ЗАКАТЕ
  - НАСЛЕДНИКИ
  - СЛОВАРЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ
  - ПРИМЕЧАНИЯ
  - БИБЛИОГРАФИЯ
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

С. Борисов
БАЖЕНОВ

ВРЕМЯ

Будущий самодержец Павел, в бытность наследником престола, беседовал с французским художником об известных архитекторах.

Художник сказал наследнику:

— Вы забываете, ваше высочество, об одном великом архитекторе, и притом русском; я видел его чертежи, дивился им, и… не вспомню теперь его имени… тяжелое, русское — кажется, если не ошибаюсь, оно кончается на ов…

— Верно, вы говорите о Баженове?

— Точно. Где он и что делает? Я ничего о нем не слышу!

Павел улыбнулся и сказал:

— А разве вы не знаете, что нет пророка в отечестве его?

Родина была тогда мачехой для людей с талантом. Баженов, которого называли поэтом в архитектуре, начал свою жизнь в первые десятилетия XVIII века. Даже столетием позже русская национальная гордость — А. С. Пушкин имел основание пожаловаться на судьбу, угораздившую его «родиться в России с душой и талантом».

Баженову, как художнику, трудно было жить и работать в эпоху, когда талант получал оценку лишь в той степени, в какой он безропотно исполнял роль придворного слуги. Художник обречен был восхвалять добродетели развратных царей, воспевать государственные умы бездарных правителей, возвеличивать царство кнута и крови. Только глубокая убежденность и твердая воля могли вывести художника на путь полноценного творчества.

XVIII век богат людьми сильной воли и характера и полон событиями, которые долго давали себя чувствовать в истории Европы. Но этот век еще ждет историков-марксистов, которые развернут колоссальное полотно событий, пережитых нашей страной.

***

Великий Петр не успел завершить свои преобразовательные реформы. Он был окружен слугами, преданными ему, но равнодушными к России. В последние часы своей жизни, лишившись языка, Петр хотел назначить преемника. Он начал писать:

— Отдайте все…

Но смерть остановила руку.

Началась борьба претендентов на престол, свалка в среде правящей дворянской верхушки. На экране русской истории с кинематографической быстротой следовали дворцовые перевороты. Гвардия посадила на престол Екатерину I — глупую, болезненную и растолстевшую от постоянного пьянства женщину. Махнув рукой на государственные дела, царица почти ежедневно до утра засиживалась на пирушках с гвардейцами.

Екатерину I сменяет Петр II. Через два года пятнадцатилетний царь умер в день, когда была назначена его свадьба с княжной Долгорукой. Престол заняла курляндская герцогиня Анна. Ее царствование — один из страшнейших периодов русской истории.

Страна очутилась в руках немецкого сброда, возглавляемого немецкими правителями — временщиками.

Тайная розыскная канцелярия хватала без разбору всех, о ком доносили шпионы, как о недовольных. Людей пытали, срубали головы, сажали на кол, тысячами ссылали в Сибирь… Сельское хозяйство упало, крестьяне бежали куда глаза глядят — в бегах насчитывалось около четверти миллиона человек. Голод стал постоянным спутником русского народа. Неимоверные подати дотла разорили крестьян. В деревне орудовали карательные экспедиции: неплательщиков морили в тюрьмах голодом, засекали до смерти. Стоны и рыдания не прекращались в деревнях. Росла народная ненависть к Анне, помещикам и особенно к немцам, приспешникам царицы.

— Немцы русских крестьян считают хуже собак. Наши слезные и кровавые подати идут на обжорство и пьянство правителей-немцев.

Находились смельчаки, расплачивавшиеся жизнью за такие слова.

Анна и ее двор пожирали весь народный доход.

Мужеподобная, огромная, с грубыми чертами лица, Анна, ханжа и садистка, дела государственного управления передала немцам. «Они, — пишет историк Ключевский, — посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались на все доходные места в управлении». Этот немецкий сброд возглавлялся двумя проходимцами — Бироном и графом Довенвольдом. Вся их банда, соревнуясь друг с другом в унижении русского народа и издевательстве над ним, «кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа».

А страна, народ?

Жизнь дворцовой клики с ее большими тревогами и переменами достигала затаенных уголков страны смутными

слухами, усиливавшими беспокойство. Накапливавшаяся ненависть ждала искры, чтобы взорваться. Народ начинал понимать: сколько бы царей ни сменялось, он при них был, остается и будет рабом дворян, державших в своих руках судьбу деревень и городов и населявшего их крестьянского и рабочего люда.

В годы царствования Анны родился Василий Иванович Баженов.

Его родина — село Дольское, Калужской губернии, Покосившиеся курные избы с почерневшими соломенными кровлями тянулись в этом селе двумя однообразными рядами вдоль дороги в уездный городок Малоярославец. Над селом возвышалась старая деревянная церковь с облупленным куполом; у погоста, в домике дьячка Ивана Федорова Баженова родился будущий знаменитый архитектор. Произошло это 13 марта 1737 года.

Низшее сельское духовенство по своему бесправию мало отличалось от крепостного крестьянства. Наглядное представление дает описание разговора между помещиком Болотовым и пономарем сельской церкви.

— О, — воскликнул Болотов, когда к нему привели в чем-то провинившегося пономаря, — когда ты на духовное свое правление надеешься, то я тебе докажу, что я его не боюсь, и выпорю тебя, сколько душе моей угодно… Ложись-ка, ложись!

Вот от такого помещичьего произвола, от беспросветной нужды и тьмы деревенской жизни Иван Баженов и стремился в Москву.

Дьячок Иван Баженов обладал изрядным басом, пел «достойно есть яко во истину» и «иже херувимскую» с такой силой, что дрожали лампады и мигали свечи перед «чудотворцами».

Случайно проезжавший московский барин обратил внимание на незаурядный бас и, будучи любителем церковного пения, порекомендовал дьячка в Москву, в кремлевскую придворную церковь.

ДЕТСТВО

Москва пылала. Языки пламени лизали черные тучи дыма, скрывшие весеннее голубое небо. Пожар, начавшийся в церкви Иоанна Предтечи, охватил соседний дворец и перебросился в Кремль. Под мрачный набатный перезвон и стук трещоток горели терема, дворцы, церкви. С колокольни Ивана Великого падали колокола, у царь-колокола бревном отбило край.

Из охваченного пламенем Кремля обезумевший от ужаса народ бежал в Замоскворечье. Но пламя, словно дикий исполинский зверь с огненными космами, перебрасывался со строения на строение. Уже пылал Китай-город. Ни стены, валы и рвы города, ни окружавшие его реки Неглинная и Яуза не могли остановить огненного потока. Рухнули в воду обгорелые мосты. Народ спасался вплавь и тонул. Горели палаты, дворцы и теснившиеся между ними курные избы. Огонь переливался по крышам домов на Покровке, Мясницкой, Сретенке, Тверской, Никитской, Арбате…

Народ бежал, задыхаясь от удушливого дыма и смрада обгорелых трупов. Полицейские и подьячие под страхом жестокого наказания пытались организовать тушение пожара, остановить буйство огня, но тщетно: три дня и три ночи пылала Москва. Как память об этом пожаре, в народе сохранилась пословица: «От копеечной свечи и Москва сгорела».

Это произошло в конце мая 1737 года.

В опустошенную пожаром Москву приехал дьячок Иван Федорович Баженов с женой и трехмесячным сыном Василием.

Вскоре после их переезда снова вспыхнули пожары: голытьба, доведенная до последнего отчаяния, поджигала уцелевшие дома дворян и купцов. По приказу императрицы, поджигателей ловили, пытали, заставляли называть сообщников и затем всех сжигали живьем…

Московская полиция доносила сенату, что в городе «множество помету и всякого скаредства, от чего соседям и приезжающим людям, особенно в летнее время, может быть повреждение здоровью».

Поселились Баженовы вблизи Кремля. Полуразрушенные казенные и частные здания, церкви без кровель, гнездящиеся на пустырях, наскоро поставленные избушки — первые впечатления подраставшего ребенка. По описанию избы соборного певчего можно представить домашние условия Баженовых. Изба имела два больших слуховых окошка на улицу, третье — во двор. Печь большая и от нее полати. Специальный сход в полу около печи,

так называемый голбец, вел в нижние кладовые, где хранились с'естные припасы и разный домашний скарб. Светлая, чистая горница с двумя окнами, с лавками вдоль стен и столом заменяла гостиную в богатых домах. Между передней избой и горницей — сени, и в них чуланы… Из сеней — выход на крыльцо, довольно высокое. На дворе — два сарая, коровник и небольшой огород.

Иван Баженов много пил и был тяжел на руку. Сына Василия он обучал грамоте по часослову и для скорейшего усвоения ребенком грамматики действовал указкой…

Когда Василий Баженов превратился в подростка, «недоросля», его отдали в Славяно-греко-латинскую академию, называвшуюся в XVIII веке «Эллинской школой». Обычно родители помещали туда детей неохотно. Но действовал высочайший указ: «Набрать в школы всех поповских детей, а которые во учении быть не хотят, тех имать в школы и неволею».

Мать плакала, когда отец отводил сына в Академию, что помещалась на Никольской улице в Заиконоспасском монастыре. Каменное, унылого вида трехэтажное здание было обращено фасадом к городовой стене. Через «звонковую» башню лестницы вели на деревянные хоры среднего и верхнего этажей; с хор выходили двери в классы — мрачные комнаты с тяжело нависшими сводами. В большом зале богословского класса висел портрет царя Федора.

Василий Баженов изучал там философию, риторику, пиитику, синтаксимы, аналогии, греческий, латынь и пр. Ежедневно приходилось слушать схоластические чтения о «воплощении», о «благодати» и прочую богословскую чепуху.

Из Баженова хотели сделать попа.

Мальчик мечтал о прекрасных строениях древности, рисунки которых он видел на фронтисписах латинских книг.

Но преподаватель глухим голосом объяснял, как изобличить колдуна и какими пытками заставить его признаться в связи с «нечистой» силой…

Даже физику учили, как предмет «естественной» магии…

Учили Баженова еще цицероновым «епистолам», читали Овидия, Вергилия, Тита Ливия — это еще давало известную пищу воображению, рисовавшему картины античной жизни…

Хуже было с русским языком. Учителя увлекались «реторическою фигуральностью»… Эти уроки наложили отпечаток на стиль письма и манеру речи Баженова. Так, например, мысль, что упражнения солдат подчинены известной гармонии, излагалась следующим образом: «Посмотри на солдат, не токмо, когда в ордер баталии устраиваются, но и когда в екзерциях воинских обращаются, каково чинно, каково

сбережением регула, каково по науке их артикула прохождение и возвращение, каково по гласу командующего соотвечания, словом: дивная армония».

Так, живая, образная и красочная русская речь подменялась риторическим суесловием: в этом официальное академическое преподавание понимало тогда образованность.

Баженов, как и другие ученики из «подлого» звания, получал жалованье — 30 копеек и четверик ржаной муки в месяц.

Ученики были худы, оборваны и пугали своим видом народ. Многие воспитанники дезертировали из Академии. За эти проступки отвечали отцы — их наказывали вплоть до отлучения от церкви, что означало почти лишение прав гражданства. Историк Академии эпически повествует: «Ученики бродили по Москве и производили новые беспорядки, пока, наконец, не были отводимы в полицмейстерскую канцелярию, которая для расправы представляла их в Академию»…

Тот же историк, делая обзор «судеб учеников», пишет о Баженове:

«Будучи еще учеником, он имел особенную наклонность к архитектуре и во время, свободное от классических занятий, срисовывал здания церквей, надгробные памятники в монастырях».

Под глухими сводами Академии получили первоначальное образование ряд людей, ставших впоследствии знаменитыми: величайший ученый и писатель XVIII века М. В. Ломоносов, математик М. Ф. Магницкий, писатели А. Д. Кантемир, В. К. Тредьяковский и другие.

Неизвестно, почему у сына бедного дьячка, «первоначально без всякого руководителя», возникло неугасимое стремление украсить города дворцами, прекрасными зданиями с колоннадами, звучащими как торжественный хорал. Может быть, на него влияла московская архитектура, памятники русского зодчества XVI века.

Бродя по Москве, погруженный в свои мечты, молодой Баженов не замечал ни голода, ни безобразия окружающей жизни.

В первые годы царствования Елизаветы Москва застраивалась, украшалась церквами, дворянскими домами и зданиями «присутствий». Строили русские зодчие Иван Коробов, Василий Обухов, Андрей Лопатин и гезели (их помощники) из архитектурной команды Ухтомского.

Но попрежнему из «убогих» домов выводили подкидышей для сбора милостыни и на улицу выставлялись трупы, около которых гнусавили «божедомцы», выпрашивая подаяние на погребение.

Красная площадь, вблизи которой жил Баженов, была еще

большим лугом, хаотически застроенным мазанками, ларями; всюду лежал кучами навоз и разная нечисть. От смрада отбросов и зловония от речки Неглинной, протекавшей вдоль Китайгородских стен, трудно было дышать. Москвичи к этому привыкли, но приезжие жаловались на несносный «бальзамический дух».

Такою была Москва в середине XVIII века.

Баженов ходил на стройки, знакомился с «мастерами каменных дел» и все больше разгорался желанием покинуть постылые стены Академии…

Уцелевшие здания XVI и XVII веков обладали характерными горизонтальными акцентированными фасадами. Карнизы, прерывающие линию пилястров, подчеркнутые арабесками линии порталов — все это давало представление о том, как тогдашние итальянские зодчие, привлеченные в Москву, воспринимали архитектурные формы суздальско-владимирской Руси. Один из таких памятников — Архангельский собор, выстроенный Алевизом Новым.

Храм Василия Блаженного на Красной площади — последнее и гениальное создание XVI века — был построен двумя русскими самородками — неграмотными плотниками Бармой и Постником-Яковлевым. Иоанн Грозный, по преданию, велел выколоть обоим строителям глаза, чтобы они не могли создать второго подобного храма, до сих пор удивляющего своей композицией и отдельными деталями.

Особняком стояли следующие два архитектурных памятника Москвы: колокольня Девичьего монастыря, поражавшая своей легкостью, прекрасной пропорцией частей и богатством деталей, и колокольня Ивана Великого — три восьмигранных призмы, поставленные одна на другую, и также не утратившие легкости и стройности.

XVII век является для древнего русского зодчества в значительной мере переломным. Приемы деревянного зодчества, перенесенные на каменные строения, деформировали стилевые особенности архитектуры суздальско-владимирской Руси. Но русские зодчие успешно пошли по открытому пути, с большой творческой смелостью варьируя мотивы древнерусского зодчества. В постройках конца XVII столетия чувствовалось новое течение западной архитектурной мысли — барокко, пришедшее в Россию с Украины, которая имела более близкую связь с Европой.

Родина барокко — Италия.

В конце XVI века искусство Возрождения (Ренессанс), отличавшееся гармоничностью и ясностью форм, претерпевает значительные изменения. Эти изменения особенно ощущаются в

творчестве гениального художника Микель-Анджело. Это были первые элементы протеста против канонически строгих форм Возрождения. Эффекты, достигнутые Микель-Анджело в его постройках и скульптуре, повлияли на многих художников, которые пошли еще дальше в нарушении типичности и закономерности канонов раннего Возрождения. Постепенно рождался новый стиль, вошедший в искусство под именем «барокко».

Таким образом, архитектура барокко органически вышла из архитектуры Возрождения: в основе — те же конструкции, те же системы ордеров, но колонны и пилястры стали сдваивать, соединять по нескольку, создавая более живописную игру светотеней: антаблемент разбивался на части, появилось больше извилистых линий, все здание получило характер движения, стремления вдаль…

Проникая в Россию, стиль барокко первоначально обнаруживал себя только во внешнем оформлении зданий: балюстрады, спаренные колонны, уступчатые фронтоны. Все это усиливало лишь внешнюю живописность строения. Постепенно барокко начинает оказывать влияние и на планировку здания.

В то время, как на Западе стиль барокко уже вытеснялся новыми стилевыми течениями, в первую очередь возрождавшимся классицизмом, в России он создал к началу XVIII века совершенно самобытное явление в искусстве — «московское барокко» или «нарышкинский стиль», как его называли по имени боярина Нарышкина, в усадьбах которого впервые появились строения подобного рода. Наиболее блестящими произведениями этого стиля является церковь Покрова в Филях, сохраненная и ныне, как архитектурный памятник.

Баженов зарисовывал здания в своей тетради, по ночам строил из лучинок и пробок модели храмов и дворцов, чувствуя ритм колонн и паузы порталов, как цезуры и стопы звучных латинских стихов…

Зодчий…

Это звание казалось Баженову самым прекрасным в мире.

Улучив время, когда отец был трезв и благодушно настроен, Василий, смело глядя ему в глаза, сказал:

— Батюшка, определи меня в каменный приказ.

Так называлось тогда учреждение, руководившее городским строительством.

Иван Баженов хотел схватить указку, чтобы выбить дурь из головы сына, но, взглянув в ясные и печальные голубые глаза мальчика, отложил свое намерение.

Вскоре отец Баженова посетил одного прихожанина —

каменных дел мастера — и попросил его совета. Тот указал ему, куда следует обратиться.

ПУТЬ В АРХИТЕКТУРУ

Слуга доложил князю.

— Ваше сиятельство, там дьячок до вашей милости, который раз приходит.

Ухтомский равнодушно спросил:

— Что за дьячок и что ему надобно?

— Из кремлевской придворной церкви Иван Федоров Баженов…

— Пусти его…

Кланяясь в дверях, в комнату вошел рослый чернобородый дьячок. Если бы не подрясник, его можно было принять за цыгана — до того он был смугл.

— Окажите ваше сиятельство, милость, определите отрока в команду вашего сиятельства.

Первую архитектурную школу в Москве основал архитектор князь Дмитрий Васильевич Ухтомский. Эта школа помещалась около Охотного ряда и в старых делах называлась «архитекторской командой».

Под «архитекторской командой» разумеется группа лиц, необходимых при постройке здания: архитекторы, их помощники (гезели), ученики каменного и квадраторного (высшая квалификация каменщика) дела, мастера и разного рода мастеровые.

В «архитекторской команде» Ухтомского, куда приняли Баженова, — ученики получали жалованье от 6 до 10 рублей в год «да муки по три четверика и крупы полтора четверика». Но жалованье не только ученикам, но и преподавателям платили неаккуратно и потому они «имели несносные нужды и перешли в самое нищенство».

Василий Баженов вскоре заметно выделился среди учеников команды. Он был на особом положении не только у своих товарищей, но и у преподавателей. Их изумляла непостижимая прилежность и трудолюбие юного ученика. Скромный и нелюдимый, он в то же время отличался необычайной смелостью воображения. Поражаясь зрелому мастерству рисунка и внутреннему чутью пропорций, гармонии, преподаватели предсказывали Василию:

— Ты великого духа мастером будешь.

Мальчик конфузился и недоумевал: за что такое поощрение, когда ему все так легко дается, рисунок ложился на бумагу так же просто, как поется в минуты раздумий песня.

Необходимо отметить, что не сохранилось почти никаких

сведений о развитии архитектурного образования в России. Но по случайно уцелевшему донесению князя Ухтомского в сенат можно сделать общий для школы Ухтомского вывод. В донесении говорится: «Учеников Архитектуры Цывилис [гражданской архитектуры] определенных в команду достаточно, только надлежащих для их совершенства к их обучению казенных архитектурных книг не имеется, в чем состоит крайняя нужда».

Ухтомский требовал присылки следующих книг:

Витрувия «О препорции ординов с фигурами».

Палладия «О рассуждении ординов».

Серлия «О препорции ординов».

Бароция шесть книг.

Полусдекера три книги (Paulus Decker).

Девильера «О рассуждении ординов и укрепления фундамента».

Поции «О прошпиктиве».

Шторма «Лексикон науки архитектурной».

Этот подбор книг рисует Ухтомского, как провозвестника нового классического направления в русской архитектуре.

Из этой скромной библиотеки любимым автором Баженова стал Витрувий.

В «архитекторской команде» Баженов пробыл четыре года.

Ухтомский был довольно культурным по тому времени человеком и умел ценить таланты. Он понимал, что зрелым мастером, каким бы талантом ни обладать, нельзя стать без общего образования.

Ухтомский обратил внимание на отличные способности Баженова и записал его (1755 г.) для изучения иностранных языков в учреждавшийся тогда Московский университет.

***

26 апреля 1755 года, в присутствии знати, иностранцев, купцов, состоялось торжественное открытие первой в России гимназии при Московском университете.

На открытии читался манифест…

«Как всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется, то следовательно нужда необходима о том стараться, чтобы способом пристойных наук, возрастало в пространстве нашей империи всякое полезное знание, чему подражая для общей отечеству славы сенат наш, и признав за весьма полезное к общенародному благополучию всеподданнейше нам доносил, что действительный наш камергер

и кавалер Шувалов по данном в сенат донесением, с приложением проекта двух гимназий… одну для дворян, другую для разночинцев, кроме крепостных людей»…

После торжества открытия была устроена иллюминация, которая изображала Парнас с Минервой, ставящей обелиск во славу Елизаветы.

Меценатствующий царедворец Шувалов был назначен куратором университета. Часть преподавателей приглашена из Германии.

Университет помещался в старинном здании, где при Петре была остерия (кабак), а позже аптека, у Вознесенских ворот в Китай-городе. Помещения гимназистов были разграничены: дворяне жили отдельно от разночинцев и пользовались иным уходом и содержанием. Первый выпуск дал много имен, отмеченных русской историей.

Соучениками Баженова были И. П. Тургенев, М. Н. Муравьев, Д. Н. Фонвизин, Н. И. Новиков, Г. А. Потемкин (двух последних — будущего вождя масонов и влиятельного фаворита Екатерины — выгнали за неспособность), П. В. Лопухин и другие.

Фонвизин, вспоминая годы учения, рассказывает: «Учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны тому были причиной ребяческая леность, а с другой — нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков»…

Средства, отпущенные на содержание университета, оказались через год разворованными. Шувалов не без грусти отмечал в своих письмах: «Не токмо разночинцы, но и благородные ученики великую нужду терпят в платье, обуви и пище».

Баженов с яростью учил латынь, французский язык и зачитывался немногочисленными в библиотеке книгами по истории, искусству, опережая всех учеников по рисованию и общему художественному развитию. Едва ли не беднее всех был Баженов, но держался гордо и независимо. За насмешки над собой или навещавшим его отцом-дьячком жестоко колотил своих товарищей.

Посещение церквей с их прекрасной древней живописью, с поющим в полумгле хором из крепостных, гимназическое воспитание с увлечением «митологией» уводили Баженова из реального мира в смутную область экзальтированной мечтательности. Впрочем, внешняя жизнь была так безобразна, что ее не хотелось замечать. Мистическое, таинственно-религиозное настроение наблюдалось заметнее всех у Новикова,

Тургенева, Невзорова, Баженова (в будущем они встретятся на тайных собраниях московской масонской ложи).

Изучение богословия и церковное толкование мифологии безжалостно усиливали путаницу в голосах учеников.

Так шли гимназические годы Василия Баженова.

Подошло время выпускных экзаменов.

Фонвизин, учившийся вместе с Баженовым, рассказал об этом следующее:

«Накануне экзамена делалося приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностью, спросил я учителя о причине.

— Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи моей и вашей чести: ибо на кафтане значит пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; и так, — продолжал он, ударяя по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь: если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжением поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете.

Вот каков был экзамен наш».

Болховитинов (митрополит Евгений), написавший первую биографию Баженова, пользовавшийся многими подлинными документами и лично знавший его, рассказывает: «Когда в 1758 году основалась в Санкт-Петербурге Академия Художеств и начальствующий над ней обер-камергер Иван Иванович Шувалов потребовал из Московского университета несколько питомцев, способных к изящным художествам, тогда Баженов назначен первым в числе таковых и отправлен в Санкт-Петербург».

В ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Столица…

Баженов представился Шувалову, и вельможа, осмотрев юношу, остался доволен его приятным внешним видом — стройный, с тонкими чертами немного удлиненного лица. Шувалов решил представить студента императрице.

Баженова привезли в Зимний дворец. Его сопровождал Шувалов и провел через комнаты придворных. Баженов был поражен теснотой, убожеством убранства дворцовых комнат, удивительным безвкусием и лежавшей на всем печатью неряшливости: везде воняло, на стенах проступали пятна сырости.

Прошли в более парадный приемный зал.

Скоро вошла окруженная свитой, крупная и стройная, с красивым круглым цветущим лицом, молодая, веселая женщина — императрица Елизавета.

Когда подошла очередь Баженова, Шувалов вытолкнул его на середину и представил Елизавете как отменного по способностям художника. Баженов подошел ближе, неуклюже поклонился и поцеловал протянутую душистую пухлую руку. Императрица, ничего в искусстве не понимая, интересуясь преимущественно кулинарией и итальянской комической оперой, пролепетала Баженову, что ждет от него великих произведений.

В камер-фурьерском журнале отмечено, что Баженов был принят императрицей и «удостоился особого благоволения».

Но Академия художеств еще не была открыта. Баженова временно определили учеником к архитектору-интенданту Савве Ивановичу Чевакинскому, вошедшему в архитектуру из команды Ухтомского. У Чевакинского Баженов выполнил едва ли не первую самостоятельную архитектурную работу: спроектировал колокольню Никольского собора. Эта колокольня по контуру исключительно изящна, соотношения частей дают ощущение легкости, а распределение колонн и живописного орнамента не уступает лучшим работам знаменитого «обер-архитектора» графа Растрелли.

Главным наставником Баженова в изучении основ архитектурного мастерства был Витрувий, автор «римского евангелия» классицизма.

Витрувий жил в середине I века до нашей эры. Автор «Десяти книг об архитектуре» — энциклопедии зодчества, не утратившей

ценности до наших дней, — был сыном архитектора и унаследовал профессию отца. Витрувий служил в войсках Юлия Цезаря и сопровождал его во время походов, затем работал при Августе и построил базилику в Фало, на берегу Адриатического моря. В жизни Витрувий был неудачником, и причиной этому, как он сам рассказывает, являлась его невзрачная наружность, в то время как его коллега «Димократ достиг знаменитости, заслужив благоволение [императора] благодаря красоте лица и видной внешности».

Имена соперников Витрувия забыты, а автор «Десяти книг» стал бессмертным, и его труд необходим и нам для понимания архитектуры как научного синтеза искусства и техники. Трактат Витрувия включает три основных области: архитектуру (строительную технику), гномонику (изготовление приборов для измерения времени) и механику.

Витрувий учит, что практика основывается на теории: «Наука архитектора основана на многих отраслях знания и на разнообразных сведениях, при помощи которых можно судить обо всем, выполняемом посредством других искусств. Эта наука образуется из практики и теории. Практика есть постоянное и обдуманное применение опыта для выполнения руками человека работ из любого материала по данному чертежу. Теория же заключается в возможности показать и обосновать исполнение в соответствии с требованиями искусства и целесообразности».

Витрувий отводит первенствующее значение науке, которая объясняет, почему надо строить так, а не иначе, и показывает, как надо строить.

Овладение мастерством архитектуры требует всесторонней образованности. Витрувий- настойчиво указывает, что архитектору «надо быть и одаренным и прилежным к науке, ибо ни дарование без науки, ни наука без дарования не в состоянии создать совершенного художника. Он должен быть человеком грамотным, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, иметь понятие о медицине, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и в небесных законах».

Витрувий пленил Баженова своей ясностью, правдивостью. Впоследствии он убедился, что вся европейская архитектура, начиная с Возрождения, обязана Витрувию своим восприятием античности. Неудивительно, что Баженов до конца жизни не расставался с «римским евангелием». Он обращался постоянно к Витрувию, который учил широкому охвату всего архитектурного искусства в целом, не ограничиваясь схоластическими советами

«как», но терпеливо и подробно объясняя «почему».

Книги Витрувия, которые Баженов настойчиво рекомендовал изучать, когда стал зрелым мастером, были чужды случайности, диспропорции, основаны на законах ясных и разумных, как и сама архитектура.

***

В Академии начались занятия.

В списке учеников, с показанием старшинства их по экзаминации, на первом месте значился двадцатилетний «разночинец» Василий Баженов.

Всего в Академии было тридцать восемь учеников. Им выдали по одной паре платья «вседневнего», по одному праздничному кафтану, епанчу, башмаки и на прокорм по одному рублю пятьдесят копеек в месяц.

Академия помещалась в трех старых, еще при Петре построенных домах на Неве, между 3-й и 4-й линиями. От домов к Неве шли высокие мостки на сваях.

Распорядок дня в Академии был следующий, вставали в пять часов утра, в половине шестого становились на молитву, с шести до часу шли занятия живописью, архитектурой, скульптурой и гравированием, с двух до шести — языки, с семи до восьми — натура, в девять — ужин.

В инструкции подполковника Щербатова «приказано было смотреть, чтоб было учение их порядочное без шалостей и обхождение их благопристойное и чтоб были непременно все в классах, не принимая от них отговорок разве за болезнью… За неприличные забавы или небрежение мундира и обуви сажать на хлеб и воду».

По своему режиму Академия смахивала на казарму…

Учебных пособий было очень мало. Книг в библиотеке по искусству было меньше сотни, да сотни три эстампов. В Академии преподавали также «гисторию и митологию», или, как называли этот предмет — «класс французских бредней».

Руководил преподаванием архитектор А. Ф. Кокоринов. Это — первый профессор, читавший по-русски публичный курс архитектуры. Ученики любили Кокоринова. Но между Кокориновым и рядом иностранцев-преподавателей (Лагрень, Шмидт) происходили постоянные столкновения. Преподаватели-иноземцы больше заботились о показном блеске, а Кокоринов требовал «реалистичности приложения искусства к потребностям современного общества». Если Кокоринову не удавалось

проводить свои взгляды до конца, то это не его вина, а ошибка времени.

Кокоринов вскоре отметил блестящие способности Баженова и сделал Шувалову представление: «СПБ Академии Художеств студент В. Баженов, по особливой своей склонности к архитектурной науке, прилежным своим учением столько приобрел знания, как в начальных пропорциях, так и в рисунках архитектурных, — чем впредь хорошую надежду в себе обещает, — что он и осмеливается, за его прилежность и особливый успех, всепокорнейше представить к произвождению в архитектурные второго класса кондукторы, с жалованием по 120 рублей [в год]».

Шувалов доложил об этом сенату, который утвердил предложение Кокоринова.

В годы, когда Баженов учился в Академии, в Петербурге стали проводить новую систему застройки, начав решительную борьбу со старым феодальным порядком, при котором «хоромы или жилые комнаты стали строить, вдаваясь во двор, а подлое строение строить стали налицо, по обычаю старинному».

Баженов застал процесс исчезновения деревянного Петербурга. Он начался еще в первые годы царствования Елизаветы. Возводились красивые каменные дома, блещущие богатством архитектуры, роскошные дворцы и великолепные особняки. Набережные Невы и каналов облицовывались гранитом. Даже воинские казармы своим внешним видом ничем не выдавали страшной тюремной жизни солдат за их стенами, украшенными пилястрами и колоннами.

Весь город должен был превратиться в дворцовый ансамбль. Из его пределов стремились изгнать всех «черных» людей, десятками тысяч жизней заплативших за красоту и величие столицы. Это на их костях возведены дворцы, абрис которых чарует взор художника.

Нигде в мире нет такого городского ландшафта в дни, когда столица одета перламутром тумана и прозрачной прохладой белых ночей…

Елизавета была крайне невежественна, но любила блеск, веселье, наряды. Праздник сменялся праздником, маскарады следовали один за другим… Этот блеск и богатство оплачивались страданием и кабалой целого народа: вельможи через управителей буквально морили голодом тысячи и тысячи крепостных, чтобы собранным оброком оплатить блеск столичной жизни…

Баженов испытывал смешанное чувство очарования и грусти: Петербург приятно поражал его архитектурное воображение

своими широкими перспективами, ясным планом. Но он не мог без грусти вспомнить Москву, с ее уходящим древнерусским зодчеством.

На петербургских строениях Баженов изучал следы архитектурных влияний различных школ: французской, германской, скандинавской и голландской. И как ни сильна была петровская традиция строить город на «голландский манир», в процессе формирования архитектурного образа города чувствовалось и влияние Москвы, древнерусской национальной архитектуры.

В недавно поднявшемся Петербурге было просторнее, чем в Москве. Домики мещан и «подлого люда» были невелики и невзрачны, зато дворцы в усадьбах вельмож широко раскинуты, фасады их ярко раскрашены, а статуи и купола на крышах раззолочены.

Но улицы были плохо устроены, грязны и пыльны, хотя за несоблюдение правил гододской. чистоты, «чтобы никакого скаредства и мертвечины не валялось», били кнутом и ссылали на каторгу.

В часы досуга Баженов любил бродить вдоль рек и каналов, по которым плыли красивые гондолы и лодки с палатками. От северных каналов мысль переносилась к венецианским, с их величественными палаццо на берегу. Увы! Он мог ими любоваться только на «увражах».

Когда Баженов высказал нетерпеливое желание поехать на Запад совершенствоваться, так как академического образования было для него явно недостаточно, учитель Деламот сказал:

— Торопливость и самоуверенность погубят его…

Баженов жил впроголодь, одет был в нескладный казенный кафтан; получаемое содержание исчезало через несколько дней после получки. В эти дни он посещал трактиры, пил с друзьями вино и вдохновенно, с горящими глазами, говорил об искусстве, пугая друзей фантастичностью своих замыслов. Потом наступал период безденежья, и голодный Баженов бродил по Петербургу, очарованный возникающими при фантастическом свете петербургских ночей прекрасными городскими перспективами…

Одним из непосредственных учителей Баженова в первые годы академического, учения был Валлен Деламот. Этот зодчий внес в петербургскую архитектуру то изящество, которое было присуще французским архитекторам — последователям теорий Виньолы и Витрувия. Художественные взгляды Деламота были особенно близки Баженову, пламенному ученику Витрувия.

Одаренность и успехи Баженова в Академии были очевидны для всех.

По отзыву надзирателя Академии, Баженов был «нраву скрытного, поведением же и успехами превыше похвал».

Как отличного и одаренного ученика, Баженова представили графу Растрелли. Блистательный придворный «обер-архитектор» одобрительно отозвался о проектах молодого зодчего и предложил ему принять участие в строительстве храма Николы Морского.

— Не сомневаюсь, сударь, что вы вашими талантами великую нам принесете пользу.

Баженов был польщен.

Кто мог знать, что замечательный мастер Растрелли, спевший лебединую песнь барокко в русской архитектуре, построивший десятки дворцов, через десятилетие, всеми забытый, умрет в бедности?

Все творчество Растрелли характерно исключительной целостностью стиля, не знавшей ни колебаний, ни смены вкусов.

Растрелли любил изобилие пышных скульптур на парапетах крыш, охотно применял кариатиды, пилястры, переходящие книзу в волюту, стремился к блеску фасада, к эффектным порталам. Завершая своим творчеством эпоху барокко, Растрелли довел его до такого блеска и совершенства, что сделал невозможной дальнейшую работу в этом стиле мастерам меньшего размаха.

Но изысканная декоративность его созданий часто оставляла Баженова равнодушным.

ДИПЛОМ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМИИ

В осенний солнечный день 1760 года в Париж приехали два молодых русских художника. Это были первые «пенсионеры» петербургской Академии художеств — Баженов и Лосенко. Они прибыли по Версальской дороге. В домике заставы посреди обширного луга проверили их документы, из которых явствовало, что они — воспитанники императорской петербургской Академии художеств, посланы в парижскую Академию для совершенствования в искусстве. Они выслушали несколько фраз чиновника, любезных и приветливых, и вернулись к своему экипажу.

Старый полицейский офицер, проводив взглядом экипаж, заметил своему сослуживцу:

— Удивительное дело! За долгие годы моей службы я впервые пропускаю русских, которые едут в Париж заниматься искусством. Мало этой голытьбы в Латинском квартале! Для чего этим варварам искусство?

Экипаж проехал лужайку и повез путешественников по Елисейским полям. Приближалась Сена с нарядными домиками на берегах, холм Мартра с ветряными мельницами. Громады зданий с высокими шпицами и куполами рисовались величественным архитектурным силуэтом на жемчужном фоне покрытого легкими облаками неба…

Новый городской пейзаж, необычный и прекрасный благодаря золотистому свету угасающего солнца, взволновал Баженова.

— Сколь прелести и величия в этом зрелище!

Лосенко молчал.

Восторженный Баженов с чувством скандировал «стихи похвальные Парижу» Тредьяковского:

Красное место! драгой берег Сенский,
Тебя не лучше поля Элисейски:
Всех радостней дом и сладка покоя,
Где ни зимня нет, ни летнего зноя…

Дорога была в рытвинах, кое-где от недавнего дождя стояли большие лужи, кругом лежали нечистоты. Экипаж бросало на ухабах. Расстилавшаяся впереди панорама города ежеминутно перемещалась, но это только усиливало ее живописность.

Баженов не отрывал глаз от Парижа.

Вот он Париж — город блистательной роскоши и отвратительной нищеты! Город смелых философов и художников, провидящих будущее, и трусливой аристократии, полной страха перед настоящим…

Экипаж катился по городским многолюдным улицам. По этому пути следовали многие, увлеченные честолюбием и туманными иллюзиями. Этот великий город привлекал людей со всего мира. Удачливые возвращались из него воодушевленные успехами, знаниями и славой. Иных засасывало губительное болото нищеты и порока в глухих задворках блистательной столицы, и они погибали, расплачиваясь жизнью за обманувшие их мечты…

Баженов и Лосенко ехали мимо жалких лачуг, находившихся в соседстве с великолепными отелями, огражденными от улицы железными решетками, за которыми в обильной и тенистой зелени платанов прятались поэтические руины, созданные по прихоти аристократии…

Да, Баженов не знал, что, в предчувствии своей гибели, аристократия отдавала дань меланхолическим переживаниям и поручала архитекторам возводить в своих парках гробницы-колонны, хижины — «эти символы бедности, уничтожения и смерти» (А. Франс).

— Как противоречивы вкусы парижан, — сказал Баженов Лосенко.

Смутная тревога овладела Баженовым.

Что ожидало его в Париже — городе, о котором он так мечтал во время одиноких прогулок по берегам величественной Невы? Он видел и тут разительные контрасты между унижающей человека бедностью и всемогущим богатством. Да, только завоевав себе место среди вершителей судеб человеческих, он осуществит свои превосходные замыслы, волновавшие его и не дававшие ему спать по ночам, когда, вскочив с постели, при свете оплывающей свечи, поверял бумаге свои архитектурные фантазии…

Путешественники остановились в дешевенькой гостинице и, почистив платье после дороги — второй смены одежды у них не было, — явились представиться в русское посольство. Там их приняли надменно, даже не предложили сесть (по паспортам было видно, что приезжие не бог весть какие персоны, — разночинцы) и преподали совет вести себя благопристойно и не поддаваться соблазнам. Последнее уже было вовсе глупо — получаемого из Академии «пенсиона» едва хватало на прокорм…

Из гостиницы они переселились в окрестности Луара. Ряд домишек с балкончиками и наружными лестницами, между

которыми были протянуты веревки с сушившимся бельем, шатающиеся по улицам продавцы вафель, оборванцы и слуги в старых ливреях, высунувшиеся из окон женщины, занимавшиеся болтовней или перебранкой с соседками, — эти задворки блестящего города наводили уныние…

Баженов и Лосенко поселились здесь из-за дешевизны квартир, — получаемое ими содержание в переводе на французские деньги составляло всего 600 франков в год. Они занимали комнату в третьем этаже одного из старых домов, глядевшего на улицу облезлым фасадом. На третий этаж вела грязная, с истертыми плитами, лестница которая прямо подводила к разбитой со щелями двери. Комната, в которую из-за плохой двери постоянно дуло, служила молодым художникам и кабинетом, и спальней, и мастерской. Большая перегородка делила комнату на два длинных коридора, в конце которых были окна, к счастью, выходившие на юг. Они снимали комнату у прачек и, ежедневно вдыхая горячий пар мыльной воды, любовались еще разнообразным ассортиментом белья, развешанного по балюстраде антресоли.

Комната постепенно приняла пристойный вид. Отвалившаяся со стены штукатурка была завешена этюдами Лосенко и гипсами, полками с книгами.

Лосенко, распевая — раньше он готовился в церковные певчие — писал свою картину «Чудесный лов рыбы». Баженов копировал чертежи или вырезал из дерева модели дворцов.

Художественное воспитание Баженова проходило под руководством зрелых и даровитых мастеров парижской Академии, как Ж. Суффло, создатель парижского Пантеона, А. Ж. Габриэль, строитель Малого Трианона, Пейр. Главным наставником Баженова был королевский архитектор Шарль де Вальи.

Баженов вставал с рассветом и, если не работал дома, уходил в Академию или бродил по Парижу, изучая памятники архитектуры. Он сделал модель римского храма Весты по Витрувию и показал его де Вальи. Тот изумился и не поверил, что это сделано его молодым учеником — так отчетливо и с такой математической точностью.

— M-r Basile изволит шутить? — спросил де Вальи.

Но Баженов принес еще несколько моделей, и профессор рассыпался в комплиментах, не сомневаясь в блестящих дарованиях своего русского ученика.

— Вы, сударь, составите украшение вашего отечества, однако помните, что при ваших талантах вам недостает знания математики, чистейшей и лучшей матери всех наук…

Свои досуги Лосенко и Баженов часто делили с молодыми веселыми прачками, водили их в ресторан «Золотой каплун», не отличавшийся чистотой и изысканностью яств, но дешевый и отпускавший в кредит. Иногда художников навещал соотечественник Федор Каржавин — сын купца, изучавший в Париже коммерцию, завсегдатай кофеен и бульваров, где он вместо коммерции слушал вольнолюбивые рассуждения энциклопедистов. Получив из России денежный перевод, Каржавин немедленно его пропивал, угощал художников, а в минуты безденежья приходил и жаловался, что его донимают «перюкеры, портные, мастера, башмаки делающие», угрожая за неуплату долгов упечь в тюрьму. Так житейски познавалась наука коммерции.

Когда Баженов развивал свои грандиозные планы, Каржавин пытался его отрезвить подобными тирадами:

— Ты полагаешь, что искусство красотою своею уравнять может и вельможу и бедняка. А вот король совсем не почитает искусства господина Вольтера, а бедный народ и здесь и в России не поймет величия собора Нотр-Дам или церквей, коими хочешь ты мир украсить, ибо голод и нужда разучили народ молиться…

Баженов учился в Париже в период усилившейся борьбы социальных формаций, получившей свое отражение в искусстве в виде смены стилевых течений.

На этапе между двумя стилями — барокко, отразившем идеологию укрепившегося в первой половине XVIII века французского абсолютизма, и классицизмом возник на короткий период новый стиль — рококо. Стиль этот уже нес на себе неизгладимую печать разложения дворянского общества, разложения, которое с такой исторической очевидностью выявилось к концу века. Былая мощь и стремление к помпезности, внешним выражением которой служил стиль барокко, сменились у аристократии усталостью, желанием уйти к интиму, в интерьер, в тесный мирок собственного круга. Сохраняя внешне безраздельное политическое господство, аристократия полностью оторвалась от общественной и экономической жизни страны. Паразитарное существование аристократии обнаружилось с полной очевидностью. Ей уже не нужны, даже опасны для ее существования, те импозантные дворцы, которые так недавно надменно подчеркивали могущество и знатность владельца. Под угрозой все возраставших сил «третьего сословия» (городской буржуазии) аристократия все больше замыкалась в собственный интимный мирок, на время отходила от активной политической жизни. Крупные масштабы барокко уже не соответствовали ее новому мироощущению. Жеманно-капризное,

вычурное и хрупкое рококо, с его тяготением к малым формам, больше соответствовало новым настроениям аристократа, уходившего от активного участия в политической борьбе.

Рококо наиболее ярко выявлено в живописи XVIII века — манерные зротическо-галантные идиллии (Ватто, Буше) на сельские и мифологические темы — и в художественной промышленности (севрский фарфор). Стиль декаданса феодально-дворянской культуры XVIII века — рококо — отмечен печатью внешнего, но неглубокого мастерства, претенциозной грациозности, болезненно-хрупкой и в то же время идейно-опустошенной. Неслучайно слово рококо (rocaille) означает раковину. В эту раковину стремилась укрыться французская аристократия в предчувствии социальной бури, которая с такой силой и страстью разразится в конце XVIII века в виде Великой французской революции. Сущность стиля рококо хорошо отразил французский поэт Парни:

Давайте петь и веселиться,
Давайте жизнию играть;
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать!
(Перев. А. С. Пушкина).

С внешне формальной стороны характерной чертой искусства рококо являлась иллюзорность. Для архитектуры этот стиль был особенно опасен тем, что грозил утратой не только конструктивного смысла сооружения, но даже его внешнего архитектурного образа. Причудливые изломы линий, пренебрежение конструкцией, алогичность, неоправданность деталей сооружения, подчеркнутая иррациональность грозили архитектуре — и как технике и как искусству — превращением в нарядную, но пустую декорацию, чисто формальную игру объемами и линиями.

Приблизительно к середине XVIII века во французском искусстве намечается перелом, вызванный активным идеологическим наступлением буржуазии. Крепнущая буржуазия требует от искусства добросовестного реализма. В это же время производится замечательное археологическое открытие, которое еще более способствует появлению нового стиля. В Южной Италии открываются руины древнего города Помпеи, и перед миром воскрешается замечательная архитектура древнегреческой цивилизации. В обществе и литературе вырастает небывалый интерес к греко-римской культуре. Величие и мощь, соединенные с простотой и строгостью линий античной архитектуры,

становятся близкими идеологии крупной буржуазии, в своих верхних слоях связанной с дворянством.

Французский классицизм, ориентировавшийся на античность, выдвигал на первый план систему, дисциплину, логику. Ясность, закономерность, строгий порядок и логическое развитие идей, правильная организация пространства — таковы основные требования, которые классицизм предъявлял архитектуре.

Рационалистическое мировоззрение революционной тогда буржуазии оказывает влияние на дворянское искусство, которое опрощается, отказывается, после недолгой борьбы, от кричащей нарядности и бьющего в глаза легкомыслия.

В работах учителей Баженова — де Вальи, Габриэля, Пейра, Суффло — видна эта торжественная мощь классицизма, навсегда пленившего сына московского дьячка. Несравненным шедевром классического стиля является композиция Луврской колоннады и грандиозный ансамбль Версальского дворца, изучению которого Баженов посвятил много времени.

Тяга к античности внесла новую струю и в преподавание той эпохи. Усиленно изучается Витрувий, и его труд становится необходимым пособием при составлении планов всех новых сооружений.

Официальным наставником Баженова был Шарль де Вальи, ученик Ж. Ф. Блонделя, считавшего расцвет классицизма закономерным: «Все открытия в архитектуре уже сделаны — нам остается согласовать эти принципы в наших произведениях. Поэтому мы должны избегать контрастов, мы должны помнить о превосходных образцах античности, согласовать их принципы с нашей практикой»… — В этом высказывании уже была заложена программа классицизма, певцом которого в России стал Баженов.

***

Незаметно промелькнули полтора года учения в Париже. Настала горячая пора экзаменов в Академии. Экзамены могли держать желающие, уверенные в своем успехе. Баженов явился первым.

Биограф Баженова, Болховитинов, рассказывает: «Успехи его были чрезвычайные, так что по собственному своему желанию представ на публичный экзамен в Парижской архитектурной Академии, приобрел он перед многими иностранными сверстниками преимущественное одобрение. Его следовало бы там наградить золотою медалью, но как таковая награда в сей Академии давалась только питомцам католического исповедания,

то на удостоений оной в засвидетельствование даны ему были только диплом за подписанием академиков Лероа, Суффлота, Габриэля, академического секретаря Бребиона и, наконец, самого генерал-директора маркиза де Мариньи».

П. Г. Чернышев 6 марта 1762 года писал И. И. Шувалову: «об этом человеке [Баженове] мне говорят до невероятности много хорошего; думают даже, что в ближайшем собрании архитекторов он получит первую награду за сочиненный им проект Дома инвалидов, необыкновенно прекрасный. В то же время говорят, что поведение и нравственность его отвечают его таланту; но бедняк лишен нужных средств к жизни. Если бы вы прибавили к его жалованью сотенку-другую рублей, его положение сделалось бы лучше».

Успехи Баженова стали очевидны и для петербургской Академии. 19 августа 1762 года на торжественном собрании петербургской Академии Баженов был произведен в адъюнкты. Ему увеличивают жалованье до 400 рублей в год, хотя продолжают попрежнему высылать его — неаккуратно; Баженов бедствует, зарабатывая на жизнь чертежами для парижских архитекторов.

Наконец, Баженов и Лосенко получают от Шувалова «ордер».

«Господа академии адъюнкты!

Ея императорское величество между прочими великими попечениями о пользе и добре своего государства и художества своим покровительством удостоила; почему все вы наикрепчайше свои старания усугубить должны, дабы удостоиться монаршего благоволения. Мне не инако как весьма приятно слышать о ваших успехах и вашей прилежности, которыми вы делаете честь себе, а более нашей нации, о чем уверен, что вы, всегда получа о себе такую репутацию, более ея распространения не оставите. По последнему экзамену вы произведены оба адъюнктами, с чем я вас честь имею поздравить.

Писал я графу Петру Григорьевичу [Чернышев, русский посол в Париже], чтобы вас, естли обстоятельства требуют, отправить в Рим, о чем вы, доложась его сиятельству, свои распоряжения к тему приготовьте, ко мне же, как об этом, так и о протчем, что до вас принадлежит, чаще пишите.

Господина Лосенкова картину [«Чудесный лов рыбы»] нетерпеливо ожидаю. На место вас в Париж ученики посланы будут; в протчем я с почтением».

Через две недели оба молодых художника неожиданно (Академия не отвечала даже на настойчивые запросы) получили второе письмо.

«Господа адъюнкты: Что принадлежит для Вашего жалованья,

то оное переведено к вам, считая с 21 сентября 1762 года вперед на год, через купца Томсона, которое, я чаю, вы и получили; но как мое намерение, что Лосенкову быть в Москву, а Баженову на зиму в Рим, как о том я писал к графу Петру Григорьевичу, то в случае нужды, если не достанет на ваше жалованье и к отъезду на принадлежащие исправности из тех прежде посланных через купца Томсона денег еще послано верющее письмо через купца Мишеля на тысячу рублев, из которых денег употребя на ваши нужды, как в жалованье, так и пристойного числа на дорогу, и что из того останется, то можете употребить на покупку хороших эстампов, рисунков, книг и протчего пристойного и подобного для Академии художеств и, накупя все оное, отправить в Академию».

30 октября 1762 года чрезвычайный российский посланник в Париже граф Чернышев выдал счастливому художнику паспорт на два года, и Баженов поехал в Италию.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ

Рим… Волнующая встреча с античностью. Кварталы, навевающие грусть своей пустынностью, одинокие, забытые памятники и колонны, обвитые виноградом…

Замечательные страницы посвятил Риму XVIII века Анри де Ренье.

«Городский пейзаж менялся в разное время года и дня: был то мягким и туманным, окутанный жидким, словно струившимся воздухом, то четким и словно скульптурным под ясным, прозрачным небом. Соборы, колокольни и кампаниллы поднимались из смутной громады домов. Высокие развалины, дикие и обнаженные, словно показывали остов старого Рима и обрисовывали каменный скелет его древнего величия…

У этих остатков, то полувросших в землю, то иногда поднимавшихся над нею, была различная судьба. Время придумало для них новое употребление: внутри древнего храма поместилась церковь; к подножию его фундамента прислонилась лавочка. Обелиски среди площадей были увенчаны крестом; барельефы, врезанные в стены, связывали их своими скульптурными кусками. Исполинские термы, обрушившись, покрывали своими обломками многие десятины, гигантский цирк отдавал каменоломам в добычу свои глыбы и пласты. Колонны, по горло засыпанные поднятием почвы, превратились в невысокие тумбы. Землею были закупорены пролеты триумфальных арок. Целые кварталы, некогда густо населенные, обратились не более как в сады. Виноградники покрывали холм на правом берегу Тибра.

Эта зелень была великим очарованием Рима, наряду с его водами, которые водопроводы разносили по резервуарам. Они били вверх бесчисленными фонтанами.

Фонтаны были всех видов, они образовывали то каскад, то струйку. Из раковины Тритонов они обрызгивали бронзовые спины морских коней или изо рта какой-нибудь фантастической головы наполняли водоем со щербатыми краями. Между ними были скромные и пышные, гулкие, которые шумели, и тихие, которые плакали, одинокие, уединенные и почти молчавшие. Фонтан на площади Навонской оживлен огромным сооружением статуй, скал и зверей; фонтан Павла изображает триумфальную арку, у которой вместо дверей хрустальный водопад из трех отвесно падающих скатертей. Иные изображают черепах; но из этого именно, из фонтана Треви следует напиться, покидая город»…

Фонтаны Треви, равно как и другие создания Лоренцо Бернини (1598–1680), особенно пленили Баженова.

Чисто эстетическое любование античностью сменялось у молодого архитектора глубоким и пристальным изучением памятников античной эпохи. Он терпеливо обследовал гробницы, храмы, уцелевшие портики, руины пропилеи, тщательно зарисовывал, обмеривал, воссоздавая на бумаге замыслы зодчих минувших столетий[1].

Римская Академия св. Луки открывает перед Баженовым свои двери. Он создает проект лестницы для Капитолия в Риме, который признается одним из лучших. И только петербургская Академия забыла о Баженове. Живя в Риме, молодой зодчий сильно нуждается в деньгах. Часто у него нехватает на обед…

Наконец, приходит долгожданное письмо из Петербурга.

Кокоринов пишет:

«Академия никакого от вас по ныне известия не имеет, того для вас подтверждается, чтобы изволили при оказиях о себе уведомлять, а особливо по прибытии в Петербург, вы непременно должны будете представить журнал всего вашего вояжа и что, примечания достойно, будете видеть и в каких местах; вы можете остаться в Риме год или полтора, а потом изволите объездить и осмотреть знатнейшие города и академии в Италии с тою же суммою, а об отъезде в С.-Петербург ожидать ордера, наиболее всего рекомендую употребить время вашего вояжирования к славе своего отечества и к собственному благополучию».

Одновременно Кокоринов извещал о переводе векселя на 1000 рублей.

Баженов рассчитался с долгами и стал работать еще настойчивее. Он выдержал публичный экзамен в римской Академии, получил диплом и звание академика «с привилегиею быть ему даже действительным профессором архитектуры в сей Академии».

В Риме середины XVIII века хорошо знали цену архитектурному мастерству…

Баженов, которому недавно исполнилось двадцать семь лет, становится знаменитым художником; он восхищает римские художественные круги смелостью проектов, их художественной глубиной и законченностью.

Секретарь римской Академии св. Луки синьор Поччи посылает Баженову официальное приглашение и торжественно заявляет:

— От имени Академии св. Луки предлагается вам вступить в число ее членов…

Но слава академика была чисто платонической: она еще не

давала заработков.

Деньги иссякли, и Баженов снова бедствует. Настойчивые и резкие письма в Петербург остаются без ответа. Молодому академику буквально угрожает голод. Не оплачены квартира, счета поставщиков… Приходится осаждать русского посла князя Голицына унизительными письмами о своем бедственном положении; наконец, тот высылает из Парижа 500 франков.

Баженов отправился в путешествие по Италии. Он посетил Геную, Пизу, Венецию, Флоренцию, Парму, Болонью.

Болонья вплела в венок молодого Баженова новый лавр: известная в то время болонская Академия также избрала его своим членом. Это был второй русский художник, завоевавший признание в значительном тогда очаге итальянской культуры, — незадолго до этого болонская музыкальная Академия дала титул почетного академика Максиму Созонтовичу Березовскому, музыканту и композитору, имя которого было вырезано золотыми буквами на мраморной доске Академии.

В Болонье состоялось знакомство двух талантливых русских художников — Баженова и Березовского.

Вместе бродили они по тихим улицам и площадям Болоньи, любовались игрой струй фонтана против большой церкви Сан-Петронио… Вместе мечтали о будущем.

Мечты Баженова уносились к городам с дворцами, прекрасными зданиями, колоннадами… Эти дворцы будет строить он, Баженов, и их архитектурный силуэт четко рисовался в воображении зодчего.

Березовский жил в царстве звуков.

— Я люблю Болонью. В здешних церквах так хорошо пахнет камнями, холодом и воском… В блеске церковного золота, в волнах ладана я люблю слушать пиесы францисканской капеллы моего учителя падре Мартина.

И оба русских художника грустили о родной стране: она казалась далекой, лежащей в пустынных снегах…

Баженов вспоминал отца, его громоподобный бас, церковный хор в скромной церкви и свой народ — талантливый, но темный и забитый, приходивший в церковь искать утешения или мимолетного забвения своей безрадостной жизни.

Но перед ним была Болонья: казалось, что под ласковым небом Италии жизнь полна довольства, безмятежности — за городом лежали холмы, голубеющий простор виноградников.

И Березовский вспоминает родину.

Киев…

Вечерний час, темнеющее небо, ярко сверкает россыпь звезд, слышатся женский смех и музыка, а он, рожденный в бедности,

прячется в темном саду, не смея приблизиться к господскому дому, задыхается от необъяснимого восторга и плачет от бессилия выразить этот восторг в звуках.

Березовский сообщает Баженову о своей опере «Демофонт», которую он повезет в Россию…

— В этой опере рассказана Овидиева повесть о любви Демофонта к скорбящей Деметре…

***

Баженов продолжает свое путешествие по Италии. Слава сопутствует ему. Его приняли в, число своих членов еще две Академии: Флорентийская и Клементийская. Это уже было мировым признанием.

В Россию Баженов возвращался через Париж.

Де Вальи представил его королю Франции.

— Сударь, — сказал король, — я рад приветствовать в вашем лице прекрасное искусство архитектуры.

Баженов поцеловал, по придворному этикету, протянутую руку и ответил:

— Ваше величество, я бесконечно тронут вашим вниманием и огорчен тем, что его недостоин.

Людовик XV, ознакомленный с рисунками Баженова, предсказал ему славное будущее. Де Вальи предложил ему остаться во Франции. От блестящих перспектив придворного художника Франции Баженов отказался: он предпочел сомнительное будущее на своей родине.

Но вернуться в Россию было не с чем — не было денег. В ответ на просьбу петербургская Академия пишет Голицыну: «Отправить сюда на первых кораблях, дав ему на дорогу до С.-Петербурга, сколько заблагорассудите»…

Получение законной суммы на обратный переезд превратилось в унизительную подачку.

9 апреля 1765 года Баженов получил от князя Голицына паспорт и выехал на родину, полный самых радостных ожиданий.

ПОПЫТКА ПОЛУЧИТЬ ЗВАНИЕ ПРОФЕССОРА В ПЕТЕРБУРГЕ

За время отсутствия Баженова на родине произошли крупные политические события. Кончилось двадцатилетнее царствование Елизаветы, на престол вступил Петр III. Этот монарх, герцог Голштинский, немец по происхождению и солдафон по воспитанию, боялся и ненавидел Россию, называя ее «проклятой страной». В окружении шпионов прусского короля, которым он выбалтывал все государственные тайны, Петр III проводил краткие дни своего царствования. Русский царь управлял страной словно верноподданный прусский министр. Национальное достоинство русского народа грубо попиралось, стране грозило превращение в придаток прусского королевства. Дворцовый переворот, организованный женой и поддержанный русским дворянством, закончил краткое и бесславное его царствование.

На престол вступила жена Петра III — Екатерина II.

Крепостное право распространялось вширь и вглубь. Помещикам предоставили неограниченную власть над крепостными, запретив последним даже жаловаться на притеснения со стороны своих господ. Военно-бюрократическая дворянская монархия крепкими цепями сковала огромную страну — самая. жестокая эксплоатация крестьян шла об руку с лицемерными разговорами о просвещении, о началах справедливости.

Реформы коснулись и петербургской Академии художеств.

Шувалов ушел в отставку. Его сменил Бецкий, хитрый, льстивый и сластолюбивый царедворец. В искусстве он понимал мало, но живо интересовался француженками (он выписал их несколько человек в качестве воспитательниц будущих гениев искусства) и своими домашними делами: цыплятами, выводимыми в фарфоровой печке, собачкой, приученной лизать руку, и ручными канарейками, летавшими по комнате. Эти предметы и составляли любимую тему разговоров господина президента императорской Академии трех знатнейших художеств — Ивана Ивановича Бецкого.

Возвратившись из-за границы, Баженов начал работать в Академии. Он приехал в разгар подготовки к торжеству посвящения — инавгурации — Академии и принял участие в оформлении празднества, проводя дни и ночи за стройкой декоративных павильонов.

Тем временем, по публикациям в петербургских и московских

«ведомостях», для обучения искусствам при Академии стали принимать детей от трех до пяти лет включительно. Переступив порог этого рассадника будущих великих людей, дети передавались на руки француженкам, «все достоинство которых, как утверждала хроника того времени, — заключалось в том, что они родились в деревнях, соседних с Парижем, и согласились взамен занятий портних и прачек разыграть на берегах Невы роль наставниц»…

Баженов резко, критиковал такую систему воспитания. Он издевался над попытками производить таланты казенным, подрядным способом… Едкие замечания Баженова дошли до Бецкого, и тот затаил злобу.

— Этот сын дьячка смеет иметь суждение о предметах и методах, которые получили апробацию просвещенных мужей!..

Однажды Бецкий пространно объяснил свою воспитательную программу.

— Мне по неизреченной благосклонности судьбы удалось привести в исполнение хоть малую часть великих предначертаний Даламберта и особенно Руссо — относительно образования новой породы людей, свободных от преступлений, позорящих человечество… Как удобно с неразумного младенчества вдохнуть в юных питомцев зачатки всех добродетелей… Мы можем сделать из этих юных существ кого угодно! Художников? Прекрасно… Мы младенцев окружим с самого вступления в рассадник нашего образования изящными предметами…

И в классах были развешаны эстампы на мифологические сюжеты, вид которых вызывал у младенцев рев, и даже во сне их терзали козлоногие сатиры и рогатые фавны.

Баженов ратовал за другую систему воспитания. Он говорил о природных склонностях детей, которые необходимо развивать общим образованием, а затем, когда эти склонности проявятся, совершенствовать их упорным трудом.

— Талант — это трудолюбие…

Баженов не сомневался, что когда он будет профессором Академии, — а на это он имел бесспорное право, — он сумеет доказать свою теорию практически.

Узнав, что Баженов претендует на профессорство в Академии, Бецкий усмехнулся.

Торжество «инавгурации» приурочивалось к годовщине восшествия на престол Екатерины — 28 июня 1765 года. В залах Академии готовилась выставка работ русских художников. Рисунки, офорты, проекты Баженова оказались гвоздем выставки.

25 июня петербургская Академия художеств приняла

Баженова «в достоинство академиков академического собрания». Он стал членом уже пятой Академии.

Баженова решили представить императрице. За счет Академии — собственных денег у Баженова не было — ему сшили нарядный, отделанный золотом, кафтан. Представление Екатерине «для принесения всеподданнейшего благодарения» состоялось незадолго до торжества.

Баженова привезли во дворец. Придворные подозрительно косились на молодого и скромного художника: а вдруг царица изберет его своим фаворитом… В приемной зале Баженов увидел улыбающуюся полную женщину с пышной прической. Бецкий вытолкнул его вперед.

— Ваше императорское величество, осмелюсь просить удостоить благосклонным вниманием…

Екатерина резко повернула голову. Баженов встал на колени и поцеловал величественно протянутую руку. Осиплым и грубоватым голосом императрица произнесла несколько слов, которых Баженов не разобрал, продолжая стоять на коленях, как провинившийся мальчишка… Екатерина уже разговаривала с каким-то вельможей. Баженов чувствовал себя глупо. По знаку Бецкого, он поднялся и, пятясь и кланяясь, скрылся за спинами придворных, довольный, что эта унизительная церемония кончилась…

Наконец, настал день «инавгурации».

Здание Академии было оформлено двадцатью четырьмя портиками с балюстрадами, колонны обвиты зеленью и между ними расставлены статуи, изображавшие: Натуру, Учение, Дружбу, Стихотворство, Прилежность, Любовь, Вымысел и др. Праздник открылся шествием учеников в сопровождении служителей в ливреях, преподавателей, профессоров — все были построены и двигались, как на вахт-параде. Торжество сопровождалось льстивыми речами, славившими Екатерину и ее «просвещенный» ум.

…Настали будни.

Бецкий продолжал высокомерно третировать Баженова. И он был не одинок. Среди аристократии и иностранцев-архитекторов о Баженове принято было говорить пренебрежительным тоном. Главное, что вызвало неудовольствие, — это плебейское происхождение художника.

— Подумать только — сын дьячка — и в мундире академика!

Мундир с Баженова снять было трудно, но решили взыскать с него деньги за сшитый ему парадный кафтан. Баженов был взбешен и наговорил секретарю Академии Салтыкову много дерзостей.

Совершенно неожиданно Баженов узнает, что ему назначен экзамен на получение звания профессора архитектуры.

Старые учителя Баженова — Кокоринов и Деламот предложили тему — проектирование дворца и разбивку парка в Екатерингофе.

Участок, омываемый с севера Фонтанкой, с запада — водами Финского залива, с юга и востока — речкой Таракановкой, — представлял зеленый остров и позволял зодчему широко развернуться.

По программе надлежало разработать проект «увеселительному дому, величины посредственной» (в два с половиной этажа), и двух отдельных флигелей. Кроме сложной планировки интерьера. Баженову предстояло дать план большого двора и двух малых, с размещением на них конюшен, служб и т. д. Затем требовалось спроектировать сад «в английском вкусе с удобными прудами».

По существу это было требование, Которое можно было предъявить зрелому мастеру, имеющему большую практику: создать замкнутый дворцовый ансамбль с включением в архитектуру и окружающей природы казалось довольно сложным делом.

Но для творческой фантазии Баженова рамки довольно обширной академической программы оказались тесными. В представленном проекте с семью чертежами Баженов развивает свой план так:

«Воображая по заданной мне программе и положению места, что сей дом должен быть увеселительный, ионического ордена (ордера), иметь зверинец и стоять в роще, вздумал я основание его представить развалинами древнего Дианина храма, и для чего поднять его гораздо выше фундаментом, как назначено в профиле. Предписанную мне сему дому четырехугольную фигуру [форму] переменил я на круглую… В местах [расположения] флигелей я рассудил сделать амфитеатр, имеющий вид древности, чтобы он тем более приличествовал к представленному в развалинах основанию. Сей дом можно сделать и без руин, ежели то не пожелается. Я расположил на плане на двое [два варианта], и ежели без руин, то сделать амфитеатр с обыкновенными колоннами, число их употребить такое, сколько у нас есть городов, почему и поставить на них статуи с гербами каждого города… Пропорции сему дому я дал Палладиева вкуса, кой в строении увеселительных домов более других я почитаю; во многих же местах пропорции, данные мною по моему усмотрению. Против четырех сего дома портиков поставил я летящие на крылатых конях славы и против них

снаружи дома статуи, изображающие четыре части света… Большой двор назвал я Марсов, потому что в оном расположил я покои для конной с одной стороны, и с другой для пехотной гвардии. Позади же оного большого двора место промежду каналов, где есть теперь лес, определил я для зверинцев, по родам зверей. Сей дом обнес я каналами как для способности лучше проезжать к нему водою, так и чтоб дать ему течением воды живность и открытый вид итальянских строений. На одном из четырех круглых островков… места для каруселей и манежа, на другом же… амфитеатр… древне-римского вкуса для травления диких зверей…»

Объяснительной запиской, являющейся, по существу, подробнейшей экспликацией к чертежам (попав в архив Академии, они исчезли и не разысканы до сего времени), автор предлагает соорудить фонтан «на вкус де Треви в Риме», пристань на полукруглом канале и поставить ряд скульптурных групп.

Трудно судить о законченно-архитектурном решении дворца, его стилевых особенностях, хотя Баженов и говорит о «Палладиевом вкусе»; сложная планировка, круглая форма главного здания слишком отчетливо свидетельствуют о непреодоленном еще влиянии барокко, о пристрастии к вычурности. Руины и прочие атрибуты средневековой романтики позволяют думать, что у зодчего еще очень свежи были итальянские впечатления.

В то же время проект говорит уже о художественной зрелости двадцативосьмилетнего мастера.

Академия рассмотрела представленный проект. В протоколе было записано: «По заданной программе господину академику Баженову сочиненные им прожект с рисунками и изъяснениями апробованы, которые и определено, записав в журнале, хранить в академическом архиве».

В профессорском звании Баженову отказали: «Встретились обстоятельства и люди, помешавшие получить ему сию честь» (Болховитинов).

Только молодость и новая работа помогли Баженову перенести это тяжелое и незаслуженное оскорбление. Из Италии он получил письмо от своего друга Березовского: «Опера моя под названием «Демофонт» великий успех в Ливорно имела, и через нее от высоких особ множество я получил комплиментов… Чаю я, что крепостное состояние таланту и трудолюбию помехою быть не может».

— Наивный друг, — тяжело вздохнул Баженов.

Во время этих передряг состоялось знакомство Баженова с наследником-цесаревичем Павлом. Встреча произошла на

вернисаже в петербургской Академии. Павлу было тогда одиннадцать лет. Его воспитывали как будущего императора, но рвения к науке ученик не проявлял. Своему воспитателю Порошину он сказал:

— Куды так книг-то много, ежели все взять, сколько ни есть их; а все-таки пишут, да пишут…

Рисунки Баженова произвели на Павла большое впечатление, и архитектор получил приглашение на обед. Появление Баженова при «маленьком» цесаревичевом дворе, не имевшем тогда никакого влияния на политическую жизнь, не привлекло внимания. Но в дальнейшем это знакомство оказало влияние на судьбу Баженова.

На обеде присутствовали граф Панин и князь Хованский. Баженов с увлечением говорил о своих архитектурных замыслах. Павел внимательно слушал Баженова и загорелся желанием построить для себя дворец. Тут же за столом одиннадцатилетний мальчик приказал почтенным Панину и Хованскому отправиться на Каменный остров.

— Осмотрите, как бы там зачать строение.

Так возник один из первых баженовских дворцов. Здание это отмечено печатью классицизма. Впервые в этом дворце появляется излюбленный прием Баженова: ворота с овальными медальонами, убранными свешивающимися гирляндами. Позднее этот дворец был перестроен. Но один французский путешественник видел его до перестройки:

«Он очень красив, особенно благодаря своему местоположению [на берегу Невы]. Нижний этаж приподнят на несколько ступеней. Здесь мы видим, во-первых, большую переднюю, украшенную арабесками, далее зал овальной формы, который при большой длине кажется немного узким; декоративная часть в нем очень проста. Направо — помещение, из которого дверь ведет в небольшой театр, довольно красивый… Фасад к саду украшен колоннами. В конце сада находится небольшая часовня, построенная из кирпича: готический стиль, которому старались подражать при ее постройке, производит красивый эффект».

Вот и все, что дошло до нас о первом строении Баженова.

Вслед за каменноостровским дворцом он строит Старый Арсенал (сгорел в 1917 г.). Это простое по плану здание отличалось затейливостью архитектурного оформления: овальные окна, обработка наличников, срезанные углы.

Работа над проектом Старого Арсенала свела Баженова с генералом-фельдцехмейстером князем Григорием Орловым. Отважный и ленивый красавец, «граф и князь Римской империи»

Григорий Орлов, один из любовников императрицы и участник убийства ее мужа, проявлял интерес к искусству. На этой почве сблизились зодчий и царедворец.

В тот период Орлов еще пользовался влиянием; этим отчасти объясняется, что Баженова зачислили на службу в «Кабинет ее величества» и дали задание составить архитектурный проект института для «благородных девиц» при Смольном монастыре.

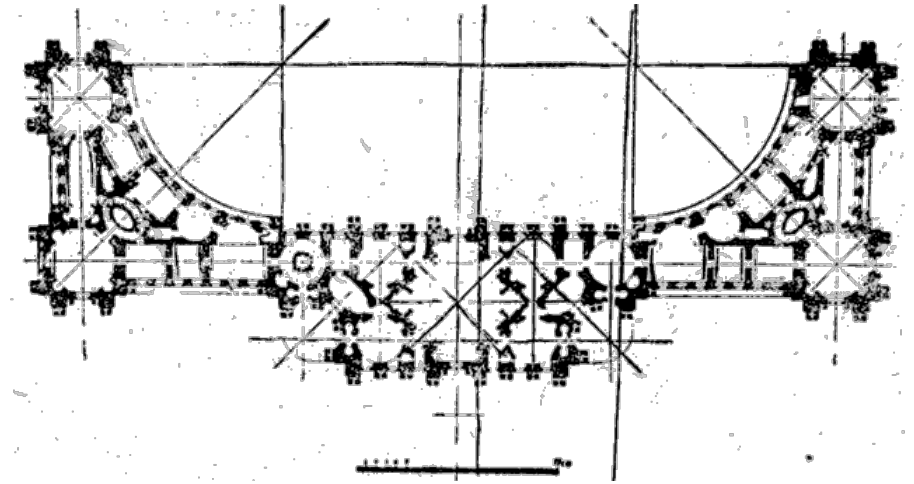
— Ты, — сказал Орлов недавно произведенному в капитаны артиллерии и главному архитектору артиллерийского ведомства Баженову, — сочини такой прожект, чтобы монархиня больше не сумлевалась в талантах отечественных художников…

Баженов улыбнулся и заверил сиятельного графа, что он приложит все силы, чтобы угодить императрице.

В 1767 году проект был готов. Грандиозная композиция института при Смольном монастыре восхитила Екатерину. Она приняла Баженова, наговорила ему много любезных слов и в знак особого благоволения протянула руку для поцелуя. Баженов был растроган и взволнован до слёз. Наконец-то, он приступит к большой, достойной его таланта, работе.

Академия художеств также не забывала Баженова. В ряде писем она вопрошала зодчего: когда же будет оплачен счет «деньгам, потраченным на парадную форму, 95 руб. 4½ коп. и на обратную поездку из чужих краев 200 рублей». Баженов писал ответы, тщетно стараясь доказать, что претензии Академии неосновательны. Наоборот, по представленным расходным документам, ему еще причитается жалованья, неоплаченного за границей, 1567 руб. 82½ коп., «вследствие чего он там терпел несносную нужду». Но это не убедило Академию, и деньги были удержаны из жалованья Баженова…

Между тем проект Смольного института дает уже достаточно ясное представление о зрелости мастерства молодого зодчего: «Один план этого гигантского сооружения является настоящим шедевром по остроумию и неисчерпаемой изобретательности… Будь это здание построено, мы имели бы в нем одно из величайших произведений русского зодчего» (И. Грабарь).



В. И. Баженов. План 2-го этажа Смольного института.

Неожиданно, по странному и непонятному капризу Екатерины, постройка Смольного института была поручена Кваренги…

Баженов пережил новое потрясение.

Великие зодчие того времени были подлинными мастерами-строителями — не чертеж на бумаге, не модель из гипса, а *возведенное здание* считалось настоящим завершением художественного замысла. Вне этого завершения их деятельность казалась им бесполезной. Кроме того, такие зодчие, как Брунелеско, Бернини, Борромини, Растрелли, Баженов и равные им мастера стремились не подражать совершенным образцам, а *превосходить* их, и в этом творческом соревновании их историческая заслуга перед мировым искусством.

Ни одного своего замысла, — из тех, где он вкладывал всю силу своего мастерства, — не мог Баженов осуществить в неприветливом Петербурге. Он стремился в Москву. Может быть, там ему удастся осуществить свою мечту: построить новый город, воссоздать на своей родной земле величайшие образцы искусства, виденное и изученные в далеких странах Запада.

Баженов поведал Орлову свой грандиозный план перестройки Москвы, начиная с Кремля.

Орлов знал, что Екатерина II не любит Москвы. В одном из писем к Дидро она писала: «Москва столица безделья… сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку, страстно любит рассказы о всяких возмущениях и питает ими свой ум… Фабрики огромной величины, которые имели безрассудство там построить и в которых чрезмерное количество рабочих… увеличивают смуты».

Однако Орлов почувствовал грандиозность баженовского

плана, его поразила широта замысла и то величие, которое сулило России осуществление этого строительства. Он довел о нем до сведения Екатерины.

Царица живо ухватилась за эту идею.

Баженов отправился в Москву. В Москве проект Большого Кремлевского дворца окончательно созрел и оформился в грандиозных масштабах.

БОЛЬШОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ

В одном из кремлевских дворцов под кабинет генерал-фельдцехмейстера отведена зала с двумя огромными стрельчатыми окнами. Два молодых человека, склонившиеся над разложенным на столе чертежом, терялись в ее просторе. Один из них, с красивым открытым лицом, в генеральском мундире с орденами — Орлов, другой — офицер в зеленом форменном кафтане с черными отворотами и светлыми пуговицами — Баженов, капитан артиллерии, никогда не имевший дела с пушками.

Баженов выпрямился над картой — добела напудренный парик, оставляя большую часть лба открытой, придавал еще большую яркость румяному лицу и усиливал блеск глаз.

Баженов развертывал перед Орловым план строения Большого Кремлевского дворца.

— На это дело, ваше сиятельство, может даже нехватит человеческой жизни. Надо думать и готовить продолжателей этого, обучить их…

Орлов, сибарит и кутила, относился безразлично к тому, что будет после его смерти. План Баженова увлек его своей новизной и грандиозностью; быть может; принимая участие в его осуществлении, он улучшит свое положение при дворе Екатерины II, место фаворита которой он вынужден был уступить более счастливому и опасному сопернику — Потемкину. Орлов с некоторым равнодушием слушал скучный, как ему казалось, план Баженова о подготовке новых архитектурных сил.

Баженов докладывал о составе «архитекторской команды» при модельном доме.

— Они должны со временем быть надежными помощниками при таком великом строении, как кремлевское. Начало работы от меня будет принято моими учениками, и после смерти моей они останутся с несколькими моими мыслями по привычке с малых лет.

Выслушав Баженова, Орлов сказал:

— Так смотри, Василий Иванович, не ударь лицом в грязь. Бецкий все выдвигает своих иностранцев.

Баженов знал, что в Петербурге при дворе ведутся глухие интриги, чтобы опорочить план и самую идею московского строительства. Компорези утверждал, что Баженов неправильно составил смету, преуменьшив стоимость дворца; Кваренги заявил, что дворец перегружен украшениями и вообще чересчур тяжел…

Но Баженов верил в размах и широту взглядов Екатерины.

— Мы с вами, господин Баженов, — сказала императрица на аудиенции, — не токмо Москву, все города империи перестроим…

В самом конце Петровского арсенала в Кремле, окнами к его вековой ограде, находилось жилье Баженова. Стена закрывала свет, и в комнате царил полумрак, располагавший к мечтательности; вместо завитков капители колонны, рассеянная рука рисовала женские локоны — мастер переживал пору влюбленности в Аграфену Лукиничну, воспитанницу семьи Каржавиных.

Но эти лирические минуты таяли в творческом подъеме художника. Чаще перед Баженовым возникали образы грандиозных сооружений прошлого, вдохновившие смелый проект кремлевского ансамбля…

На Баженове лежала вся работа по организации строительства. Генерал Измайлов, начальник экспедиции строения, ничего в этом деле не понимал, да и не интересовался им. Баженов должен был уделять внимание и организации при модельном доме школы — «архитекторской команды». В этом сказался широкий ум и преданность делу, которому Баженов посвятил свою жизнь, — он был озабочен продолжением его работы преемниками.

По докладу Баженова последовал указ царицы, в котором, между прочим, говорилось: «о потребных принятых к строению архитекторских помощниках и учениках, а также рисовальщиках и разных мастерах, мы здесь ничего предписать не можем, а в том полагаемся на попечение экспедиции, которая таковых людей должна принимать по своему рассмотрению и аттестатам архитекторским, наблюдая в том искусство, надобность и удовольствие».

Заместителем Баженова являлся «за-архитектор» Матвей Федорович Казаков. Кроме того, работали архитекторы Захаров и Бланк.

Одновременно с модельным домом организовалась и «архитекторская команда», которая помещалась в каменном строении на Патриаршем дворе.

Первая трудность, с которой столкнулся Баженов, — отсутствие строительных учебников на русском языке. Был только единственный учебник Виньолы.

Баженов принимает смелое решение.

— Создадим сами учебник и переведем Витрувия.

Так был составлен сборник «Архитектурных речений, собранных при модельном доме».

Для перевода Витрувия на русский язык он привлекает своего

друга Каржавина, который после долгих скитаний по Европе снова вернулся в Москву с пустым кошельком и головой, наполненной дикими планами.

Мастер пространно пишет, почему ему нужен Каржавин: «Должность его и знания не в чертежах и не в рисунках, но именно в рассуждениях о математических тягостях в физике, в переводе с латинского, с французского и с эллино-греческого языка авторитетных сочинений, величавых пропорций архитектуры; для изъяснения гистории: откуда произошла красивая архитектура, да и в прочем, что в таком величайшем здании, каково будет кремлевское здание, да и по нынешнему при модели делу такого человека весьма нужно и необходимо для рассуждения математических и физических правил и примечаний».

Баженов восторженно рассказал Каржавину о своем замысле и предложил участвовать в работе.

Не разделяя надежд и восторгов друга, Каржавин ответил:

— Цыплят по осени считают, однако я твоему успеху премного рад…

За неумеренное восхваление французских вольнолюбивых идей Каржавина вскоре изгнали из Академии Троицкой лавры, где он преподавал французский язык.

Началась работа над моделью дворца. Потребовалось дерево высокого качества.

В Коломне пустовал старый деревянный дворец, построенный царем Алексеем Михайловичем. Баженов, ни минуты не колеблясь, просит сломать дворец, так как в «оном дворце выберется много такого леса, какой в лучшую столяренную работу потреблен быть может, и какого по доброте и сухости достать и купить не можно будет».

Дворец разобрали. Для работы по изготовлению модели нужного количества отечественных мастеров не нашлось. Привлекли иностранцев: машинного мастера Иоганна Шуля, столярного — Андрея Витмана, кирпичного — Вильма Гильденбрехта, скульптора — Иоганна Юста и других.

Были посланы разведки на берега Оки и Остеры за строительным камнем. Казаков поехал в Серпуховский уезд искать мрамор, из Сибири затребовали «известия о мраморе больших мер».

Интриги вокруг строительства дворца усиливались. Многие не верили, что Баженов справится с такой задачей; иностранные архитекторы в Петербурге считали себя обойденными — их даже не привлекли к обсуждению такого огромного проекта. Баженова томила неопределенность: кто знает, что взбредет на ум

непостоянной и капризной Екатерине, которая, как передавали шопотом, теперь переживает очередной «медовый месяц» с новым фаворитом…

Находились скептики, которые прямо говорили:

— Вся эта затея — пустая. Императрица хочет показать, сколь богата держава, и дело дальше представления с фейерверком не пойдет…

Баженову такие предположения казались дикими.

Когда генерал Измайлов получил приказ Екатерины: «начинать разбирать старые в Кремле строения, как в плане обозначено», Баженов ожил.

Для будущего Кремлевского дворца очищалось место. Сносились старые, обветшалые строения. Была разобрана городовая стена от церкви Благовещения до церкви Петра-митрополита. На горе разобрали длинный корпус старинных приказов, тянувшихся от Архангельского собора к Спасским воротам. Снесли здание дворцового запасного двора, палаты князей Трубецких, Дворы соборного духовенства, церковь Косьмы и Дамиана и ряд других строений, облеплявших Кремль… Державин, тогда еще молодой поэт, посвятил этому событию специальное стихотворение: «На случай разлома Московского Кремля для построения нового дворца в 1770 году архитектором Баженовым при отъезде автора из Москвы в Петербург»:

Прости, престольний град, великолепно зданье
Чудесной древности, Москва, России блистанье!
Сияющие верхи и горда вышина,
На диво в давний век вы были созданы:
В последни зрю я вас, покровы оком мерю
И в ужасе тому дивлюсь, сомнюсь, не верю
Возможно ли гробам разрушаться, восстать
И в прежней красоте нуднее процветать?
Твердыням таковым коль пасть и восстановляться,
То должно, так сказать, природе пременяться!
Но что не сбудется, где хощет божество:
Баженов! начинай, уступит естество!

Во время земляных работ для Большого дворца была вскрыта многовековая плесень погребов и подвалов — смрадный воздух окружал Кремль. Жалобы москвичей дошли до Екатерины. Пугаясь рвения Баженова, она указала Измайлову: «Если увидите, что рытье фундамента под Кремлевским дворцом в нынешней осенней поре воздух портит, то прикажите до зимы остановить».

Уже тянулись подводы с материалами для дворца. На

Калитниковском поле устроили кирпичный завод. В «Московских ведомостях» печатались публикации с предложением брать поставки на лес, песок…

Душою всего дела был Баженов.

Иногда он оставлял работу и с опущенной головой шел по Кремлю. Ближе к реке тянуло свежестью воды, внизу, под горой, шумели рабочие, оборванные и худые, выезжали подводы со строительным мусором, а беззубые старухи, страшные и косматые, проклинали и сулили гибель безбожникам, которые разрушают храмы… За Москва-рекой лежало зеленеющее Замоскворечье, с кривыми узкими улицами и верхушками бесчисленных церквей. Через деревянный Москворецкий мост, к домику у красной церкви, часто направлялся Баженов.

В доме стариков Каржавиных жила сирота Груня — Аграфена Лукинична. Баженов сделал ей предложение. Будущее казалось обоим радостным и счастливым. Вскоре они поженились.

С этой поры Баженов ощущал свою жизнь полнее, ярче и тем радостнее отдавался любимой работе.

Начиналась сборка отдельных частей модели.

Екатерина изрекала:

— Мы теперь желаем все римское…

Баженов низко склонял голову и целовал протянутую руку императрицы.

Но Баженов не был подражателем. Он быстро убедился, что в вопросах искусства, а особенно архитектуры, Екатерина так же невежественна, как и ее предшественница. В своих оценках Екатерина руководствовалась настроениями, а не образованием и вкусом.

Баженов знал, что императрице нужны громкие, прославляющие ее царствование дела, крупные, для всех очевидные достижения, которые она могла бы приписать себе.

Баженов в успехе начатого дела не сомневался.

— Вы желаете, государыня, римское…

Кремлевский дворец превзойдет термы Диоклетиана в Спалато на восточном берегу Адриатического моря — огромное здание, распланированное по типу римского лагеря. Нужно превзойти все декоративные особенности дворца Диоклетиана — карниз над средними колоннами, подымающийся круглой аркой, аркадные стены на колоннах, связанных непрерывным рядом крупных арок, и ряд других особенностей римского дворца.

Большой Кремлевский дворец должен превзойти даже грандиозные термы Каракаллы, с их огромными залами и бассейнами, окруженными двориками и садами. По красоте он не будет уступать Лувру и Версалю, столько раз доставлявших

Баженову наслаждение ясностью своих пропорций.

Вся величественная архитектура прошлого возникала в воображении русского зодчего, когда взыскательные руки вычерчивали контуры и силуэты отдельных частей дворца.

Общая композиция Большого Кремлевского дворца рисовалась автору как огромный комплекс, по форме близкий к треугольнику. Комплекс должен был включить все старые кремлевские архитектурные памятники — Арсенал, соборы, колокольню Ивана Великого. Не крылось ли тут опасности создать архитектурный конгломерат? Эту небывалую в истории архитектуры задачу Баженов разрешил с честью. «Проблему введения в новый комплекс разных по времени и стилю, не созвучных новому дворцу старых зданий, Баженов разрешил тем, что он дал, так сказать, инородные по отношению друг к другу здания в своем новом комплексе, что привело частично к художественной обособленности частей комплекса…. Освоение кремлевского архитектурного наследия шло здесь по линии создания нового живописного комплекса»… (Н. Кожин.)

Старая французская Академия, еще за столетие до пребывания Баженова в Париже, установила каноны архитектурных пропорций; они стали обязательными для зодчих классицизма: «При возведении здания необходимо, соблюдать три условия: прочность, удобство, красоту; их совершенство всецело зависит от степени таланта архитектора». Эти каноны, ясные, как закон золотого сечения, разве не получили своего применения в Версале и Лувре?

Вынашивая архитектурный образ Большого Кремлевского дворца, Баженов мысленно не раз возвращался к современным созданиям передовой французской архитектуры, казавшимся ему идеально решенными в духе античности. Обращаясь к образам античности, Баженов с волнением развертывал офорты Пиранези и следовал за полетами его необузданной фантазии. Казалось, никто, кроме Пиранези, не мог чувствовать мощь базилик Константина, терм Каракаллы и по деталям римских руин воскрешать античность во всем ее блеске и колоссальности. Не потому ли необузданный фантазер и безумствующий романтик Пиранези с берегов Тибра заставлял учащеннее биться сердце другого романтика на берегу Москва-реки…

Баженов высоко ценил западноевропейскую культуру, но переносить ее на русскую почву, без учета реальной обстановки и традиций русского искусства он считал неразумным. Сочетая западное мастерство с русским народным творчеством, с его национальной самобытностью, нужно, думал Баженов, создавать своих мастеров и свое мастерство. Василий Баженов сознавал всю

силу, смелость и оригинальность русского народного гения, и, сын народа, он в своих творческих изысканиях всегда обращался к этим чистым и близким ему источникам.

Однако в руководящей верхушке русского дворянского общества последней трети XVIII века насаждались и были модны другие идеи, противоположные взглядам Василия Баженова.

Ярче всего сказывалось это на литературе — наиболее чувствительном инструменте, отражающем общественную идеологию господствующего класса.

Екатерина II требовала, чтобы литература описывала жизнь «в улыбательном роде». Болотов в своих записках рассказывает, что «самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными и в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получала первое только над молодыми людьми свое господствие».

Фонвизин в маленькой, но выразительной сцене «Бригадира» между Советницей и Иванушкой ярко характеризовал умственные запросы общества. «Боже тебя сохрани, — говорит Советница Иванушке, — от того, чтобы твоя голова была наполнена чем иным, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все науки. Не поверишь, как такие книги просвещают. — Madame! — отвечает ей Иванушка, — вы говорите правду. Я сам, кроме романов, ничего не читывал».

В переводных виршах Дезульер прямо обращалась к современному обществу с нравоучительной и средной сентенцией:

> Овечки! ни наук, ни правил вы не зная,
> Паситесь в тишине: не нужно то для вас.

Но сердца «овечек» мало смягчались от этих призывов: эта сентиментальная литература, наполненная «чепухою сладких слов», нисколько не мешала процветать дикому и жестокому крепостничеству, которое достигло едва ли не самых больших степеней произвола именно в царствование «просвещенной и чувствительной» Екатерины II. Для дворянского общества литература являлась лишь некоей «приправой чувственности». После повседневной расправы с крепостными на конюшне «сентиментальная» помещица уходила к себе в покои, углублялась в эротический мир французских романов, слезливых или до глупости восторженных, и потом откровенно объясняла по-русски своему тринадцатилетнему сыну все таинства любви и качества женского пола… «Общечеловеческая культура, приносимая иноземным влиянием, воспринималась так, что не

просветляла, а потемняла понимание родной действительности; непонимание ее сменялось равнодушием к ней, продолжалось пренебрежением и завершалось ненавистью или презрением. Люди считали несчастьем быть русскими и, подобно Иванушке Фонвизина, утешались только мыслью, что хотя тела их родились в России, но души принадлежали короне французской» (В. Ключевский).

Глупой ложью, подлейшим лицемерием и ханжеством «просвещенные» дворянские идеологи старались приукрасить мрачную действительность и умственную одичалость людей екатерининского царствования. Сама Екатерина беззастенчиво лгала, когда писала Вольтеру: «В России нет мужика, который не ел бы курицы, когда ему угодно, а с некоторого времени они предпочитают индеек курам».

Питавшиеся «индейками» мужики целыми деревнями умирали с голоду или, доведенные до отчаяния, с вилами и рогатинами шли против помещиков. По приблизительному подсчету самой Екатерины, в первые годы ее царствования восстанием было охвачено около 200 тысяч крестьян, усмирять которых приходилось артиллерией.

***

Работа над моделью шла успешно.

Вырисовывались контуры будущего Большого Кремлевского дворца.

Большой дворец, более трех километров в окружности, должен был целиком вместить в своих внутренних дворах весь старый обветшалый Кремль с дворцами, теремами и церквами. Внутри дворца должно было образоваться несколько круглых площадей, пересеченных прямыми и широкими улицами, связанными между собой бесконечными колоннадами. На большом архитектурно оформленном дворе Баженов хотел расположить кремлевские соборы и колокольню Ивана Великого. Этот двор должен был замыкаться с одной стороны мощной декоративной стеной с колоннадой, высотой в 37 метров и толщиной в 8 метров. Между колоннами — ложи, по цоколю — трибуны для зрителей. Такое оформление создавало иллюзию зданий, расположенных по улице, и, гармонируя по стилю с художественным оформлением дворца, превращало Кремль в единственный в мире по красоте и монументальности архитектурный ансамбль.

Исходным началом всей композиции дворца являлось старое

здание Петровского арсенала. К нему пристраивался корпус в форме трапеции для присутственных мест. Все строения объединялись главным корпусом, обращенным на юг к Москва-реке и расположенным на возвышенной части Кремлевского холма.

Главный корпус дворца — самая величественная часть комплекса. За этим корпусом только чуть вздымалась верхушка колокольни Ивана Великого.

Внешний фасад четырехэтажного главного корпуса (каждый этаж равен трем-четырем обыкновенным) имел, по проекту, сложное членение. Два нижних этажа объединялись сплошной горизонтальной рустовкой и карнизом, отделявшим два верхних этажа. Первые два этажа служили постаментом для двух верхних, объединенных, благодаря своему декоративному убранству и проходящим через оба этажа колоннам, в одно целое. В центре фасада — огромный выступ. Четырнадцать больших ионических канелированных колонн поддерживают антаблемент с плоским аттиком, украшенным скульптурой. По обе стороны центрального выступа шло по десяти колонн, за которыми в ритмическом порядке следовали двухколонные выступы. Затем выдвигались шестиколонные портики и, наконец, на краях корпуса шли новые выступы с двойными колоннами, богато декорированные лепкой, кариатидами, поддерживавшими карнизы окон. В нишах стены размещались вазы… Весь фасад центрального корпуса являлся, таким образом, как бы богатейшей и красивейшей архитектурной декорацией. Внутренний, выходящий во двор, фасад главного корпуса имел почти такое же, несколько упрощенное архитектурное оформление.

Блестящей архитектурной победой являлась циркумференция — грандиознейший полуциркуль с высоким четырехступенчатым цоколем, с лесом огромных мраморных, устремлеуных к небу, колонн. Величественный вид этой циркумференции не должен был уступать афинскому Олимпиейону, крупнейшему из всех древних греческих храмов…

Там, где циркумференция соединялась с главным корпусом, архитектор создавал богато декорированный подъезд с тремя эффектными арками, доходящими до второго этажа, и колоннами, обрамляющими широкий вход. Летящие «виктории» (изображения богини Победы) заполняли свободное пространство под арками, мраморные венки украшали плоскость стен.

С другого конца циркумференция полукруглым фасадом соединялась с театром. Театр имел особый парадный вход со двора — щирокие пересекающиеся лестницы, сбегающие в сложном и красивом переплетении. Стены театра густо,

уставлены ионическими колоннами, а центр архитектор подчеркивал порталом.

Таким же блеском художественной фантазии отмечено и оформление интерьера. Центральный зал дворца, в котором легко мог поместиться пятиэтажный дом, имел 65 метров длины, 45 — ширины и 20 — высоты (до карниза). Каждый из четырех углов зала занят мощной колоннадой, состоящей из девяти колони коринфского ордера из финляндского розового гранита. Стены центрального зала Баженов предполагал отделать венецианским мрамором. Между окнами расположены в два ряда скульптурные картуши на исторические темы. Над верхними окнами — портретные медальоны, поддерживаемые амурами; Мраморный карниз опоясывает весь зал, в тимпане карниза — гирлянды и герб из мрамора…

Вестибюль дворца по проекту представлял беседку из двенадцати розового мрамора колонн, окруженных еще внешним поясом колонн. В вестибюле со всех сторон сходятся мраморные лестницы, соединяющиеся с главным входом во двор. Вестибюль украшен скульптурами, гирляндами с летящими «викториями», стены покрыты мозаикой и фресками….

Искусством изготовления деревянных резных моделей до Баженова в России владел лишь Растрелли. Изготовлению моделей Баженов обучился в Париже у де Вальи. К работе над моделью он привлек знаменитого немецкого резчика Андрея Витмана, много работавшего для Растрелли по украшению Анненгофского дворца и деревянного Головинского. Модель изготовлялась под руководством самого Баженова. Ее внутренние детали — карнизы, капители колонн, лепные украшения — были сделаны из свинца и воска. Стоила модель около 50 тысяч рублей золотом. Размеры ее таковы, что во внутренние дворы модели могли войти несколько человек и свободно обойти ее вдоль внутреннего фасада. В своих пропорциях она математически точно соответствовала размерам будущего дворца.

«Модель Кремля является как бы завершением тех архитектурных стремлений к величию гражданских построек, к которому стремились строители Версаля, колоннады Лувра и дворцового фасада Пале-Рояль» (Курбатов).

Иностранцы, видевшие модель баженовского дворца, поражались грандиозностью замысла. Профессор Кембриджского университета Эдуард Кларк заявил, что дворец превосходит своей грандиозностью храм Соломона, пропилеи Амазиса, виллу Адриана и форум Траяна…

Авторы книги «Путешествие двух французов» признали, что это первый в Европе дворец, превосходящий самые роскошные

сооружения азиатских владык.

Екатерина II, показавшая модель Большого Кремлевского дворца иностранным дипломатам, достигла своей цели. При европейских дворах заговорили о московском дворце как о грандиознейшем замысле в истории.

Имя автора проекта почти не упоминалось. Иногда в беседе или письме царица вскользь называла Баженова «мой архитектор»…

Скептически отнеслась к проекту немецкая печать, завидовавшая внешнеполитическим успехам русской дипломатии: «Екатерине надо было выдумать что-нибудь подобное для Европы, чтобы доказать мнимое равнодушие свое в трудных политических делах тогдашних».

Читая эти отклики, Екатерина загадочно улыбалась…

***

Баженов продолжал совершенствовать отдельные детали своей модели, стремясь достигнуть предельной законченности каждого фрагмента.

Внезапно работы прекратились. Москву посетила страшная гостья — чума.

Власти растерялись. В старой столице обнаружился катастрофический недостаток врачей, лекарств. Помогали чуме распространяться грязь и скученность населения.

В монастырях были устроены больницы, улицы перегорожены рогатками, жителей не выпускали из зачумленных районов, на дворах жгли навоз и можжевельник, считая их предохраняющим от чумы средством. Уныло звонили колокола, в народе шныряли оборванные попы и зазывали в церкви, где здоровые немедленно заражались от уже зачумленных… На переполненные городские кладбища непрерывно тянулись подводы с трупами. Покойников не успевали хоронить, и они валялись вдоль дорог… Одичавшие псы и кошки бродили по дворам и жирели от мертвечины.

Чаша народного гнева переполнилась…

Волнения охватили народ. Поджигали фабрики, где вследствие грязи особенно свирепствовала чума. Попутно жгли и помещичьи дома. В Донском монастыре убили архиепископа Амвросия.

Огромные толпы двинулись на Красную площадь и заполнили ее всю от храма Василия Блаженного до Никольской улицы. Генерал Еропкин тщетно пытался уговорить толпу разойтись.

Толпа напирала, смяла стражу и через Спасские ворота прорвалась в Кремль. По народу дали залп из пушек в упор. Картечь проложила ряды, но толпа сомкнулась и, заглушая крики раненых, устремилась вперед.

Баженов находился один в модельном доме — команда была по случаю чумы распущена — и с ужасом смотрел в окно на разбушевавшуюся народную стихию. Он видел, как толпа наступала на дворцы, опрокидывая стражу. Среди бунтовщиков Баженов заметил и солдат гвардии, несших караульную службу в Кремле. Он ждал, что вот-вот толпа ворвется в модельный дом, и самое дорогое и прекрасное в его жизни — модель будет разнесена на куски.

Баженов решил погибнуть вместе со своим детищем и зарядил пистоль…

Но волна народного гнева шла по другому руслу. На модельный дом никто и не думал посягать.

Баженов осунулся, приходил в раздражение от пустяков. Строительство было начато, но деньги отпускались неаккуратно и гораздо меньше, чем требовалось. Подрядчики уклонялись от поставок, рабочие голодали и еле волочили ноги.

Вместо денег шли только бесконечные запросы, требовавшие отписок. Начальник экспедиции Измайлов сидел дома, раскладывал пасьянсы или сочинял вирши, а если и покидал свой кабинет, то, по пути на бал, заходил к Баженову и передавал ему партию бумаг.

— Посмотрите, любезный друг, и ответьте, что по вашему разумению должно.

Баженов неучтиво отказывался, ссылаясь на занятость; Измайлов надменно отвечал:

— И мне, любезный друг, недосуг…

Баженов решился на дерзость и написал письмо императрице:

«Вверенное мне вашим императорским величеством производство в Москве столь огромного здания, долженствовало, по званию моему, упражнять все мои мысли и тщание. Я обязан, однако ж, по несчастию, употребить вместо того большую по моей непривычке часть времени на чтение указов и писание моих представлений. Едва строение началось, а уже стопы дел накопились. Такое начало заставляет меня опасаться, чтоб сия переписка не сделалась со временем единственной моей работой»…

«Архитекторская команда» терпела лишения. Ученики ходили голодные и оборванные. Архитекторам не платили жалованья. Бедность доходила до того, что Баженов вынужден был хлопотать о возврате двух грифельных досок, взятых учениками на дом.

Ученики вместе с родителями умерли от чумы, и доски были опечатаны, как опасные в смысле заразы.

Но, несмотря на трудные условия, команда все же превратилась в художественный центр, где разрабатывались проблемы нового русского искусства. Баженов устраивал для архитекторов и учеников беседы, излагал теорию Витрувия, делился своим европейским опытом. Плодом этих бесед явился «Словарь архитектурных речений».

Друг Баженова — Каржавин подготовил к печати перевод первых двух книг Витрувия. В предисловии переводчик указывает «Оного творения две первые только книги переведены 1772 года для школы архитектурной, что была тогда при модельном доме в Москве, под ведомством Кремлевской экспедиции и господина архитектора Баженова, который список с оных сообщил Санкт-Петербургской императорской академии и сия выдала их в свет на конце прошедшего года с изрядными фигурами, а оригинал и поныне хранится в библиотеке сего славного в разных Европских Академиях Российского художника».

Выращивая молодых русских архитекторов, Василий Баженов всячески помогает творческому развитию своих сотрудников.

Так, Баженов ходатайствует о пожаловании Казакову секунд-майорского чина и аттестует его: «Он познаний в архитектуре столько приобрел, что не токмо при начале строения, но и впредь к большим делам способен, а сверх того, и в случае болезни его, Баженова, самую его должность по нем отправлять может»…

Баженов занялся составлением сметы Большого Кремлевского дворца. Ему помогали такие опытные строители, как Казаков, Бланк. Стоимость дворца определилась в 20 миллионов рублей.

Смету дали проверить Франческо Кампорези, с завистью следившему за работой Баженова.

Кампорези доложил Екатерине:

— Ваше величество, по моим подсчетам, господин Баженов заметно, я полагаю, что это, конечно, невольно, по ошибке, преуменьшил расходные статьи. Дворец будет стоить не двадцать, а пятьдесят миллионов рублей…

Екатерина, привыкшая к тому, что все сметы преувеличивались — тогда легче воровать, — удивилась.

— По какой причине господин Баженов сосчитал меньше расходу?

— Не могу знать, — лицемерно опустив глаза, ответил Кампорези.

Сумма в 50 миллионов рублей могла заставить Екатерину задуматься. Начавшаяся война с Турцией поглощала все доходы казны. Известно, что только первые два года этой войны стоили

до 25 миллионов рублей, что почти равнялось тогда годовому казенному доходу. Каждый миллион выжимался в стране буквально с кровью — все чаще вспыхивали крестьянские восстания против непомерного феодально-дворянского гнета. Пугачевское движение уже созревало на юго-востоке России.

Откуда могла достать Екатерина II новые десятки миллионов на строительство Кремлевского дворца, — об этом она молчала. Весь мир уже был оповещен о грандиозном проекте кремлевского строительства, и никто не смел сказать, что экономическое положение государства неблагоприятно для такой величественной работы.

От работ над моделью перешли к составлению плана реконструкции Кремля. Баженов составил план с нанесением на него всех старых кремлевских строений, до поповских дворов включительно, и с чертежом нового дворца, внутренних площадей и улиц. По этому плану Кремль превращался в художественно организованный ансамбль, включающий сохраняемые дворцовые строения и церкви.

На 9 августа 1772 года была назначена торжественная закладка фундамента Большого Кремлевского дворца. Екатерина II любила пышные церемонии, в которых кульминацией празднества являлась ее собственная персона…

КАТАСТРОФА

Настал торжественный день «освящения земли».

Баженов счастлив. Он близок к воплощению в граните и мраморе мечты своей жизни — подлинное счастье зодчего. В лучах славы растаял холод дней одиноких мечтаний, горьких обид и унижений. Баженов решил отдать всю жизнь строительству дворца, и тогда имя его станет бессмертным. Баженов был уверен, что построенный им дворец займет место рядом с лучшими памятниками античности, и его родина по праву будет гордиться этим архитектурным произведением русского художника.

Даже Екатерина II, которую окружали иностранные зодчие, нашла в нем «первейшего из национальных архитекторов».

Безымянный корреспондент в августовском номере «Санкт-Петербугских ведомостей» за 1772 год так живописал о церемонии: «Вознамеренное великолепное кремлевское здание в 9 день сего месяца столько начато, что земля освящена и ров на основании копать стали…»

На месте будущего дворца, по фасаду длиною более полукилометра, были поставлены четыре дорических колонны, перевитые зелеными гирляндами. Над колоннами — щиты со столь модными тогда аллегорическими изображениями Европы, Азии, Африки и Америки «свидетельствующих могущество россов и величие здания». Там, где должна быть главная зала дворца, устроен помост с четырьмя колоннами по углам, увенчанный обелисками с медальонами, на которых изображены четыре древних царства: Московское, Казанское, Астраханское и Сибирское, «на которых могущество не единого народа, но почти целого рода человеческого достойное зиждется в Москве здание».

На столбах, обрамленных цветами, надписи гласили:

первая

Могущество держав представив свету ныне,
На славу зиждет дом Москва Екатерине.

вторая

Что в древность Греция и что мог Рим родить,
То хощет Кремль в своем величестве вместить.

третья

Дианин красотой превзойдет храм Ефесский
Примером в зданиях пребудет двор кремлевский.

четвертая

Приятней невских струй Московски потекут
Минервы Росския жилища будут тут.

После торжественного молебна в присутствии высшего духовенства Баженов встал против столба с изображением Европы и вынул первую лопату земли. Вслед за ним с криками «ура» землю вынули его помощники и каменщики. Затем взяли лопаты «знатные особы»…

***

Начались строительные будни. Снова донимали подрядчики, ученики ходили голодные, но Баженов был полон неиссякаемой энергии. Важное событие произошло и в личной жизни Баженова: Аграфена Лукинична подарила ему сына…

На одной из пирушек Баженов весело пел с друзьями:

Краса пирующих друзей,
Забот и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая сребряная кружка!

Давно уж нам в тебя пора
Пивца налить
И пить…
Ура! Ура! Ура!

Был грустен только Федор Каржавин. Быть может, он, наблюдая ласковую и милую Аграфену Лукиничну, мучился ревностью, завидуя другу?

— Что с тобой, Федя, есть ли причина кручиниться? — спросил его Баженов.

Каржавин заявил, что решительно намерен покинуть Россию и поселиться в Париже.

— Ты подумай: что здесь делать людям нашего образа мыслей?.. Мой отец отдал жизнь на служение, обществу, или дядя Ерофей — и что же? Им всем головы свернули… Что же и мне покорно ожидать этого? Нет, слуга нижайший, там, во Франции, я еще что-нибудь буду делать…

Баженов пытался отговорить Каржавина — грустно ему расставаться с другом. Все же Баженов достал ему денег и помог отправиться за границу. Каржавин пустился бродяжить по свету. Изредка посылал он Баженову письма. Невеселые это были письма…

Народ относился к строительству дворца враждебно. Рекрутские наборы следовали один за другим, мужчин-кормильцев угоняли в далекую Туретчину на погибель, голод усиливался. Старухи оплакивали разрушенные древние «святыни», косматые монахи шныряли на базарах и, выманивая у простодушных горожан милостыню, запугивали скорым «светопреставлением».

Прошла зима, настало лето 1773 года. Все силы «архитекторской команды» уходили на строительство декоративных павильонов к предстоящему торжеству закладки самого дворца. Московское дворянство было взволновано предстоящим приездом Екатерины II, готовилось к балам и развлечениям.

На площади со стороны Москва-реки возникло множество легких красивых белых павильонов с колоннадами. Ветхий уголок Кремля преобразился. Плотники и живописцы работали день и ночь. Казаков рисовал аллегорические картины. Для учеников команды шили новые кафтаны, разным мастерам велено было сшить праздничные одежды. В мае приготовления закончились.

***

Закладку назначили на 1 июня.

При самом сходе с горы со стороны колокольни Ивана Великого сделан был портал с дорическими колоннами, изображавшими четыре времени года.

От портала шла парадная лестница, покрытая алым сукном; на каждой из 165 ее ступеней стояло по два воина в парадной форме. На площади возвышался храм Славы с четырьмя арками, изображавшими четыре страны света.

Внутри храма Славы, в нишах были поставлены скульптурные композиции, изображающие четыре стихии: воздуха, огня, воды и земли. Под каждой стихией — стихотворные надписи.

Везде были развешены щиты со стихами, — подчеркивалось, что только поэзия может на своем изысканном языке выразить величие и торжественность события.

В свете яркого июньского дня все эти храмы, обелиски, украшенные цветочными гирляндами, нарядная толпа «высоких обоего пола особ» — шитые золотом кафтаны, военные мундиры мужчин и светлые туалеты дам — являли собою зрелище красочное и нарядное. Толпы «простого народа» могли в отдалении любоваться этим празднеством.

После молебна и оглушающего звона колоколов всех московских церквей началась церемония закладки. Кто-то из современников отметил, что она совершилась по масонскому обряду.

Торжественное шествие открыли два церемониймейстера с особыми знаками, за ними шли четыре каменщика, неся мраморную плиту, и еще шестнадцать каменщиков со своими инструментами.

«Архитекторская команда», одетая в одинаковую форму, составила отдельную колонну. Ученики несли на серебряных блюдах цветы и разбрасывали их вдоль дороги. Дальше шли помощники архитекторов и также на серебряных блюдах несли фартук, кирку, лопатку, мраморные кирпичи, чашу с водой, известь. Кирпичи нес на блюде Баженов, а Казаков — известь.

Баженов заложил первый камень, на котором было вырезано:

«Сему Сданию прожект сделал и практику начал Российской Архитект Москвитянин Василий Иванович Баженов, Болонской и Флорентийской академии, Петербургской Императорской Академии Художеств академик, Главной Артиллерии Архитект и капитан, сего сдания начальной Архитект и Експедиции оного строения член, от роду ему 35 лет…»

Взволнованный, в растрепанном парике, сдерживая слезы радости, взошел Баженов на помост и произнес речь[2].

«Ликуйствуй, Кремль!

В сей день полагается первый камень нового Ефесского храма, посвящаемого божией в России наместнице, толико же и добродетелями, колико своим саном сияющей.

А я, будучи удостоен исполнить монарши повеления в сооружении огромного дома и всего великолепного в Кремле здания, готовяся зачати оное, почитаю должностью нечто молвить о строениях московских, ибо то к сему дню и к делу сему пристойно, и нечто выговорить и о своей профессии, ибо здание здесь начинается.

Иоанн Данилович, сын Даниила Александровича и внук Александра Невского, воспитанный в Москве при отце своем,

соделался наследником Российского Великокняжеского престола, возрастя на прекрасных местоположениях Москву, по благословлению Петра Митрополита перенес Российский трон из Владимира, а с ним и Митрополит переселился в Москву. Остаток бора, лежащего на горе Кремлевской, окружающего Спасской монастырь, вырублен, а бывшая там монашеская обитель перенесена на Яузу и названа Новоспасским монастырем: осталась только посреди дворца — одна церковь, называемая и поныне Спас на Бору. От сего бора назван и Боровицкий мост.

Замоскворечье составляло слободы переведенцов, как были переведенские улицы и в Петербурге. Где ныне ряды и гостиный двор, тут было поле, а потом поставлены деревянные лавки, ради торгу. При сих рядах поставлена потом ради торгующих церковь Великомученицы Варвары, от чего улица Варварка и имя получила.

Жилище великих князей был Кремль, на коем месте и наша Монархиня ныне дому Императоров Российских основание полагает.

Китай стал потом жилищем мещан торгующих.

Тверская, Никитская, Воздвиженка, Дмитровка и Петровка первые населены были, и лучшие князи, господичи и дворяне на них обитали, а особливо на концах, ко Кремлю и Китаю касающихся, по близости дворца и рядов. Тверская, лежащая по хребту высшей горы, знатнейшею почиталась улицею, нося потом имя улицы Царевой, как Никитская имя улицы Царицыной, Пречистенка была улица конюшея, касаяся почти самому Боровицкому мосту и, следовательно, конюшему и колымажному дворам. На Девичьем поле косили сено на государские конюшни, а на Остоженке ставились стоги. Где ныне Земляной город, тут жили мелкие обыватели, а потом стрельцы и всякие ремесленники.

По временам Иоанна Даниловича Москва, яко центр российских земель, стала год от года размножаться. Во время великого князя Иоанна Васильевича она возсияла, ибо он увеличил Кремль и обвел его новыми стенами, гордыми украсив их башнями. Во время сына его и внука красоту свою и величие умножала, а внук его царь Иоанн Васильевич воздвиг стены и башни Китая. Царь Борис Федорович Годунов, а по нем царь Михаил Федорович, царь Алексей Михайлович, царь Федор Алексеевич еще Москву и распростирали и украшали. А потом и время и радение обитателей привели ее в то состояние, в коем мы ее видим. Но упадающие царские чертоги не могли более стояти без страха и были готовы ко всеконечному разрушению…

Египтяне первые привели архитектуру во преизрядный

порядок, но, не довольствуясь только хорошим вкусом и пристойным благолепием первоначальным, едину огромность почитать начали, от чего и пирамиды их, возносяся к небу, землю отягощают, гордятся многолетними и многонародными трудами и многочисленною казною. Греки хотя и все от Египтян и Финикиян ко просвещению своему получили, но, став лучшего и почтеннейшего на свете охотниками и введя сию охоту во весь народ, архитектуру в самое привели изящное состояние. Родилися от египетской несовершенной архитектуры три в Греции ордена: Дорический, Ионический и Коринфский: важный, нежный и цветной, разные в них размеры и расположения, но все приведены в совершенные правила и все огромностям посвящены быть могут. Некоторые думают то, что и архитектура, как одежда, входит и выходит из моды, но, как логика, физика и математика не подвержены моде, так и архитектура, ибо она подвержена основательным правилам, а не моде. Когда Готы овладели Италией, они, привыкнув к великолепию зданий римских и не проникнув того, в чем точно красота здания состоит, ударились только в сияющие архитектуры виды и, без всякого правила и вкуса умножая украшения, ввели новый род созидания, который по времени пслучил от искусных, хотя и не следующих правилам, огромность и приятство. Такого рода наша Спасская башня, но колико она не прекрасна, однако не прельстит только зрения, как башня Гаврила Архангела. Грановитая палата хороша, но с Арсеналом сравняться не может. Колокольня Ивановская достойна зрения, но колокольня Девичья монастыря более обольстит очи человека вкус имущего»…

Речь эта, характеризовавшая отношение к архитектуре прошлого большой художественной школы, возглавляемой Баженовым, закончилась неизбежным для того времени восхвалением Екатерины:

— О, собранные зрители заложения дому великая Екатерины, я желаю и устремляюся, поелико могу исполнить повеление самодержицы. Ум мой, сердце мое и мои знания не пощадят ни моего покоя, ни моего здравия. Архистратиг обладателя Вселенная! Перед твоими очами, перед самыми твоими очами, сей первый камень во основание полагается. Буде хранителем сего дома, сего замка и сего града.

Это мистическое окончание речи говорило уже о начавшемся влиянии на Баженова московских масонов (мартинистов), с которыми он сблизился через своего школьного друга Новикова.

Для рабочих после закладки устроено было угощение: им выдали двенадцать ведер вина, тридцать ведер пива и на 12 рублей 50 копеек калачей.

«Знатные особы» получили приглашение на бал к Измайлову, где веселились всю ночь. Баженов, усталый и притихший, рано оставил пир и удалился домой, чтобы в одиночестве пережить счастливейший день своей жизни.

Москва погружена в ночное безмолвие. Неказистые дома и обширные крепкие амбары чередуются с высокими, глухими заборами. Под заборами спят бездомные бродяги. Постукивание колотушек да заливистый лай цепных собак нарушают сонную тишину. Изредка прогромыхает одинокая карета, возвращающаяся с загулявшими господами.

***

Вскоре после закладки Баженов получил письмо от Каржавина, написанное по-французски.

«Я видел разные народы… Я измерил глубины и пучины. Иногда с риском жизни, но — все для кого и чего… все было напрасно. Лучше мне было быть башмачником, чем учиться и терять жизнь напрасно… Я хочу видеть в себе от вольной крови рожденного человека, а жизнь делает меня холопом императоров или купцов. И больно знать, что на родине, кою я всем сердцем люблю, я лишний человек».

Баженов жалел друга и считал его отъезд напрасным. Здесь, на родине, он не был бы лишним человеком, а помогал бы ему строить величайшее здание в мире…

— Беспутный Федор…

Но какой-то червь гложет Баженова. Шли месяцы, а строительство не подвигалось. Деньги отпускались все меньшими суммами и неаккуратно. Но Баженов не падал духом: война с Турцией близится к победному миру и тогда, конечно, Екатерина станет щедрее…

Однажды начальник кремлевской экспедиции Измайлов вызвал Баженова к себе и тоном живейшего удовлетворения сказал ему.

— Садитесь, любезный друг. Получил именной указ императрицы.

Баженов встал.

— Императрица, опасаясь, как бы близость основания дворца к Архангельскому собору, где погребены древние великие князья и цари Российские, не поколебала бы собора, приказала строение прекратить, а модель хранить на память будущим временам…

Баженов схватился за край стола, чтобы не упасть. Он вышел из кабинета и бесцельно зашагал по Кремлю.

— Все, все погибло…

По лицу катились крупные слезы; он натыкался на строительный материал и, явившись домой, испугал жену своим видом.

— Что с тобой?

Василий Иванович сидел сгорбившись и, уставившись в одну точку, бормотал.

— Все, все погибло…

Он не подозревал, что стал жертвой чудовищной игры Екатерины.

Баженова стали видеть в питейных домах. Вино опаляло, и в потускневшем сознании возникали образы незавершенных замыслов. Ему представлялся какой-то хаос колонн, который внезапно рушился и тяжестью обломков давил мастера. Безумно болела голова. Его друг «брегадир» и поэт Сумароков, впавший в немилость у Екатерины, сидел перед ним и пододвигал стакан с вином.

— Пей!

Баженов приходил в себя и смотрел в беспрестанно моргавшие глаза Сумарокова, одетого в заношенный кафтан с кружевным жабо и манжетами, обсыпанными нюхательным табаком. Сумароков повторил.

— Пей!

Но внезапно уронил голову на стол и запел свою любимую, сочиненную им, песню:

Савушка грешен,
Сава повешен.
Савушка, Сава,
Где твоя слава,
Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава,
Где твоя слава…

Душа Баженова не знала покоя. Он метался. Ходил по церквам, молился, но не находил забвения. Тогда его приятель Карачинский стал призывать его к «спасению души».

— Должно обратиться к самому себе, все помыслы сосредоточить на собственной персоне и, достигнув умственного и нравственного совершенства, стать полезным членом общества.

Призыв Карачинского совпадал с настроением Баженова: да, это лучше, всего — сосредоточиться, замкнуться в самом себе…

БАЛАГАНЫ ВМЕСТО ДВОРЦА

Баженов жил на Софийской набережной Москва-реки. Из окон своего дома он наблюдал, как в Кремле разбирали так торжественно заложенный фундамент дворца, засыпали рвы и восстанавливали разобранные стены…

Первые страницы «Московских ведомостей» были заполнены корреспонденциями из разных городов с описанием торжеств по поводу заключения мира с Турцией.

По газете можно было думать, что народ ликовал…

Екатерина вызвала к себе Баженова.

Дождавшись очереди в гардеробной, где сидели вельможи, вызванные с докладами, Баженов вошел в спальню, в которой принимала императрица. Протянув руку для поцелуя и указав место на стуле против себя, царица глуховатым голосом произнесла:

— Садитесь.

Екатерина была в белом гродетуровом капоте и белом чепце, плохо сидевшем на пышных волосах. Благодаря массажу и обтиранию льдом лицо ее было сравнительно свеже, рот полон белых зубов, которые она любила показывать.

Баженов выжидательно смотрел на императрицу.

Екатерина пожаловалась, что она работает, как осел, с утра до — полуночи; после этого вступления протяжно начала:

— Друг мой, в трех верстах от города есть луг; представим себе, что этот луг — Черное море; что из города к нему ведут две дороги; так пусть одна из этих дорог будет Танаисом (Дон), а другая Орисфеном (Днепр); в устье первой вы построите банкетную залу, которую назовете Азовом; в устье другой — театр, который назовете Кинбурном; вы начертите песком Крымский полуостров, поместите в нем Керчь и Еникале в виде бальных зал; налево от Танаиса устройте буфеты с вином и мясом для народа; напротив Крыма будет иллюминация, представляющая радость обеих империй, по поводу восстановления мира; из-за Дуная вы пустите фейерверк, а на площадке, которая должна изображать Черное море, расставите лодки и иллюминованные корабли…

Баженов внимательно выслушал это малопонятное распоряжение и записал пожелания Екатерины, которая кивком головы отпустила художника.

Через некоторое время от Измайлова пришел солдат и передал записку с приглашением явиться к начальнику кремлевской экспедиции.

Измайлов удивился, увидев осунувшегося, похудевшего Баженова.

— Императрица повелела вам по случаю мира в Кучук-Кайнарджи и предстоящего по поводу сей оказии торжества на Ходынском поле сочинить прожекты увеселительных там балаганов, то-есть строений для праздничных помещений.

Баженов сухо ответил:

— Воля ее величества будет выполнена…

Да, это не дворцы, воздвигнутые для вечности, а балаганы из теса на несколько дней. Неужели для таких только надобностей выстрадал он свое мастерство зодчего?

Баженов снял план Ходынского поля и дал волю полету своей дремлющей фантазии. На листах бумаги появились сказочные чертежи восточных городов и крепостей, с башнями, замками, колоннами, обелисками и кораблями…

Тысячи плотников сооружали сказочный город на Ходынке. Некоторые постройки по стилю приближались к своеобразной «готике». Мысль Баженова, уже блуждавшая в мистическом тумане, не раз обращалась к грандиозным церквам и соборам средневековья; и мастер мечтал переплавить готику в древнерусском зодчестве…

На Ходынском поле вырос целый город, представлявший великолепное зрелище. Мавританские и готические здания. Минареты, башни, крепости, форты и корабли. Некоторые сооружения изображали Азов, Таганрог, Керчь, Кайнарджи…

Со всей страны гнали в Москву несчастных представителей разных народностей; в день празднества они должны были изображать перед императрицей счастливые и благородные племена, населяющие «Русскую империю»…

Настал день празднества.

В «Тамани» помещался театр для балансеров (канатоходцев), в «Азове» — разные службы. В «Нагайской орде» стояли жареные быки с позолоченными рогами, на каланчах били фонтаны из разных вин, в «Таганроге» расположены залы для обедов «знатным господам», в «Кинбурне» — театр и пр.

Все население Москвы, кто в каретах, а большинство пешком, потянулось к далекому тогда Ходынскому полю.

На небольшом и отлогом возвышении, в центре поля, помещался главный павильон. Его окружали со всех сторон другие здания. Поблизости находилось «некое большое, круглое низенькое здание, похожее на обширный замок, с глухими вокруг стенами… Все сие было раскрашено и расписано великолепным образом… Кроме сего, на подобие крепости, снаружи расписанного крупного здания, воздвигнуто было другое…

составленное из множества прекрасно сделанных лавочек, наполненных разными купеческими товарами». Андрей Тимофеевич Болотов подробнейшим образом описывает ходынское зрелище.

«Как и самые товары в лавках долженствовали предзнаменовать сию торговлю, всходствие чего и поделано было несколько небольших морских судов, и расстановлены с их мачтами и флагами в разных местах на одной раньше представляющей море, будто бы плавающими… Для увеселения же подлого народа поделано было… множество крупных качелей, открытых театров»…

Пушечная пальба и гром труб и литавров возвестили прибытие Екатерины. После церемонии торжественного открытия Екатерина села с придворными играть в карты.

Толпа окружала поле и смотрела на золоченые кареты подъезжавших гостей. Когда приглашенные заняли места в особых павильонах, был дан сигнал пустить народ.

Тысячи мужчин, женщин и детей, сбивая друг друга с ног, бросились к жареным быкам, баранам и птицам, к фонтанам с вином… Вопли раздавленных заглушались громкой музыкой. Голодные люди вырывали друг у друга куски мяса. Начиналось побоище, и гвардейцы, потеряв надежду навести порядок, колотили прикладами мушкетов направо и налево.

Отчаянные вопли, заглушаемые пальбой из пушек и музыкой, не достигали ушей придворных, сидевших в «Азовской крепости», где был дан роскошный обед на 319 персон.

Вечером зажгли иллюминационные огни. «Представлено было три огромных щита: один в середине, фитильный из огней разноцветных; другой из селитренных свечек, а третий прорезной, освещенный сзади множеством вертящихся огненных колес, и все, прямо можно оказать, пышное великолепное зрелище, весьма достойное. Все они зажжены были не вдруг, а один после другого, а между тем представляемы были разные другие огненные декорации, составленные из превеликого множества разнообразно вертящихся огненных колес, звезд, солнца, огненных фонтанов, рассыпающихся на воздухе бесчисленными бриллиантовыми звездами».

***

Когда-то установившаяся связь Баженова с наследником престола не обрывалась, и в редкие приезды в Петербург Баженов посещал Павла.

Московские масоны имели друзей и за границей. На Западе интересовались привлечением Павла в масонскую ложу. За этими стремлениями скрывались, разумеется, не душеспасительные цели, а попытки вовлечь Россию в политическую орбиту германских государств. Берлинские розенкрейцеры неоднократно обсуждали этот вопрос — привлечение Павла. Особенно усердствовали герцог Брауншвейгский, принц Фридрих Гессенский и прусский министр Вельнер.

Баженов, не зная об этих намерениях, случайно стал пособником зарубежных планов. Перед одной из поездок в Петербург по делам кремлевской экспедиции, где он продолжал числиться на службе, Баженов зашел к своим старшим братьям по ложе — Новикову и Гамалее. Во время беседы Баженов сказал между прочим:

— Я в Петербурге побываю у великого князя…

Масонские верхи знали, что Баженов пользуется у цецаревича «исключительным доверием».

Видя, что его сообщение встречено молчанием, Баженов обратился к Новикову.

— Ведь эта особа к тебе давно милостива, и я у нее буду, а ведь она и тебя изволит знать, — так не пошлете ли каких книжек?

И Новиков и Гамалея отлично учитывали значение этого шага.

Привлечением Павла они подвергали все масонское движение в стране огромному риску. Они хорошо знали подозрительность Екатерины II, особенно когда упоминалось имя Павла. Она боялась, что в один прекрасный день Павел, ее сын, лишит ее трона таким же способом, каким она лишила престола своего мужа и его отца — Петра III. К тому же по династическим законам Павел имел все права занять место на престоле, которое Екатерина занимала незаконно. Но, с другой стороны, для масонства, стремившегося к политическому влиянию, привлечение на свою сторону Павла могло иметь широкие перспективы…

И после нескольких минут раздумья Новиков ответил Баженову:

— Мы посоветуемся со старшими братьями об этом, и как решимся, посылать ли книги или нет, я тебе после скажу.

Вскоре Новиков созвал совещание руководителей масонской ложи: Гамалею, князей Н. Н. и Ю. Н. Трубецких и барона Шредера. После долгих споров и колебаний решили послать великому князю на первое время наиболее невинные масонские книги — «Избранную библиотеку» и «Арндта». При следующей

встрече, передавая Баженову книги для Павла, Новиков настойчиво предупреждал об осторожности:

— Ты сам отнюдь не высовывайся с книгами, сам не зачинай говорить, а разве та особа сама зачнет…

Баженов уехал в Петербург.

На почтовых станциях меняли лошадей, пили чай. Помещики, чиновники, ехавшие по казенной надобности, вели разговоры о ценах на рожь, на мужиков, которых, как скот, гнали в столицу ня продажу…

— О, родина! — вздыхал Баженов.

Никакие проповеди в масонских ложах о совершенстве человека, о распространении разума и великих истин среди ближних не могли рассеять горестных мыслей Баженова. Разве этих рабовладельцев убедишь доводами разума и человечности?

Баженов был далек от революционных настроений. Он страдал от самодержавия как *художник*. В этом, вследствие своего мистического мышления, он мог видеть «рок», но не понимал, что сама социальная природа самодержавия определяет художника на роль слуги, исполняющего прихоти монарха… Екатерине нужны были художники, создававшие пышный и величественный фон для ее царствования и исполнявшие ее веления. До остального ей было мало дела…

Возвратившись в Моокву, Баженов сообщил Новикову.

— Великий князь принял меня милостиво и книги взял. А о наших беседах я составлю подробный меморий и передам вам…

Прочитав эту бумагу, впоследствии сыгравшую роковую роль в разгроме масонского движения, Новиков и Гамалея испугались.

— Сжечь, сжечь. Баженов фантазирует, увлекается и ему кажутся небылицы…

Но бумагу не сожгли.

Баженову запретили рассказывать о своих беседах с Павлом, а бумагу эту переписали и копию ее отправили за границу.

***

«Архитекторская команда» продолжала существовать. Трудолюбивый Казаков строил особняки для московских дворян. Баженов на досуге сделал три проекта шатров над гробницами московских митрополитов. И мысль художника снова обнаружила тяготение к готическому стилю.

Материальные дела Баженова ухудшались. Он задумался над тем, не продать ли ему свой дом… Аграфена Лукинична, видя нужду, вздыхала, но ничего не говорила мужу. Часто он видел ее

глаза заплаканными. У Баженова появился новый ученик — девятнадцатилетний Андрей Воронихин. Это был крепостной барона Строганова.

Крепостной…

Недавно крепостной архитектор графа Орлова А. Мышкин возвел в усадьбе беседку; она не понравилась барину. Несчастного архитектора послали на конюшню и засекли до смерти…

Но Воронихин был внебрачным сыном барона Александра Строганова и «крепостной девки Марфы Чироевой». За известную плату их сына усыновил дворовый Строгановых Никифор Воронихин. Детство Андрея прошло в Усолье, Пермской губернии, на солеварнях Строганова. На воспитание его было обращено особое внимание, его обучали грамоте, а когда мальчик обнаружил склонность к живописи, Андрея Воронихина, как «нарочито способного к наукам и искусствам», отдали в иконописную школу в Пыскарском монастыре. По отзывам близко знавших Воронихина, «последний имеет пристрастие к архитектурному делу». Повидимому, для показа Строганову был послан слепок Ильинского храма.

Воронихин, самолюбивый и гордый, чувствовал всю двойственность своего положения: по рождению он имел право на другую жизнь, но оставался бесправным рабом, которого можно продать, превратить в лакея, высечь на конюшне или послать в рудники… Уверенный в себе, он стремился силой таланта разбить оковы рабства и стать вольным человеком. Таким он и явился к Баженову учиться архитектурному мастерству. Воронихин показал Баженову свои рисунки и модели архитектурных памятников.

Баженов пришел в восторг и кричал:

— Учиться надо, учиться.

Воронихин, с его планами и моделями, напомнил Баженову его собственное детство, и мастер почувствовал к нему любовь. Баженов, как истинный художник, любивший искусство, был лишен зависти к соперникам; он радовался каждому новому мастеру, стараясь помочь и поддержать его, если чувствовал, что в душе человека горит пламя таланта…

В Воронихине Баженов предвидел нового крупного мастера, и не ошибся. Вскоре в лице Воронихина Баженов приобрел нового друга.

Старые друзья в это время поумирали. Кокоринов, его преподаватель, затравленный Бецким, покончил с собой. Максим Березовский, европейски известный композитор, чтобы не умереть с голоду, пел в петербургской капелле, подвергался

насмешкам и порке; не выдержав такой жизни, он перерезал себе в кабаке горло. Первый русский драматург и бывший директор первого русского театра — Сумароков спился и умер в полной нищете…

Круг друзей редел, и Баженов все ближе сходился с масонами. Там, в тихих беседах, забывали о мирских тревогах, не хотели их знать.

Жизнь Баженова усложнялась. Чтобы избавить себя от нищеты, он решил продать свой дом на берегу Москва-реки, со всеми картинами и рисунками, сделанными им во Франции и Италии, свои московские архитектурные фантазии, и переехать на частную квартиру…

Готовясь к переезду на наемную квартиру, Аграфена Лукинична дала полную волю слезам. Тихие и счастливые дни с мужем и детьми провела она в покоях, которые стали чужими и невзрачными: мебель и картины были приготовлены к отправке. Казалось, что с вещами уйдут уют и тихое счастье семейной жизни. Но когда вернулся Василий Иванович, она встретила его ласковой и веселой улыбкой.

— Я устрою, что и там тебе хорошо, покойно будет.

Баженов ответил виноватой улыбкой. У жены от боли сжалось сердце: в уголках рта мужа не разглаживается горькая складка, взгляд стал тусклым, не то, что раньше, когда он сверкал изнутри отраженным пламенем.

Она поспешила прогнать тяжелые мысли.

— Право, Вася, хорошо будет, — Аграфена Лукинична пожала руку мужа.

Баженов отвернулся, чтобы скрыть слезы. Вместо того, чтобы строить для дворян и купцов особняки, что доходно и нехлопотно, он, получая маленькое жалованье, мечтал о грандиозных дворцах. И вот итог — продажа дома, картин, библиотеки…

ЦАРИЦЫНСКИЙ АНСАМБЛЬ

В один из наездов в Петербург Баженов узнал еще об одной утрате: умер Антон Павлович Лосенко, друг юности, с которым он жил в Париже и после встречался в петербургской Академии.

Когда зодчий спросил о причине смерти Лосенко, ему кратко, но выразительно ответили:

— Спился…

Скульптор Фальконе, создатель памятника Петру I, встречался с Лосенко в печальные дни его жизни и записал в дневнике: «Этот бедный, честный юноша, униженный, голодный, мечтавший поселиться где-нибудь вне Петербурга, приходил ко мне поговорить о своих несчастьях; потом он отдался пьянству с отчаяния и был далек от мысли о том, что ждет его после смерти: на его надгробном памятнике начертано, что он был великим человеком».

Баженов не считал Лосенко большим художником — он был несвободен от подражания, исправно копировал «антики», но дворянская публика считала его «славнейшим», и он был удостоен даже звания академика. Баженова трогала его судьба — этот славный малый, добрый и простодушный, вышел из крестьян, обучался живописи у крепостного художника Аргунова, и его неудачи в значительной мере объяснялись его «подлым» происхождением…

— Бедный Антон Павлович…

Воспоминания о веселых забавах в Париже на мансарде усилили у Баженова чувство грусти и одиночества… Ряды сверстников поредели; их раскидала жизнь — кого в могилу, кто исчез в пучине неизвестности, а немногих подняла на такие высокие ступени, с которых они уже не могли заметить «архитекта» Баженова.

В суетной жизни екатерининского Петербурга Баженов чувствовал себя лишним… Французский наблюдатель Массон в секретных записках о России характеризовал верхи петербургского общества так: «В общем ничто не было столь ничтожным, как вельможи в последние годы царствования Екатерины. Без знаний, без горизонта, без воспитания, без честности, они не имели даже того настоящего чувства чести, которое по отношению к настоящему является тем же, чем лицемерие по отношению к добродетели. Грубые, как паши, мздоимцы, как мытари, хищные, как лакеи, и продажные, как субретки комедии, они, можно сказать, были государственной сволочью. Их прихлебатели, их креатуры, их слуги, даже их

родственники обогащались не на счет их великодушия, но на счет их прижимок, которые они совершали от их имени, и на счет торговли их влиятельным положением; впрочем их грабили самих, как они грабили корону. Услуги, которые им оказывали, даже самые низменные, оплачивались государством. Часто их прислуга, их шуты, их музыканты, их частные секретари и гувернеры их детей получали свое жалованье из какой-нибудь государственной кассы, находившейся в их ведомстве. Некоторые старались найти человека с талантами и уважали человека с достоинствами, но ни тот, ни другой не составлял возле них состояния: они не давали — им ничего — меньше по скупости, чем по отсутствию благотворительности. Единственной дорогой, чтобы достичь их милости, было сделаться их шутом, и единственным средством извлечь из них пользу было превратиться в мошенника».

Баженов понимал всю тягостную неопределенность своего положения в этом феодально-крепостническом обществе, но все же он не терял надежды. В резерве была еще дружба с наследником Павлом, которого, в связи с поручениями масонской ложи, он стал навещать чаще.

Павел находился в подавленном настроении, был раздражен и страдал подозрительностью: он постоянно опасался насильственной смерти или заточения в каземат. В нем клокотала ненависть к матери — Екатерине II. Последняя с какой-то жестокой систематичностью подвергала своего сына преследованиям и унижениям: когда у Павла умерла жена, Екатерина участливо пригласила сына к себе во дворец и передала ему пакет с письмами покойной жены… Прочтя их, Павел убедился, что его жена и мать его детей имела любовную связь с другим человеком… Павел скрежетал зубами, но молчал. Он находился в жалкой зависимости от Екатерины: не имея личных средств, он вынужден был выклянчивать деньги у императрицы. И она издевалась, читала ему нравоучения о бережливости, выбрасывала ему небольшие подачки или вовсе отказывала в них, в то время как вся столица знала, что она раздает своим любовникам миллионы рублей и десятки тысяч крепостных.

Баженов говорил Павлу о непристойном поведении его матери.

Павел только хмуро поддакивал. Обо всем этом он знал больше, чем думал Баженов…

Баженов пытался утешить Павла прописями из масонского катехизиса о нравственном совершенстве, о подчинении чувств разуму, устремленному к «человеколюбию». Павел слушал

опального архитектора и думал, что настанет, наконец, день, когда он взойдет на престол… Тогда наступит час его расплаты, жестокой и беспощадной…

Баженов вернулся в Москву в твердой уверенности, что ему удалось крепко связать Павла с масонским движением.

В это время в Москве находилась и Екатерина.

***

Поросшие лесом холмы, живописные пруды с плавающими лилиями и кувшинками, извилистая речка Городенка, протекающая по цветочным лужайкам, и прячущиеся в тени ветхие строения усадьбы «Черная грязь» — самое красивое и живописное место под Москвой.

Усадьба эта приглянулась Екатерине. Здесь она мечтала по временам уединяться от шума и блеска столичной жизни.

Про усадьбу Екатерине впервые рассказал Потемкин; она приказала купить усадьбу и переименовать ее в Царицыно.

— Мы здесь создадим свое Царское село, — заявила Екатерина.

Потемкин увлекался в это время романтическими руинами замков, монастырей. «Приелись все одни и те же формы, казавшиеся каким-то заколдованным кругом, и в поисках острых ощущений, а главным образом, благодаря постоянной возне с классическими руинами, набрели на руины готических соборов, не менее, если еще не более живописных» (И. Грабарь).

После того, как в Москве отпраздновали Кучук-Каннарджийский мир, Екатерина со свитой отправилась в Коломенское, а оттуда в Царицыно — на «сельский праздник», устроенный Потемкиным. Для поездки Екатерины была устроена специальная дорога — тысячи крепостных, согнанных плетями с окрестных деревень, мостили и засаживали ее березками. По этому «Московскому проспекту» проследовал поезд Екатерины.

«Блестящая карета императрицы, — рассказывает современник, — запряженная осьмью кровными, неаполитанскими лошадьми, головы которых были украшены кокардами; на ремнях кареты ея сидели пажи — впереди бежали прыткие скороходы, по бокам двигались тяжелые кавалергарды и кирасиры в белых мундирах, сверкая серебряными кирасами, а сзади галопировали легкие уланы с цветными флюгерами на пиках; усатые кучера и форейторы, распудренные, с длинными косами и бичами… В Царицыне императрицу ожидал роскошный полдник».

Разомлевшая и потная Екатерина, с оплывшими румянами на дряблых щеках, добралась до шалаша из сена и цветов и наслаждалась «сельским праздником».

Ловкий и хитрый режиссер Потемкин еще накануне приказал согнать множество крестьян и крестьянок, выбрав наиболее миловидных и статных. Перепуганным парням и девушкам приказали одеть самое лучшее платье, а у кого его нет — взять у соседей: мужчины должны нарядиться в кафтаны, женщины — в цветные сарафаны и кики, украшенные стеклярусом… Всем приказано взять косы. Путаясь в длиннополых кафтанах и сарафанах, изнемогая от жары, косцы вышли в поле, ожидая сигнала начать сенокос…

Когда Екатерина отдохнула от дороги, дали знать старосте, и тот скомандовал:

— Начинай! Петь весело, а него запорю на конюшне…

Засверкали на солнце косы… Люди, привыкшие работать в домотканных полотняных рубахах, ошалело косили и пели старинную хоровую «закатную песнь»:

А вы нутежь, косари,
Руки в бока подопри,
Распотешивайтесь,
Расшевеливайтесь…
Ай люли, ай люли,
Расшевеливайтесь…

Скоро Екатерине наскучило слушать поющих крестьян, и она отправилась осматривать свое владение. Сопровождавший ее Потемкин вкрадчиво сказал:

— Ваше величество, здесь дивно будет возвести замок в мавританском вкусе.

Потемкин еще находился, повидимому, под впечатлением баженовских мавританских павильонов на Ходынском поле. Екатерина, неоднократно говорившая, что желает видеть все «в римском духе», быстро согласилась с фантазией неуравновешенного, без определенных вкусов, Потемкина.

— Поручить моему архитектору Баженову составить прожект дворца…

Получив царицын указ, Баженов приступил к проектированию ансамбля дворцов. Сперва мастеру была непонятна причуда Екатерины. Вся его предыдущая работа шла в области чистой классики. Но он был богато одаренным художником широкого диапазона, и эта экзотическая затея увлекала его. Но и здесь Баженов пошел не по пути голого подражания готовым образцам,

а решил создать свое, новое, сочетав старое русское зодчество с высоким западным искусством.

Хотя дворец предназначался только для кратковременных пребываний Екатерины, вместе с ним предстояло построить и другие придворцовые здания.

Баженову указали:

— Все должно быть каменное и отличной архитектуры.

Десять лет своей жизни отдал Баженов этому делу.

Постройка царицынских дворцов не вызвала в московском обществе такого шума, как прежняя затея с Кремлевским дворцом. Зимой дорогу в Царицыно заметало сугробами, и москвичи, не отличавшиеся подвижностью, туда и не заглядывали. Летом же московское дворянство разъезжалось по усадьбам, а трудовое население ограничивалось прогулками в праздничные дни в Сокольники, на Воробьевы горы.

В 1778 году в Царицыно ездила на прогулку с семьей княгиня Куракина и осматривала недоконченное еще строение. Куракина с восторгом рассказывала в московских гостиных:

— Ездили в Царицыно гулять, можно сказать, загляделись на строение, которое беспримерно хорошо.

Несмотря на монументальность сооружений, они производили впечатление изысканной декорации, вернее архитектурно-декоративной игрушки, которая удивительно гармонировала с живописным ландшафтом.

Дворцовый ансамбль в Царицыне (теперь город Ленино) вошел в историю русской архитектуры под названием «псевдоготики».

Выражение «готический» впервые в России употребил Василий Баженов в своей речи при закладке Кремлевского дворца.

В XVIII веке готический стиль понимался на Западе как стиль средневековый, но уже в значительной мере окрашенный романтикой. Готический стиль зародился в конце XII века в феодальных городах Франции и оттуда распространился по другим странам Европы.

Готика — продукт религиозного мышления средневековья. Ярче всего готика выражает свою религиозную природу в строительстве соборов и церквей. Характерные стилевые особенности готического здания — страстный порыв вверх; стенам здания придается легкость, стрельчатые арки создают впечатление устремленности всего здания в вышину, что усиливается еще внешним оформлением: башенками, шпилями и т. д. Сама конструкция здания также подчинена основной идее — устремленности вверх, к небу; лес высоких столбов расчленен на

тонкие полуколонны, расходящиеся вверху нервюрами легких арок. Огромные окна с цветными стеклами создают внутри здания эффектную игру светотеней, усиливающих вертикальный ритм сооружения.

В то же время готические сооружения представляют с точки зрения современного нам архитектурного мышления явное насилие над материалом, из которого они построены: камень получал здесь почти кружевные формы и линии, переставая передавать свои отличительные природные особенности — массивность, устойчивость, тяжесть, весомость.

В отличие от западной готики русская псевдоготика — явление самобытное — сохраняла свою природную связь с древнерусским зодчеством. Дворцы в Царицыне — «каменная старорусская архитектурная сказка» (В. Згура) — наиболее ярко выражали этот новый стиль.

По отзыву исследователя творческих особенностей Баженова — В. Згура (первый и единственный советский исследователь творчества Баженова, не успевший из-за ранней смерти развернуть своей работы), сооружения в Царицыне отчасти помогают понять, что, собственно, разумел зодчий под словом готика. Термин «готический» в его понимании определял собой архитектуру, выходящую за пределы старой канонической системы ордеров.

Стилевые особенности царицынского ансамбля остаются спорными и малоисследованными в истории русской архитектуры. Г. И. Котов в докладе «О развитии русской архитектуры в XVIII веке» на II съезде русских зодчих, указывая на зависимость псевдоготики от готической архитектуры, поясняет, что в псевдоготических сооружениях есть «что-то массивное, что-то более напоминающее русские постройки XVII столетия, чем постройки готические». Исследователь архитектуры XVIII века Е. А. Гамбурцев в докладе в Археологическом обществе (1898 г.) «О Баженове и Казакове в их работе в самобытном и подражательном зодчестве» указывал, что самостоятельные постройки этих двух зодчих были сооружены именно в духе псевдоготики, они сохранили свои связи с древнерусским зодчеством, остальные же сооружения этих зодчих, в классическом духе, — подражательны….

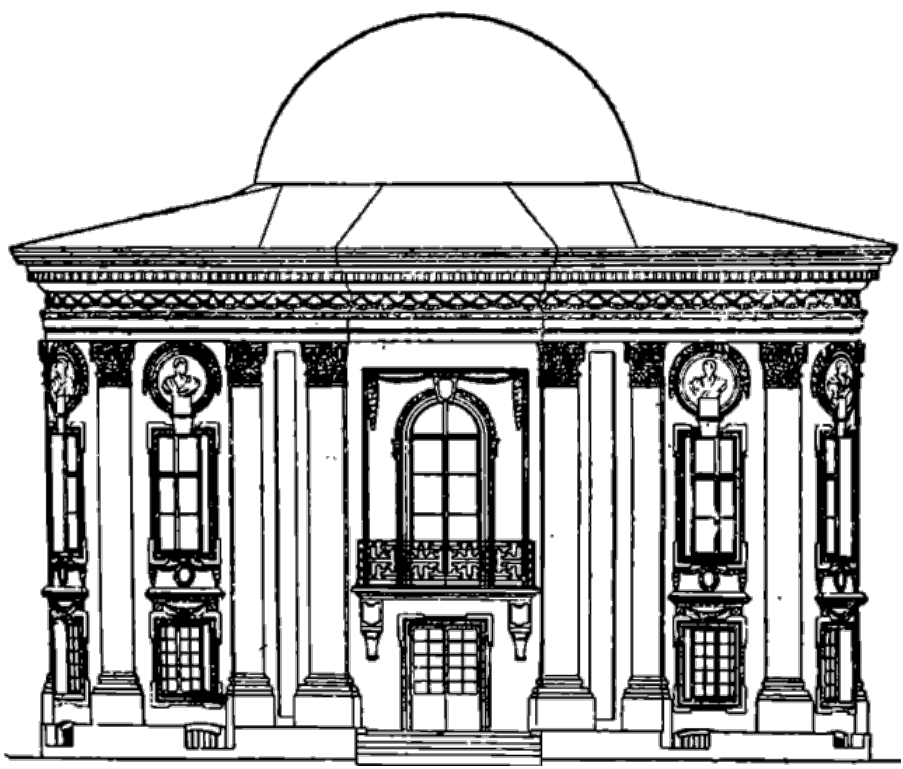
Русскую псевдоготику нельзя считать течением, слепо подражающим западной готической архитектуре, но одной из попыток найти новый национальный архитектурный стиль.

***

…Строительство царицынских дворцов шло медленно.

Угнетаемый тяжелыми предчувствиями, Баженов не стремился к скорому окончанию строительства, которое затянулось почти на десять лет — наиболее тусклых и безрадостных лет его жизни.

Попутно Баженов построил дом Разумовского и Эрмитаж в Кускове, самый же дом Шереметьева в Кускове построен по проекту парижского зодчего де Вальи. В очерках старой Москвы Пыляев назвал Эрмитаж в Кускове «двухэтажным зданием в мавританском вкусе». Постройка его являлась очередной причудой пресыщенного феодала: «В этом здании из нижнего этажа в верхний была машина, поднимавшая на стол шестнадцать кувертов; низ здания был занят тремя буфетами; здесь сервировали стол и приборы, и каждый отдельно поднимался наверх. Здесь был также подъемный диван, поднимавшийся наверх вместе с гостями. Наверху Эрмитажа граф по часам сиживал один, и никто лишний не мог войти туда: все подавалось и принималось машиной».



В. И. Баженов, «Эрмитаж» в Кускове.

Дворцовый ансамбль Баженова в Царицыне был закончен. Шли последние отделочные работы. Ряд зданий уже радовал глаз

своей неожиданной красотой.

Что же создал русский зодчий в Царицыне?

Главное здание — большой дворец — имеет в плане два квадрата с восьмигранными башнями. Два больших квадрата соединялись узким корпусом, в котором помещались вестибюль и два одинаковых зала по сторонам. Из окон дворца раскрывалась панорама парка и прудов, с шлюзами и плотинами. На фоне красных стен дворца особенно эффектно выделялась ажурная из белого камня отделка орнаментов, стрельчатые окна и белые колонны… Несмотря на огромные, размеры, дворец не был громоздок и в густой зелени парка выглядел большой красно-белой игрушкой.

От дворца шла монументальная ограда-галлерея, соединявшая дворец с «хлебным домом». С белыми колоннами и розетками, резко выделявшимися на красном фоне, она была построена в два яруса. Верхний ярус, повторяющий своими деталями нижний, украшен круглыми башенками с остроконечными пирамидками. «Комбинация арки, двух башенок и пирамидок создает сложное и причудливое пространственное разрешение верха, равного которому мы не знаем. Весь памятник охвачен интенсивным движением; последнее, однако, не устремляется резко на периферию и сохраняет связь с материальным остовом сооружения» (В. Згура).

Галлерея соединяла большой дворец с «особливым корпусом в два этажа для кухонь, приспешень, погребов и для прочих должностей и служителей». Это здание, получившее название «хлебного дома» от скульптурного изображения двух хлебов в центре фасада, характерно своей массивностью. Обращенный к дворцу фасад обработан рустованными колоннами и декоративными деталями. Узкие стрельчатые окна, круглые люкарны, сложный рисунок верхних окон, разделенных двойными колоннами, делают «хлебный дом» похожим на средневековый замок.

У входа через главную аллею находилась гауптвахта, которую также предполагалось соединить переходом с дворцом. Вокруг дворца расположились четыре кавалерских корпуса — эти простые на вид здания привлекают внимание своим планом, ни разу не повторяющимся и дающим в каждом корпусе новое решение.

От дворца липовая аллея — «Утрення дорожка» — вела к оперному дому. Кроме того, были построены: «мыльня», беседки, храм Цереры (единственное белое сооружение классического стиля), фигурные ворота и два фигурных моста…

Стрельчатые пролеты, арки, зубчатые башни, летящие

фигуры, фантастические звери — вся эта красочная гамма под руками, архитектора-поэта превратилась в романтическую легенду, мечту из русской народной сказки — терем над озером, Ярославна, тоскующая по плененному половцами Игорю…

***

Екатерина возвращалась из путешествия по Крыму в Москву. Был 1785 год.

Благодаря ловкой режиссуре Потемкина путешествие царицы превратилось в живописный маскарад. Нарядные деревни тянулись вдоль дороги, по которой следовал поезд императрицы. У этих веселых деревенских домиков были только фасады, подпертые сзади кольями, которых не было видно с дороги. В раскрытые ворота амбаров виднелись мешки, туго набитые… песком. Нарядные поселяне встречали Екатерину с хлебом и солью. А так как соль, обложенная непомерными пошлинами, была недоступна крестьянам, то в солонки насыпали толченый камень… На лугах паслись стада. Ночью их гнали вперед, и Екатерина снова их встречала на своем пути…

Так Потемкин демонстрировал Екатерине благополучие страны — под скипетром «матери народов»…

В Москве Екатерину ожидали балы, празднества и сообщения главнокомандующего графа Брюса об усилившейся опасной деятельности масонов.

Брюс доносил, что «иллюминаты» (радикальная часть масонства) вступили в связь с заграницей; деятельность масонов усилилась, они подозреваются в тайных политических замыслах; самые опасные — Новиков и его ближайшие единомышленники, в числе которых находится и архитектор Баженов….

Были названы многие сановные лица, примыкавшие к тайным масонским ложам.

За последнее время Екатерина все более опасалась заговоров. Узнав, что масоны установили через Баженова связь с наследником престола Павлом, она затаила злобу и ждала только случая для расправы…

Расследованием масонской деятельности занялся князь Прозоровский, направивший в Москву опытного сыщика Архарова.

Масоны, утратив чувство осторожности, печатали в своих журналах стихи, обращенные к Павлу:

С тобой да воцарятся

Блаженство, правда, мир,
Без страха да явятся
Пред троном нищ и сир;
Украшенный венцом
Ты будешь всем отцом.

— Трон!

Вот они куда метят. Масоны хотят иметь на российском престоле императора, который будет послушен ложе!..

— Не бывать тому!

После московских балов и приемов Екатерина назначила день для осмотра царицынского дворца.

Баженову генерал Измайлов сообщил:

— Матушка-царица милостиво соизволила передать, что вы можете после осмотра представить свою супругу Аграфену Лукиничну и детей…

Баженова эта милость растрогала. В семье шла суматоха — готовили наряды, волновались. Аграфена Лукинична молилась богу и заранее благодарила его за милость…

— Видишь, Вася, царица к тебе снова милостива…

Аграфена Лукинична ждала от царицы разных милостей. Ведь послала же Екатерина жене Казакова свои перчатки, после чего у Казакова отбоя нет от заказов…

Настал торжественный день. Баженов пропадал в Царицыне, делая последние приготовления к приему Екатерины. Кортеж Екатерины направился в Царицыно.

«Чем ближе подъезжаешь к Царицыну, — писал П. Свиньин в книге «Картины России», — тем кажется оно угрюмее. Мрачный вид готических зданий оживляет мысль о древних рыцарских замках. Но вдруг вид сей, не теряя своей величественности, переменяется в самый приятный, когда въезжаешь в пределы замка, на чистый зеленый луг, заменяющий красный двор…»

В старом путеводителе по Москве еще более поэтически переданы впечатления от въезда в Царицыно: «Когда вступаешь на волнистый, самородный бархат красного двора, являются новые картины: разбросанные там и сям домики, изящно расположенные сады в английском вкусе, с широкими, густыми аллеями… Обширные полноводные пруды, как будто дышащие жизнью от переката волн, на которых колышатся шлюпки, ботики и лодочки… Букетные островки, фигурные купальни… Уединенная галлерея, названная Храмом Меланхолии».

Придворные ожидали Екатерину.

Екатерина вышла из кареты и в сопровождении Измайлова и

Баженова направилась к дворцу.

Когда из-за деревьев открылась полная своеобразной красоты панорама нового дворца, Екатерина остановилась и спросила:

— Что это такое?

Окружающие недоумевающе молчали.

— Это острог, а не дворец!

Екатерина побагровела от гнева и, задыхаясь, прокричала Измайлову:

— Сломать оный до основания!

Измайлов побледнел и поклонился.

— Немедля будет выполнено, ваше величество!

Когда прошла ошеломляющая для Баженова минута оцепенения, он, нарушая правила этикета, бросился вслед за Екатериной.

— Государыня, я достоин вашего гнева, не имел счастья угодить вам, но жена моя ничего не строила…

Екатерина молча и гневно обернулась и протянула руку для поцелуя совершенно растерявшейся Аграфене Лукиничне, которая чмокнула рукав и подтолкнула детей…

Карета удалилась, обдав пылью женщину и испуганных детей, глотавших слезы.

Аграфена Лукинична гордо выпрямилась:

— Василий, подай, голубчик, — мне руку…

И крепко прижимая к себе руку мужа, она с поднятой головой прошла мимо придворных к экипажу. Баженов наклонился к плечу жены и сказал:.

— Что делать, Груня?.. В этом я вижу перст судьбы.

Сопровождавшие Екатерину пытались шутками и лестью развеселить ее. Один из иностранных дипломатов сказал:

— Ваше величество! Вам нужно бы отнять только один час у вашего маленького хозяйства, и вы могли бы иметь дом для отдыха в Константинополе вместо Царицына.

В этой льстивой шутке заключался намек на известную фразу Екатерины о Европе, которой она-де занимается, как своим маленьким хозяйством.

Крепостные мастера — каменщики, штукатуры, так много потрудившиеся над отделкой дворца колоннами, фигурными карнизами, орнаментами — теперь киркой и ломом сбивали эти украшения.

Приказ Екатерины выполнялся.

Сгорбившийся и поседевший Баженов приезжал в Царицыно и часами молча смотрел, как разрушают здание за зданием…

Он был уволен в годовой отпуск «по болезни». Но все понимали, что это — полная отставка. Не думая больше о своей

судьбе, которую он считал оконченной, мастер пытался устроить своих помощников, и в первую очередь — учеников.

Баженов отправил в кремлевскую экспедицию следующее представление:

«По высочайшему ея императорскому величеству повелению, по прошению моему, от должностей, на меня возложенных, уволен я для поправления моего здоровья впредь на один год, а вследствие того бывшие у меня доныне по построению в селе Царицыне планы и прочее предоставлены в экспедицию; находящиеся у меня в команде архитектурные ученики Семен Орфанов, Ив. и Николай Урюпины и Николай Кузьмин, которых более при себе я иметь надобности не имею и не могу, и потому, представляя оных в экспедицию, аттестую, что они поведения хорошего и в архитектурной науке довольно успешны и с пользою для отечества могут быть и на предбудущее время…»

Созданная Баженовым русская архитектурная школа распалась.

В Москве по разному объясняли причину неудовольствия Екатерины. Шаликов приводит следующую версию: «Черная крыша дворца с множеством окружающих его башен представляет взору — живо и совершенно — крышку гроба и кармелитов или францисканов с печальными факелами». Шаликов считает причиной «зависть, косоокую мачеху талантов». Другие утверждали, что Екатерина усмотрела в украшениях дворца атрибуты столь ненавистного ей масонства. Вернее всего, дикая, варварская выходка Екатерины была сознательно направлена против Баженова, как человека, примкнувшего к ненавистному ей масонству и вовлекшего в него наследника Павла.

***

Интересна дальнейшая судьба дворца. Екатерина поручила перестройку дворца М. Ф. Казакову. Для экономии он сохранил цокольный этаж дворца в первоначальном виде и создал свой новый проект на основе баженовского плана, полученного из экспедиции. Но и новый проект дворца не был полностью осуществлен из-за разных переделок в процессе самой стройки. Капризы Екатерины, которая никак не могла путно объяснить зодчему, что, собственно, она хочет, ставили Казакова в затруднительное положение. Вместо предполагавшихся первоначально трех этажей было возведено только два; все здание сильно понизилось и получило иные пропорции. Появились особенно характерные для Казакова башни. Новая война с

Турцией и отсутствие средств заставили прекратить строительство, которое и в сокращенном объеме осталось неоконченным.

Дворец постепенно разрушался… В 1804 году его начали ремонтировать, но буря сорвала часть кровли здания. Новый хозяин дворца, князь Юсупов, распорядился сломать порталы дворца с белыми колоннами.

В 1835 году дворец хотели достроить, потом пытались приспособить его под казарму, еще позднее — под фабрику. Крыша была снята, изразцы проданы, и весь дворец продавался на слом как «негармоническая смесь вида мрачного».

Покупателей не нашли.

Журнал буржуазного меценатства — «Старые годы» в 1911 году отслужил на своих страницах панихиду дворцу: «И стоят теперь эти остатки былого; поросли мхом красивые каменные спуски карнизов, в окнах торчат забытые кружала, целый лес березок вырос по обломам стен, внутрь войти жутко… всюду заросль, всюду уныние… Шум дачной жизни скорбным эхом разносится в пустом, открытом зале «оперного дома»… Грустная грядущая смерть этим остаткам»…

Но панихида оказалась преждевременной.

Дворянско-купеческая Россия не умела ценить памятников старины. Сотни прекрасных памятников русского зодчества были искажены бездарной реставрацией, погублены купеческими управами, которые были хозяевами городов.

Теперь, по сталинскому плану реконструкции Москвы, Ленино (б. Царицыно) включается в парковую зону столицы. Реставрация царицынских дворцов приостановит дальнейшее разрушение этого живописного памятника русского зодчества и позволит ему послужить на пользу трудящихся. Поставлен вопрос и о восстановлении всего ансамбля дворца.

В ОПАЛЕ

Защитить Баженова было некому. Павел — бессилен; дружески расположенный к архитектору, когда-то всемогущий Орлов умер за границей, отравленный Потемкиным, как передавала молва. Баженову вспомнили его гордость, нежелание поклоняться сильным мира сего.

Крупнейший богач и меценат Демидов жаловался в письме:

— Баженов анбиционен, хорош, да чорта в нем, — целуй, лижи, улаживай, как в бане пар…

Рассказывали, что незадолго до осмотра царицынских дворцов Екатерина, ознакомившись с новым зданием сената, сказала строителю его Казакову:

— Как хорошо! Какое искусство! Ты подарил меня удовольствием.

Баженов более Екатерины радовался архитектурной, удаче Казакова. Правда, в этом здании Казаков показал всю силу своего таланта (Баженов помог ему овладеть формами классической архитектуры). Правда и, то, что после беседы с Екатериной принц де Линь сказал в своем кругу.

— Императрица в архитектуре ничего не смыслит…

Московское общество осудило и отвернулось от Баженова.

— Помилуйте, да он франкмасон!..

Баженов лишился больших заказов и с трудом перебивался. Полученная женой по наследству небольшая деревенская усадьба была продана, деньги прожиты.

В это время Баженов ездил в Петербург и имел тайную беседу с Павлом. По поручению масонской ложи, Баженов передал ему книгу — «Таинство креста» на немецком языке и «Краткое извлечение лучших изречений и правил из четырех книг о подражении Исусу Христу Фомы Кемпийского».

Павел был любезен, но насторожен и сдержан. Немецкую книгу он отказался принять, сказав, что читать ее не может. Во время беседы он подозрительно спросил Баженова.

— Нет ли между вами чего худого?

— Ваше высочество, между нашими братьями полное согласие…

Павел нетерпеливо перебил его.

— Может быть, ты не знаешь, а которые старее тебя, те знают и тебя самого обманывают.

— Клянусь, ваше высочество, что нет ничего худого…

После долгого раздумья Павел ответил:

— Бог с вами, только живите смирно.

Больше он не стал говорить о делах масонской ложи.

Баженов вернулся в Москву и передал Новикову записку о встрече с Павлом, фигурировавшим под именем «известной особы».

Екатерина начала кампанию против масонов, написав три комедии, в которых изобразила их мошенниками и лицемерами. Стряпня коронованного драматурга не могла, конечно, не ставиться на сцене и не смотреться верноподданным дворянством. Но кроме литературной борьбы, активно велась и более реальная — полицейская. Сыщик Архаров сумел многое разузнать о тайных беседах масонов и донес об этом князю Прозоровскому, ярому врагу масонов.

Гроза была неизбежна.

Баженов спешит в Петербург, в Гатчину, чтобы предупредить Павла. Но едва он успел раскрыть рот, как Павел сказал:

— Я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста: об них же и слышать не хочу, и ты рта не разевай об них говорить…

Павел был, повидимому, уже предупрежден о предстоящем разгроме масонов и старался отвести от себя всякие подозрения Екатерины, готовившей расправу с ними: ему стало известно, что она собирается обнародовать манифест, лишающий его права на престол…

По возвращении Баженова в Москву, Новиков спросил:

— Ты посетил «известную особу»?

— Цесаревич принял с великим гневом на мартинистов и даже запретил упоминать о них…

В масонских кругах царило уныние.

Наконец, все стало ясно: 13 апреля 1792 года был дан указ произвести обыск у Новикова. Его арестовали и отправили в Шлиссельбургскую крепость. Секретарь Екатерины Храповицкий записал в своем дневнике, что князь Прозоровский представил императрице масонские бумаги, среди которых «была найдена записка о Павле, составленная архитектором Баженовым. В ней Баженов рассказал о своих разговорах с наследником о масонстве, когда приносил книги, посланные Новиковым в подарок».

Баженов оказался всецело в руках Екатерины.

Но передать Баженова судебным властям — означало обнаружить перед всей страной участие Павла в масонском «заговоре».

Екатерина медлила.

Многие масоны находились на свободе — она боялась трогать всех, так как среди них было немало лиц, занимавших видное положение. Быть может, отзвуки французской революции

заставляли русскую царицу применять к оппозиции более осторожную тактику.

Мемуаристы рассказывают, что Павел, сидя в кабинете Екатерины и читая в газетах сообщения о французской революции, запальчиво воскликнул:

— Что они там все толкуют? Я тотчас все прекратил бы пушками.

Екатерина вздохнула и ответила сыну.

— Пушки не могут воевать с идеями.

Она была уже достаточно искушена в борьбе за сохранение власти, испытала и пушки и знала, что не столь громкие средства — каторга, ссылка — часто достигают своей цели.

Но Павла французская революция выводила из состояния равновесия. Он кричал:

— Необходимо править железною лозою.

Своим детям он преподавал такие уроки «человеколюбия»:

— С людьми следует обращаться, как с собаками.

На такого правителя делали ставку русские масоны…

Князь Прозоровский с особым усердием занялся делом о масонах. Допрос Новикова он поручил заплечных дел мастеру Шешковскому.

При встрече с Шешковским сановники спрашивали.

— Ну, как, все кнутобойствуешь?

— Помаленьку, вашество…

У Шешковского были испытанные приемы допроса — он пытал, выдергивая клещами ногти…

Когда подошла очередь выяснить роль Баженова, Шешковский на допросе спросил Новикова:

— Взятая в письмах твоих бумага, которая тебе показывана, чьею рукою писана и на какой конец оная сохранялась у тебя?

Новиков отвечал униженно, покаянно: «яко совершенный преступник… яко недостойный никакого милосердия и помилования»…

И Новиков заговорил:

— Бумага сия писана Баженовым… По получении от него бумаги, читавши оную с Гамалеею, мы испугались и ежели бы не для показания князю Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли от страха, хотя и радовались милостливому приятию книг, и не верили всему, что написано. Я показал князю Трубецкому эту бумагу, ее читали и также видели, что он много врал и говорил своих фантазий, выдавая за учение орденское. Князь Трубецкой требовал у меня этой бумаги, но я сказал ему, что я несколько аранжирую [переделаю] и, переписав, ему ее отдам; тогда же решился этой бумаги Баженову не отдавать назад и протягивать

это под разными оговорками, в самом же деле боялись его болтливости, и чтоб сколько возможно запретить ему ни с кем из братьев не говорить, кроме нас двоих с Гамалеею, и чтобы сказать ему, что из наших кроме нас двоих о сем никто не знает; что я исполнил и после часто ему подтверждали и запрещали…

О чем же там шла речь?

В следственных делах сохранились только неясные пометки.

Возвращаясь к этой баженовской бумаге, Новиков, снова умоляя о пощаде и уверяя в своем раскаянии, говорит:

— По получении в наши руки бумаги сей, Баженовым писанной, никакого поощрения, ниже поползновения к какому-нибудь умыслу или беспокойству и смятению не имели…

Давая следователю дальнейшие показания о связи масонов через Баженова с Павлом, Новиков обращается к государыне с единственной просьбой — пощадить его.

— Бог видит, что я сделал это не как умышленный злодей, но перед ее величеством предстою я как действительный злодей; искренне и сердечно мое раскаяние и пролитие слез, на всю жизнь мою мне осталось единым утешением; да будет со мною воля ее величества! Умилосердися токмо, милосердая монархиня, над бедными сиротами детьми моими и братом и помилуй их!..

Так в тайных застенках Шлиссельбургской крепости была скручена воля влиятельного представителя передовой части русского общества екатерининского времени.

Екатерина могла торжествовать: Новиков, который так смущал ее покой, валялся в пыли у ее ног, прося пощады…

Но следователь не был удовлетворен показаниями Новикова и написал на допросных листках: «Как он по сему пункту вопрошаем был двоекратно по притчине несогласно с существом самого дела показания, как о том значит особая при сем записка; в сем пункте сам он признает себя преступником».

Имя Павла в допросах не упоминалось; эта часть показания Новикова была из общего дела изъята и представлена императрице с таким заключением: «В объяснении Новикова по записке Баженова есть нечто, сокрыто быть желающее».

Что же это за бумага?

Для истории она не сохранилась; повидимому, она была уничтожена Павлом, когда он, заняв престол, чуть ли не в первый день затребовал эти бумаги к себе.

Екатерина ознакомила с баженовской бумагой Павла.

Наследник резко отрицал свои разговоры с Баженовым о масонских делах и прислал императрице следующее двусмысленное письмо:

«Ваше величество можете наперед сказать себе то, что я мог

сказать сам себе, читая бумагу, которую Вам угодно было мне доверить; из кучи слов половина лишена смысла, а другая половина — слова, которые, очевидно, искажены, ибо я думаю, дело идет о ком-то таком, кто, вероятно, хотел опереться на Вашего нижайшего слугу, такого слугу, который, предполагалось, будет иметь возможность не только потребовать содержания, но даже попросить предупредительных сведений относительно секты, к которой он, конечно, не принадлежал. Нужно быть или сумасшедшим или глупцом, чтобы быть причастным ко всему этому как-нибудь иначе, чем по разговорам в передней.

Впрочем, всякое дальнейшее объяснение казалось бы мне бесполезным».

Екатерина «поверила» этому письму.

Следственным властям для руководства она написала такую записку:

«Приложенный пасквил, у Новикова найденный, показан мною Великому князю, и он, оный прочтя, ко мне возвратил с приложенною цидулою [письмом], из которой оказывается, что на него все вышеписанный пасквил всклепал и солгал, чему охотно верю и нахожу вяще винным сочинителя оного».

Баженова не предали, суду. Князь Прозоровский требовал «бить кнутом и сослать на каторжную работу» Новикова и других привлеченных по делу четырнадцать человек.

Екатерина ограничилась заточением обвиненных масонов в крепость.

***

В эти напряженные месяцы, когда Баженова ежедневно ждал арест, он построил ряд замечательных зданий.

Сын денщика Петра I, разбитый параличом капитан-поручик П. Е. Пашков, пригласил к себе Баженова и, заказав проект дома, заявил архитектору:

— Не сумлеваюсь, сударь, что оный дом будет чудом архитектурного искусства…

Баженов уже не верил в чудеса… Он неопределенно ответил заказчику, что дом будет достоин отводимого ему места — поблизости Кремля, на горке, спускавшейся к Моховой улице.

Так возник дом, который является единственном примером во всей европейской архитектуре.

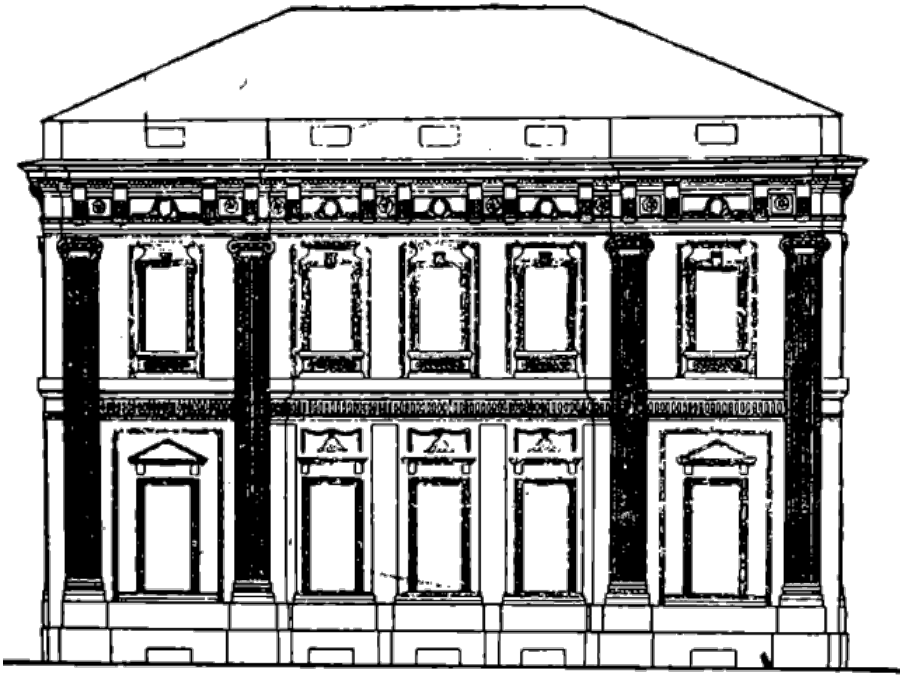
Здание состоит из трех массивов: центральный корпус и два боковых, соединенных прямыми, короткими галлереями. Парадный фасад выходит в сад, разбитый по склону холма,

внутренний — во двор, с архитектурно оформленными воротами. В стилевом отношении дом можно отнести к лучшим образцам французской классики. Исследователь стиля дома Пашкова, Дм. Эдинг, дал этому зданию следующую характеристику:

«Переход от старого стиля к новому сказался в архитектуре дома Пашкова. С какой бы точки зрения ни смотреть на общую массу памятников московского зодчества, дому Пашкова приходится отдать первое место. Нигде так не продумано и не осуществлено соотношение отдельных элементов постройки и декорации, как здесь. Контур вздымается три раза, причем среднему повышению соответствуют наибольшие размеры; однако ограничиваемая им центральная часть здания может быть охвачена одним взглядом; отсутствие фронтона и плоская кровля придают характер законченности, а фонарь над центром делает невозможной мысль о грузности постройки… Поверхность стен двух верхних этажей декорирована более тонко и изысканно, чем нижнего, в котором резкие очертания вырезов окон и пролетов смягчены масками на замковых камнях: отверстия окон рисуются мягче, благодаря сплошному убранству стен пилястрами, проходящими через оба этажа, тонкому, почти графическому карнизу в промежутках между пилястрами и такими же обрамлениями окон. Колонны и пилястры, завершенные коринфскими капителями в центральной колоннаде и ионическими в боковых, поддерживают антаблементы с четко прочерченным архитравом и фризом, украшенным римским богатым скульптурным орнаментом. Живописный элемент в декорацию вносит легкая тень в верхних частях портика. Балюстрада, завершающая стены крыльев здания, проста сообразно несложной их орнаментации; балюстрада, обрамляющая кровлю центрального корпуса, несет на столбах пышные вазы, смягчая переход от фриза и карниза к фонарю».

Во время нашествия французов в 1812 году дом пострадал от пожара, затем был реставрирован, но подвергся некоторым изменениям. В этом здании находится государственная библиотека имени Ленина.

Каков же был первоначальный вид этого дома, продолжающего и сейчас пленять взор гармоничностью своих форм, высокой культурой архитектурных деталей и ясностью общего плана?



В. И. Баженов. Дом Прозоровских (Москва). Главный фасад.

Дадим слово современникам, видевшим дом в его первоначальном виде.

Иоганн Рихтер издал в Лейпциге (1799 г.) книгу о Москве, где подробно описан дом Пашкова: «В населенной части города, на Моховой, недалеко от Каменного моста, на значительном возвышении, возносится этот волшебный замок. Сзади, из переулка, вы входите через великолепный портал в пространный двор, постепенно расширяющийся от ворот. В глубине этого двора вы видите дворец, в который ведут несколько ступенек. С одной стороны двора — конюшни, с другой — манеж, оба — прекрасные здания. Два всхода ведут в дом. По ним вы достигаете верхних помещений и выходите на пространную вышку в куполе дома, откуда открывается прелестнейший вид на всю Москву. Самый дом состоит из главного корпуса и двух флигелей, соединенных с ним галлереями. В середине имеется выступ с большими сводчатыми амбразурами и двумя парадными входами в сад. Этот выступ первого этажа образует собою балкон, на который опираются тосканские колонны. Вверху над этими колоннами находится герб Пашкова, подпертый коринфскими колоннами, которые, как и все здания, представляют образец симметрической гармонии. На одной стороне балкона, украшенного с большим вкусом решеткою между колоннами, стоит богиня Флора, на другой — Церера. Герб поддерживается двумя полулежачими

фигурами. Вверху — купол, образующий собою бельведер, окруженный парными колоннами. Флигеля украшены рядами колонн, и все это — образчик симметрии и евритимии. Перед домом, на самых высоких пунктах сада, стоят еще две колоссальные статуи, Марс и Минерва, принадлежащие, как и прочие фигуры, к лучшим произведениям века. Пройдя сквозь дом, вы приходите к романтическому виду с передней стороны дома от улицы. По неправильно искривленным и змеящимся дорожкам вы сходите вниз среди кустарников, по склонам горы, на которой стоит дом. Внизу — два каменных бассейна, посреди которых находится фонтан, а от улицы все отделяется железной решеткой отличной работы. Сад и пруд кишат иноземными редкими птицами. Китайские гуси, разных пород попугаи, белые и пестрые павлины живут здесь либо на свободе, либо висят в дорогих клетках. Ради этих диковинок и прекрасного вида по воскресеньям и праздникам собирается здесь множество народа».

Второе здание, относящееся к этому же периоду творчества Баженова, — дом Юшкова. (ул. Кирова, 21).

С домом Юшкова в старой Москве было связано много романтических легенд. Владелец дома, крупный богач генерал Юшков, принадлежал к масонской ложе. Некоторые современники видели масонскую символику в самой планировке дома. Дом характерен своей большой полуротондой, выходящей на два уличных фасада. Шесть больших колонн полуротонды несут на себе выдвинутый вперед антаблемент. В доме Юшкова, «если в нем есть что от предыдущей эпохи, то в общем впечатлении о «скорее связывается с новым стилем [классикой], получившим ко времени его создания уже всеобщее распространение» (В. Згура).

Затем Баженов построил еще дом Прозоровских (у М. Каменного моста) — небольшой изысканный дворец, напоминающий итальянские палаццо.

***

После пожара Москва усиленно застраивалась. Строили новые купцы, нажившиеся на военных поставках, и дворянство, материально процветавшее, благодаря льготам, предоставленным им Екатериной. Возникали пышные особняки с театрами и картинными галлереями. Вельможи строили дворцы на Басманной, на Разгуляе. Строилось и много казенных зданий…

Только опальному зодчему Василию Баженову, «славному члену Европейских академий», нехватало работы. Он публиковал

в газетах объявления:

«Особы, желающие воспользоваться приобретенными им знаниями относительно до прожектирования каких либо строений, могут о сем к нему адресоваться и быть уверены в точном и скором исполнении их требований, а для избежания всякого неудовольствия нужным почитает назначить платеж за таковые труды».

Дальше следовала расценка в зависимости от величины здания: например, за план фасада и профиль с переделками до двух раз, при величине здания в двенадцать сажен, не более 120 рублей.

Цена была очень невысока, но заказчики избегали Баженова. Если бы их было достаточно, не пришлось бы публиковать объявления и обнаруживать перед всем обществом отсутствие работы. Для самолюбивого мастера это было нелегко. Но, повидимому, нужда крепко держала за горло. Жалованье из казны прекратили выплачивать.

Трудно было в таких условиях не скатиться на дно, не спиться, как многие талантливые люди того времени.

Обладая невольным досугом, Баженов решил отдать его «на образование дарования молодых людей, сообщая им все нужные сведения в архитектуре, живописи, скульптуре, перспективе, оптике, гравировании, мозаичной работе».

За разрешением организовать первые художественные курсы в Москве он обращается в московскую управу благочиния. Управа пересылает прошение главнокомандующему Еропкину с просьбой поддержать это ходатайство и, очевидно, со слов Баженова пишет: «Многие знаменитые особы любители просвещения и распространения в отечестве нашем полезных наук и художеств, с давнего уже времени из'явили ему желание свое, чтобы он принимал к себе учеников для наставления их в тех художествах и искусствах, в которых он имел щастье почерпнуть некоторые посильные сведения от продолжения многолетних своих в них упражнений, но разные важнейшие дела и должности исполнить такового лестного для него препоручения не допускали».

Баженов мечтал пригласить опытных преподавателей, которые будут обучать «при недреманном его и ежедневном, с утра и до вечера, наблюдении».

Баженов намеревался открыть также курсы при наличии хотя бы тридцати учеников, назначив плату от 150 рублей в год. Помня об учениках, которые не в состоянии вносить плату, он объявляет: «Бедных неимущих родителей дети могут приходить к нему обучаться без всякой платы». У него нет «корыстолюбивых или иных каких видов».

Повидимому, власти не особенно спешили с выдачей разрешения на открытие школы опальному архитектору, масону, которого неизвестно почему не убрали в крепость вместе с его друзьями Новиковым, Гамалеей, Невзоровым…

Школу открыть не удалось. Баженов с неменьшей энергией начинает хлопотать об учреждении в Москве публичной художественной галлереи. Приблизить искусство к широким кругам общества — такова была цель Баженова, когда он обратился со следующим ходатайством: «Ежели кто из патриотической любви к распространению художеств, а особливо натурального класса, который оживляет всякое художество, желает учинить ему пособие в постройке галлереи и в наполнении ее художественными произведениями, в каковой досель сия столица имеет еще недостаток, то он таковое предложение примет с величайшею готовностью и приложит все свое старание к удовлетворению такого похвального и любовь к обществу знаменующего предначинания».

Но дворянско-купеческое общество конца XVIII века осталось равнодушным к этому благородному призыву.

Незаметно к Баженову подкрадывалась старость — одинокая, без друзей, в холоде преждевременного забвения.

НА ЗАКАТЕ

В конце 1792 года Павел, благодарный Баженову за предупреждение о возможном обыске в связи с масонскими делами, вызвал его в Гатчину и назначил «архитектором малого двора». Гатчина ничего не дала Баженову.

У Павла не было средств для осуществления планов строительства дворцов.

Обстановка гатчинской и павловской резиденций не располагала к творческой работе. Но Гатчина и Павловск способствовали странному сближению мечтательного художника-архитектора с маленьким гатчинским капралом, жаждавшим власти для расправы с врагами и отмщения обществу за долгие годы унижения.

Жизнь в гатчинском дворце, окруженном болотами, была не только суровая, но и мрачная. Казалось, что это не дворец цесаревича, а захудалая прусская кордегардия. Заставы, шлагбаумы, воинские казармы окружали дворец. То же было и в Павловске, соседнем с Гатчиной дворце, входившем в состав «малого двора».

Немецкие дворянчики, палачи русского народа, имевшие, повидимому, особый нюх на тиранов, примазались к Павлу, окружили его плотной стеной и помогли создать свою маленькую армию (она доходила до трех батальонов) на прусский образец. Павел шел по стопам своего отца Петра III. По характеристике официального историка царствования Павла, «гатчинские офицеры были бродяги, выгнанные за разные гнусности из армии, которые, не имея пристанища, рады были все переносить из-за куска хлеба. Гатчинская армия не помещала ни одного офицера, который бы помышлял о чести». Неудивительно, что из этой среды вышел изверг Аракчеев — «большая обезьяна в мундире».

Сам Павел, иногда остроумный и любезный, внезапно менялся: он бледнел, взгляд его становился оловянным; он поражал окружающих, своим человеконенавистничеством, необузданной злобой… Масонские мистические настроения сменялись грубостью прусского фельдфебеля…

По рассказам современника, возле Павловского дворца была терраса, откуда Павел наблюдал за часовыми, которых он всюду расставлял, строго следя за тем, как застегнуты у часовых пуговицы и как они держат ружье. За малейшие провинности следовали палочные удары и истязания, которых не избегали и офицеры.

Слухи о том, что Екатерина собирается передать трон своему

внуку Александру, еще более ожесточили Павла и помутили его и без того слабый ум.

Таков был будущий российский император, на которого масоны возлагали свои надежды.

Баженов недолго прожил у Павла и уехал в Москву, снова увозя с собой душевную пустоту и разочарование…

В Москве он неожиданно получает предложение вступить в петербургскую Академию со званием адъюнкт-профессора.

Баженов горько усмехнулся:

— Я не могу принять это предложение о вступлении в Академию адъюнктом, так как я давно уже был возведен Академией в это достоинство.

***

В хмурый ноябрьский день 1796 года к Зимнему дворцу спешили кареты… Встревоженные гвардейские офицеры шопотом отвечали на вопросы и никого не пропускали во внутренние покои. На лицах вельмож и генералов была тревога, растерянность.

Екатерина билась в страшном припадке. Молодой Зубов, брат фаворита, чтобы отвести от своей головы неизбежную опалу, поскакал в Гатчину сообщить сыну императрицы долгожданную весть и привезти его в Зимний дворец.

Екатерина, не приходя в сознание, испустила страшный крик и умерла.

Лейб-медик торжественно возвестил:

— Все кончено!

Едва услышав это, Павел щелкнул по-военному каблуками, нахлобучил шляпу и, задрав свой пуговку-нос, стукнув тростью о пол, крикнул.

— Я вам государь! Попа сюда!

Присутствовавшие при этой сцене вельможи бросились в знак верноподданности целовать Павлу руку.

Павел решил свести счеты с мертвой Екатериной. Он приказал похоронить ее вместе с мужем Петром III, которого она убила. Современник этих событий рассказывает: «Гроб, который его [Петра III] содержал, был коронован и перенесен с великим торжеством во дворец, чтобы быть здесь выставленным в построенном для этой цели храме рядом с телом Екатерины и потом отвезенным совместно в крепость. Только в это время два супруга оставались мирно один рядом с другим. Прибывали с великим почтением целовать гробницу одного и холодную

синеватую руку другой; совершали коленопреклонение и не смели удаляться иначе, как сходя с катафалка задом вспять. Императрица, которая была дурно набальзамирована, вскоре оказалась совершенно разложившейся: руки, глаза и нижняя часть лица были желтыми, черными и синими. Она была неузнаваема для тех, которые видели ее только с приданным лицу, подходящим к случаю выражением. И вся пышность, которой она еще была окружена, все богатства, которые покрывали ее труп, только умножали ужас, им внушаемый».

В эту же осень 1796 года Павел послал в Москву фельдъегеря с предписанием Баженову явиться во дворец.

Павел встретил Василия Ивановича ласково и объявил ему о высочайшей милости: о производстве в чин Действительного статского советника и награждении тысячей крепостных душ.

Опальный, бедствовавший архитектор превратился в крупного сановника и богатого помещика.

Это было время неожиданных карьер и трагических падений.

Павел как-то сказал:

— В моей империи знатен лишь тот, кого я удостаиваю своим благоволением, и лишь в течение того времени, пока он пользуется им.

Новиков и Радищев были освобождены из темницы. Освободившиеся казематы заняли любимцы Екатерины.

Баженов приехал в изменившийся Петербург. В притихшей столице резко, раздавалась дробь барабанов, замиравшая к поздней ночи и возобновляемая по утрам. Будь то ясная погода или ненастье петербургской осени, когда шпили дворцов окутываются туманами Балтики, по площадям маршировали солдаты. В барабанной дроби, сопровождавшей учение «артикулу и екзерциции», было что-то жуткое и роковое: словно перед эшафотом. Солдаты в треуголках, с напудренными косами, проделывали бесконечно повторявшиеся упражнения. Вахтпарад сделался наиболее важным учреждением и центральным пунктом правления Павла. «В простом темнозеленом мундире, в толстых сапогах, в большой шляпе, он проводит дни за упражнением караула; здесь он дает свои приказы, получает рапорты, объявляет свои милости, награды и кары, и здесь должен представляться ему всякий офицер. Окруженный своими сыновьями, топая ногами, чтобы согреться, с открытой и плешивой головой, с курносым носом, с одной рукой позади спины, а другой — равномерно поднимающейся и опускающейся под крики: раз, два, раз, два, он полагает свою славу в том, чтобы не бояться пятнадцати или двадцати градусов мороза, обходясь без мехов. В скором времени ни один военный не осмеливался

более показываться в шубе, и старые генералы, мучимые кашлем, подагрою и ревматизмом, обязаны были кружиться около Павла, одетые, как и он» (Массон).

Дворец, в котором протекала личная жизнь Павла I, превратился в казарму. Всюду караулы, разводы, «беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями и приказами, особливо поутру. Стук их сапогов, шпор и тростей, все сие представляло совсем новую картину».

Невежество и предрассудки, низкое холопство и вероломное предательство, столь характерное для императорских дворов, стали основными средствами для достижения почестей, карьеры, состояния.

Иногда суеверие императора и надувательство его слуг приводили к неожиданным результатам.

Ловкий солдат, родственник камер-лакея Павла, стоял в карауле у необитаемого летнего дворца. Дворец, выстроенный по плану Растрелли, законченный при Елизавете, легкий и изящный, был окружен фигурным садом в стиле барокко.

Утром караульный солдат доложил, как тайну, своему начальнику, что увидел свет в заброшенных залах дворца, услышал стук и чей-то голос, назвавший солдата по имени… Храбрый воин не испугался, посмотрел в дверную щель и увидел… святого Михаила. Святой приказал ему пойти от его имени к царю и сказать, чтобы на этом месте построили святому церковь. Солдат просил рассказать обо всем этом Павлу, иначе он сам вынужден будет взять на себя эту смелость, чтобы выполнить приказ святого.

Офицер прогнал солдата.

— Ты, каналья, ума рехнулся. Если будешь такую чушь нести, не миновать порки.

Во время смены караула офицер рассказал о видении солдата, как о забавном анекдоте, майору. Майор оказался таким же плутом, как и солдат. Он доложил об этом Павлу. Солдата вызвали. Не смущаясь, он повторил Павлу свою чушь.

Павел задумался.

— Святому Михаилу нужно повиноваться, я и сам уже имел внушение.

Павел вызвал во дворец Баженова.

— Я имел внушение построить церковь святому архангелу Михаилу.

Баженов поклонился.

— Слушаю, Ваше императорское величество.

Павел увлекся и начал бормотать какой-то вздор. Улучив минуту, Баженов спросил, где намерен строить государь церковь.

— А там же, где летний дворец, который надлежит сломать…

На вахтпараде 20 ноября 1796 года, в приказе, отданном при пароле, сказано было: «Бывший летний дворец называть Михайловским дворцом». Учрежденной экспедицией по постройке дворца было ассигновано единовременно 791 тысяча рублей и около 1200 тысяч ежегодно. Дворец приказано было закончить в три года.

Павел хотел как можно скорее перебраться из Зимнего дворца, ненавистного ему уже по одному тому, что здесь жила и царствовала его мать Екатерина II.

Поторапливая с Михайловским дворцом, Павел сказал:

— На этом месте я родился, здесь хочу и умереть.

Вскоре последовал указ Павла, в котором, между прочим, сказано: «При сем строении, можете употребить коллежского советника Н. Пушкина и архитектора Соколова с подлежащим числом помощников и каменных мастеров; действительный же статский советник Баженов должен иметь наблюдение, чтобы строение производимо было с точностью по данному ему плану».

Баженов составил первоначальный проект дворца, получившего затем название Михайловского, а позднее Инженерного замка.

Но Баженов был не только великим архитектором, но и… великим неудачником. Долгое время автором этого прекрасного произведения считался вывезенный из Италии одним вельможей каменщик Бренна, которого Вигель в своих воспоминаниях называет «самозванцем-архитектором, весьма любимым Павлом, но бывшим в Италии весьма посредственным маляром».

Указ Павла с несомненностью устанавливает, что план Замка принадлежит Баженову. Но к началу строительства дворца Баженов заболел. Можно предположить, что надломленный неудачами, находясь в плену мистических настроений и опасаясь за судьбу Михайловского замка, чтобы его не постигла участь Кремлевского дворца или Царицынского, — Баженов отказался от наблюдения за сооружением замка. Трудно допустить, чтобы самолюбивый Баженов стал строить по чужому плану, тем более по плану Бренна, ничем ярким себя не обнаружившего.

Что создал Бренна, позволящее говорить о нем, как о крупном мастере? Ничего. Этот старательный ученик Камерона построил Елизаветин павильон, Пиль-башню, Новое Шале и Круглый зал в Павловском парке, — сооружения посредственные, не согретые огнем таланта. Искусствовед Курбатов, выясняя авторство проекта Михайловского замка, писал: «Допуская даже, хотя это и весьма мало вероятно, авторство Бренна, приходится сознаться, что нигде, кроме империи последнего рыцаря, не

могло быть создано такое сооружение. Если в нем и имеются отзвуки чужеземных мотивов, то целиком переработанные. Скорее же всего, что он — дело мысли того, кто задумал колоссальную ограду Кремля и кто, изучив все западное зодчество, сумел оценить сказочные церкви старой Москвы».

Отдельные павильоны замка, манеж и конюшня, при сопоставлении с другими работами Баженова, дают право считать их автором только Баженова, а не Бренна, как это указано на гравированных планах Росси. Последняя версия не могла быть опровергнута только из-за смерти Баженова, не увидевшего завершения строительства.

***

В феврале 1797 года состоялась торжественная закладка Михайловского замка.

В очерках старого Петербурга Пыляев рассказывает: «Были поставлены богато убранные столы, на которых на серебряных блюдах лежали серебряные лопатки с именами их величеств, известка, яшмовые камни на подобие кирпича, с вензелями императора и супруги его, серебряный молоток с надписью, и на особых столиках — разные новые монеты золотые и серебряные. После молебна и пушечной пальбы с крепости началась закладка замка. Государю подносили: лопатку — коллежский советник Пушкин, камень — действительный статский советник Ходнев, блюдо с монетою — пр. Тизенгаузен. Императрице известь подавал архитектор Бренна, камень — подполковник и капитан Михайловского замка Жандр; великим князьям и княгиням — архитекторы гг. Баженов, Ильин, Крок и Зайцев».

Присутствовавшие шопотом и с ужасом передавали, что при рытье земли для фундамента нашли камень с именем «несчастно-рожденного императора Иоанна» (заточенного с детства в темницу Елизаветой, захватившей его место на троне).

Началась строительная горячка.

Несколько тысяч рабочих днем и ночью при свете факелов возводили замок. Когда нехватило строительного материала, разобрали галлерею дворца в Пелле, взяли мрамор со строившегося Исаакиевского собора, Павел усиленно торопил со стройкой, действуя наградами и угрозами жестоких наказаний.

Воздвигнутый замок, оригинальный по архитектуре, с присущими баженовскому творчеству особенностями, издали напоминал, по словам иностранцев, крепость Бастилию. Замок окружали рвы с водой, через которые были перекинуты

подъемные мосты.

Большой архитектурный интерес представляют фасады замка, особенно северный — с монументальной лестницей, подымающейся к колоннаде, и массивным аттиком с рельефами наверху, и южный фасад с главным входом — воротами, обрамленными арматурой. Интересен также вход под аркой ворот, с колоннами на высоких цоколях, и восьмигранный замкнутый двор со статуями в нишах. В этот двор нельзя въехать ни в экипаже, ни верхом.

Чтобы достичь главного входа, украшенного орнаментами, надо миновать три подъемных моста. Несколько мраморных ступеней ведут к большому вестибюлю, выложенному разноцветным мрамором, с великолепной лестницей из серого мрамора с двойными перилами. Лестницу поддерживают круглые и квадратные колонны из цельного гранита.

Замок увенчивается блестящим золоченым шпилем, столь характерным для сооружений Петербурга XVIII века. Здание это отражает архитектурные влияния итальянских вилл (Вилла Карпарола), перенесенные на замковую полукрепостную постройку, и, как архитектурный памятник, не имеет параллелей в русской архитектуре.

Павел поспешил переехать в едва законченный замок, заперся в нем, как в крепости, окружил себя караулами, но прожил только сорок дней. Он был удавлен собственными гвардейскими офицерами, которым вверил охрану своей жизни…

***

Пока строился Михайловский замок, Баженов был занят другими делами.

26 февраля 1799 года особым указом императора Павла Баженов был назначен первым по времени вице-президентом Академии художеств, с жалованьем 1875 рублей в год, и — награжден орденом Анны 2-й степени.

В Академии прочно укоренилась система преподавания, введенная Бецким и не изменившаяся при графе Шуазель Гуфье — французском аристократе, который укрылся в России от революции и был пригрет Екатериной II. Какими данными обладал этот аристократ для руководства художественным образованием в России — неизвестно. Академия превратилась при нем в пансион, воспитывающий благопристойных чиновников, а не работников искусства. Даже по описанию восторженного француза аббата Жоржеля не чувствуется, что

Академия являлась художественным центром и мозгом страны.

«Императорская Академия Художеств, — пишет Жоржель, — благодаря своей величине и благородству архитектуры представляет чудное зрелище, когда глядишь на нее с набережной Невы, называемой Английской. Обширные залы внутри представляют студии для изучения живописи, гравирования, лепки, рисования, архитектуры и механики с моделями для этих разнообразных искусств. В Академии живут двести человек учеников, собранных со всех губерний империи; они получают даром квартиру, стол, одежду и образование с девятилетнего возраста до восемнадцати-двадцати лет; по всем отраслям искусства имеются особые учителя; каждый ученик помещен в ту студию, где изучает искусство, к которому он чувствует призвание. Когда эти ученики оканчивают курс, они несут свои таланты на родину, где правительство дает места наиболее отличившимся из окончивших. Я присутствовал при обеде этих двухсот учеников. Они все были в обширном зале, разместившись по двадцати человек за столом; за каждым столом сидел надзиратель и служили два лакея. Ученики разделены на два класса по сотне человек в каждом. Первый — старший, второй — для менее успевающих. Тишина, порядок, благопристойность и чистота царят за этими столами. Классы различаются по цвету одежды».

Вот эту казенную, похожую на монастырь или казарму, императорскую Академию Баженов решил преобразовать и наполнить живым содержанием.

По-новому, для того времени, определяет он роль преподавателя Академии, и многие из его взглядов не утратили значения и для современности.

В докладной записке Павлу Баженов с большим мужеством критикует систему воспитания и художественного образования, считавшуюся тогда наилучшей.

Записка эта, названная Баженовым «Примечаниями», — начиналась так: «Войдя во все потребности нынешнего положения Академии Художеств, нашел я, что она по нижеследующим причинам в рассуждении переменившихся обстоятельств, во многом отошла от намерения, с каким она была основана…

Более тридцати лет уже приметно стало, — пишет Баженов, — что от Академии Художеств желаемого успеха не видать; хотя появились прямые и великого духа российские художники, оказавшие свои дарования, но цену им немногие знали и сии розы от терний зависти либо невежества заглохли; при том же признаться должно, что таковых художников было не много, а причина сему та, что мы взялись неосторожно за

воспитание, не сходственное с нравами национальными, не узнавши склонности молодого человека»…

В этих строках, горьких и правдивых, чувствуется собственный опыт Баженова, которого Академия не только не поддержала, но оттолкнула от себя грубым отказом в звании профессора… И действительно — после Баженова, Воронихина, Старова, Захарова, — кого дала Академия за минувшие тридцать лет?

Первым условием реформы художественного образования Баженов считает прием в Академию художеств уже образованных и обнаруживших «врожденную склонность» к искусству людей: «Большое число малолетних детей, принимаемых в воспитательное ее училище, прежде нежели развернулась влиянная [отпущенная] природою господствующая к наукам ли, или к художествам, или к мастерствам склонность, отягощается вдруг многими и трудными понятиями в разборе разных букв иностранных языков, когда те дети не знают еще собственного своего языка. И в то же время начинают обучать их рисованию, часто против склонности их, от чего при самом начале учения показывается им горестно и делается отвращение, рождается душевная унылость… ибо хотя бы кто родился с великой способностью к одному которому-нибудь из трех знатнейших художеств, то тот его дух от трудов, летам его несоразмерных, в самом зародыше умолкает».

Баженов считал необходимым отделить Академию художеств, как высший научный и художественный центр, от собственно художественной школы, которая давала первоначальное образование. По мнению Баженова, художественное воспитание надо давать детям вне Академии, вручив им карандаш и бумагу вместо игрушки и «примечать, к чему более стремится желание их: а после таких замечаний должно вести их постепенно к цели академической, паче же всего возбуждать в них охоту к рисованию, без чего не только художником, но и ремесленником хорошим быть не можно».

Исходя из этих положений, Баженов предлагает: «Впредь не принимать малолетних в Академию Художеств, но отворить сие училище для всякого желающего спознать художества… когда успехами своими, соединенными *с* добронравием, откроют явную охоту и склонность, тогда, а не прежде, принимать таковых на содержание академическое и определить их к тому художеству, к которому открылась врожденная склонность».

Переходя к роли преподавателя, Баженов, исходя из своей богатой учебной практики в «архитекторской команде» и экспедициях строения Кремля и Царицына, пишет: «Для лучшего

успеха профессорам должно быть всякий день в своих классах в часы учения, ибо, когда учитель не работает сам в классе, тогда ученик не может примениться к приемам учителя, «не видит, как рука его действует молотом или владеет кистью. Эстампы, гипсы и картины суть учителя немые, горячат идею, но без деятельного учения мальчик должен доходить до искусства ощупью и наконец по хорошему образцу из него выйдет холодный подражатель, но не будет он никогда мастером своего художества… с разных картин списывая копии, не будет никогда хорошим оригиналистом. Следует из всего, что все профессоры и другие разных наименований учители и мастера художеств, пользующиеся академическим жалованием, должны работу свою, какая бы она ни была, т. е. собственная или заказная, партикулярная или казенная, делать в академическом классе с такою же заботою, как в своей комнате. Сие будет тем полезнее для воспитанников, что будет кому поправлять их в рисунке и давать им мысли».

Баженов ратует также за разрешение воспитанникам Академии художеств «снимать копии с оригинальных картин и эстампов, в галлереях императорских находящихся». До этого времени дворцовые собрания и Эрмитаж были недоступны для художников. Кроме того, Баженов считает необходимым разрешить и посторонним Академии лицам выставлять свои работы на устраиваемых Академией выставках.

Подробно познакомившись с «Примечаниями», император Павел вернул их Баженову вместе с рескриптом, в котором говорилось: «С большим удовольствием вижу употребление, которое делаете вы из известных мне талантов и способностей ваших по части художеств, всякого одобрения достойное. Продолжайте таковые упражнения, вам отличную похвалу приносящие, уверяясь в том, что усердие и труды ваши мне всегда будут приятны и приобретут вам мое благоволение».

«Примечания» Баженова, производившие решительную реформу Академии художеств, получили силу законодательного акта: они вошли в «Полное собрание законов Российской империи».

К этому же периоду относится еще одно важное начинание Баженова, подтвержденное особым указом, предписывавшим Академии начать под его наблюдением сбор чертежей и проектов всех выдающихся произведений русской архитектуры.

Этот большой многотомный труд должен был содержать проекты осуществленных, а также неосуществленных строений с критическим разбором каждого.

В связи с намечавшимся изданием Академии предоставлялось

право требовать от всех учреждений необходимые материалы.

В первом томе Академия, повидимому, намечала выпуск проектов самого Баженова, потому что немедленно затребовала из Москвы все его чертежи. Вскоре после этого Казаков пересылает в Академию тридцать четыре чертежа Баженова по постройке Царицынского дворца.

Начинания Баженова в области архитектурного и художественного образования рисуют его как передового энтузиаста русского искусства, всю жизнь стремившегося поднять культуру современного ему общества распространением художественных знаний и мастерства.

Если бы это издание было осуществлено, то, как пишет историк искусства И. Грабарь, «нам сейчас незачем было бы писать историю русского зодчества XVIII столетия, ибо все сведения могли бы быть почерпнуты из этого колоссального увража, который сохранил бы нам к тому же не одну сотню безвозвратно погибших ныне архитектурных строений».

***

Баженов достиг вершины того положения, о котором мечтал в юности, направляясь с радостными надеждами в Париж. Но тогда была молодость, были силы. Теперь их нет.

«…По причине мозговой в голове моей болезни, — писал в своем завещании В. И. Баженов[3],— которую я начал чувствовать уже давно и по многим трудам и печалям мира сего, приступила болезнь, называемая водяная, — это предвещатель должного в коротком времени быть разрушения тела моего, хотя же оная болезнь может еще стараниями человеческими быть пресечена, но лета же мои удручили весь состав костей и тела моего, что есть несомненное доказательство, что мне должно готовиться предстать на суд господень»…

Он видел за собою развалины, под которыми дотлевали его лучшие творческие замыслы: кремлевские, царицынские дворцы.

Новая большая работа, как всегда, захватила Баженова. Но внезапно его охватывала беспричинная тоска, настроение падало, и гнетущие мысли делали бессильной руку, державшую циркуль или карандаш. Уже не помогало и вино. Он ощущал давящую тяжесть в левой половине груди. Ему казалось, что горячий петербургский июль выпил весь воздух и дышать нечем. Вздувались на лбу вены, туман застилал окружающий мир, а дробь барабанов на плацу отдавалась в висках тупой болью.

2 августа 1799 года, после хлопотливых разговоров в

Академии, свет померк в глазах художника. Какая-то сила, страшная и беспощадная, тисками сдавила сердце, и не выдохнутый воздух застрял в горле.

Это пришла смерть.

НАСЛЕДНИКИ

Баженова хоронили в усадьбе Глазово. По обоим скатам косогора расползлось большое село Глазово, с сотней дворов и потемневшей старинной церковью. За погостом начинались обширные луга и пашни, меж холмами, в зарослях протекала речка…

«Погребение, — завещал В. И. Баженов, — сделайте мне простое, то есть без всякой лишней церемонии, с трезвым священником одним и простом виде и где бог приведет и весьма желаю быть положенным в Глазове».

Голубой дым ладана таял под кружевными ветками берез, птичий гомон вплетался в печальные слова похоронного обряда. Аграфена Лукинична опиралась на руку старшего сына — молодого офицера; рядом стоял ссутулившийся, поседевший Федор Каржавин, под старость вернувшийся из скитаний по странам Старого и Нового Света. Поодаль стояли крепостные — недавно подаренные Баженову крестьяне.

Вдова потом разъяснила крестьянам, что покойный Василий Иванович оставил завещание, в котором наставлял своих наследников:

«…Всячески старайтесь, чтобы крестьян излишне не отягощать работами ниже какими-либо поборами незаконными, а иметь их наилучше… всегда помните, что они наши братья, наши дети и мы ни за что столь не оскорбляем господа нашего, как за излишние поборы с душ подчиненных, особливо аще будем труды их расточать безрассудно»…

Мужики кланялись в пояс и хором говорили:

— Не оставь же нас, матушка-барыня, своими милостями…

Из собственного тяжелого опыта крестьяне знали, что господская ласка дальше слов нейдет. К тому же — кто сможет наблюдать за заветом того, над прахом которого уже вырос песчаный холм?

Кроме того, Баженов завещал детям: «сами не стройтесь, ибо совершенно от строений разоритесь»… Какой горькой иронией и как трагично звучит этот совет в устах великого зодчего, которому каждое новое строение причиняло глубокое страдание.

Для петербургского общества, и даже для самой Академии художеств, смерть Баженова прошла незамеченной. Неслучайно искусствовед Курбатов передал молву, что ходили слухи об отравлении Баженова лицами из дворцовых кругов, опасавшихся сильного влияния архитектора на Павла…

Баженова постарались тотчас же забыть. Ни на собраниях, ни

в публикациях Академия ничем не откликнулась на смерть своего вице-президента.

Только однажды, когда Федор Каржавин явился с доверенностью вдовы Баженова получить в Академии жалованье, этот факт был отмечен в протоколе.

П. Чекалевский, конференц-секретарь Академии художеств, давая характеристику (1792 г.) некоторым членам Академии и оценивая их творчество, поставил на первое место Баженова: «Мы видели… что многие бывшие пенсионеры Академии сделались отличными художниками в живописи и в скульптуре; то же самое можно сказать и о пенсионерах, упражнявшихся в архитектурном художестве, кои талантами своими приобрели имянитость; а именно: г. коллежский советник В. И. Баженов. Между произведениями его разума, модель Кремлевского дворца привлекает наипаче внимание любителей художеств; сожалительно, что по некоторым обстоятельствам оная по ныне не произведена в действо».

Забвение, незаслуженное и постыдное для той эпохи, постепенно стирало имя мастера из памяти современников. Только изредка раздавались одинокие голоса в защиту памяти зодчего и его творений.

В Кардовильской усадьбе (Горьковский край) хранились оставшиеся после зодчего ценнейшие материалы — рисунки и чертежи и его архив. Часть погибла при пожаре.

Семья Баженова рассеялась, а архив его — сундук с бумагами и рисунками — пошел на оклейку крестьянских изб в его деревне…

Род Баженовых угас…

В Кардовиле в 1937 году был обнаружен семейный портрет Баженовых, который мы публикуем в настоящей книге. Интересно отметить, что публиковавшиеся раньше портреты, даже в официальном издании Академии, принадлежали не Баженову, а Старову. Даже облик зодчего был обречен на неизвестность.

В 1831 году в «Московском Телеграфе» появилось письмо князя А-ва: «Баженов — к стыду нашему — доныне не оценен по достоинству, или, как я сказал выше, забыт вовсе несправедливо. Многие ли знают труды его, памятники зодчества, им созданные, мысль его о преобразовании зодчества в нашем отечестве и о том, чтобы создать свой, русский вкус, который был бы при том соображен с нашими потребностями и климатом… Баженов являет нам редкое достоинство — самобытность, чего нет и не было ни у одного русского архитектора, по крайней мере доныне; говорю это смело и берусь доказать. Подражание губило всех, кроме Баженова. Посмотрите на церкви, на дома, воздвигнутые

Баженовым, — какая смелость, благородство, величие, прочность дела. Сличите лучшие труды других зодчих — какая бедность воображения, какое жалкое бесвкусие».

Модель Кремлевского дворца представляла груду кусков, валявшихся в подвалах Оружейной палаты[4].

По поводу модели Н. Горчаков в «Москвитянине» (1842) писал: «Эта модель, по огромности и искусной работе, есть единственная в Европе. Многие отличнейшие художники и архитекторы, даже и в наше время, заимствовали из нее или части фасадных видов, или некоторые отделения внутренних комнат и галлерей».

После этого имя Баженова надолго исчезло со страниц печати. Оно всплыло только в начале нашего столетия в связи в разработкой вопросов старого русского зодчества.

Каково архитектурное наследие Баженова?

Помимо работ, о которых мы уже говорили, имеется еще ряд строений и проектов, автором которых бесспорно является Баженов. Перечислим их в хронологической последовательности.

1765 г. Каменноостровский дворец в Ленинграде. Проект увеселительному императорскому на Екатериногофском месте дому (семь чертежей с изменениями).

1766–1769 гг. Старый Арсенал на Литейном в Ленинграде.

1767 г. Проект «Института для благородных девиц при. Смольном монастыре в Петербурге».

1768–1784 гг. Церковь в селе Знаменка, бывшей Тамбовской губернии.

1769 г. Проект Большого Кремлевского дворца.

1771 г. План Кремля. Фасад памятника-церкви. Фасад церкви. Три проекта шатров над гробницами.

1774–1775 гг. Увеселительное строение на Ходынке.

1775–1785 гг. Царицыно. Дом Разумовского. «Эрмитаж» в Кускове.

1783–1787 гг. Пашков дом.

Конец 80-х годов. Дом Юшкова. Скорбященская церковь на Б. Ордынке (Москва). Дом Прозоровских. Дом Долгова.

1797 г. Михайловский замок в Ленинграде.

Затем идет ряд строений, которые с достаточным основанием приписываются Баженову[5].

Баженов был и мастером кисти, карандаша и резца. Биограф Баженова Болховитинов отмечает, что: «Из живописных картин его (Баженова) мастерства несколько хранится в фамилии графов Воронцовых». Картины, украшавшие дворец Воронцовых в Алупке,

увезены наследниками в их виллу в Италию. По сообщению В. Забелина, «собор Донского монастыря расписывал фресками художник Антон Ив. Клаудо, по заданной идее архитектора Василия Баженова или по его эскизу». С тех пор эта живопись обновлена и переписана. В церкви Ивана-воина на Якиманке был сделан новый иконостас в четыре яруса с позолоченными колоннами и резьбой по рисунку Баженова. В 1859 году иконостас уничтожен по указанию митрополита Филарета, сказавшего: «В нем нет церковного, православного характера. Это не иконостас, а точь-в-точь триумфальные ворота».

В отделе редких книг библиотеки имени Ленина хранится альбом Ф. Каржавина. Это большое собрание всевозможных гравюр и оригинальных рисунков разных художников, с многочисленными пояснениями Каржавина. В альбоме Баженову принадлежат: офорт «Пляшущая вакханка и фавн, играющий на свирели», эскиз небольшой скульптуры — «Екатерина дает наказ своей России» (1772); рисунок — «Паперть для храма» (классический стиль); рисунок — «Триумфальные врата»; рисунок — античные кувшины; три небольших наброска пером мундирных эполетов для предполагавшейся формы лиц, служивших при «Кремлевском строении» (1770); эскиз семейного портрета Баженовых, сделанный для живописца Некрасова.

Многие дома, построенные Баженовым, искажены последующей переделкой, чертежи исчезли. После смерти Баженова его творчество уже не волновало художников нескольких ближайших десятилетий.

Унылая для архитектуры пора николаевского царствования была бедна художественными откровениями. С выходом буржуазии на арену общественной жизни архитектура утратила связь с прошлым, измельчала, попала в плен к мюнхенской и венской школам архитекторов-модернистов.

За десятилетие до Октябрьской революции журнал «Строитель» писал: «Надо сказать и слово защиты в интересах художников (архитекторов). Они у нас на Руси поставлены в такое ненормальное условие, что им многое приходится простить: они — рабы богатого класса, рабы того строя, в котором они завязли по уши и который давит на Руси все свободное, сильное и смелое духом».

Василий Иванович Баженов — национальный русский художник, впитавший чудесные соки народного творчества и мастерства западной культуры. Баженовым открывается первая страница истории новой русской архитектуры, и до наших дней нет еще зодчего, имя которого может быть поставлено рядом с гениальным предшественником.

Архитектурное наследство Баженова обретает в наши дни своих законных наследников. В невиданных масштабах идет строительство в стране социализма. Наши города украшаются новыми монументальными зданиями-дворцами, театрами, клубами, школами, жилыми домами. Страна меняет и революционизирует свои средства сообщения, где также огромная роль отведена архитектуре.

На примере московского метрополитена имени Л. М. Кагановича можно проследить пути и отличительные черты новой советской архитектуры. Глубоко под землей архитектурные задачи решаются в легкой, солнечной световой гамме облицовочных материалов. Средствами художественной выразительности (цвет, характер и форма облицовки, система искусственного света) преодолевается ощущение глубокого подземелья. Залитые светом просторные залы и переходы вызывают чувство радости и бодрости. Простое и понятное пространственное решение станционных сооружений делает архитектуру метро образцом подлинной монументальности. Продолжение этой архитектурной линии мы видим в сооружении канала Москва — Волга и в ряде принятых к осуществлению проектов больших комплексов строений в нашей стране.

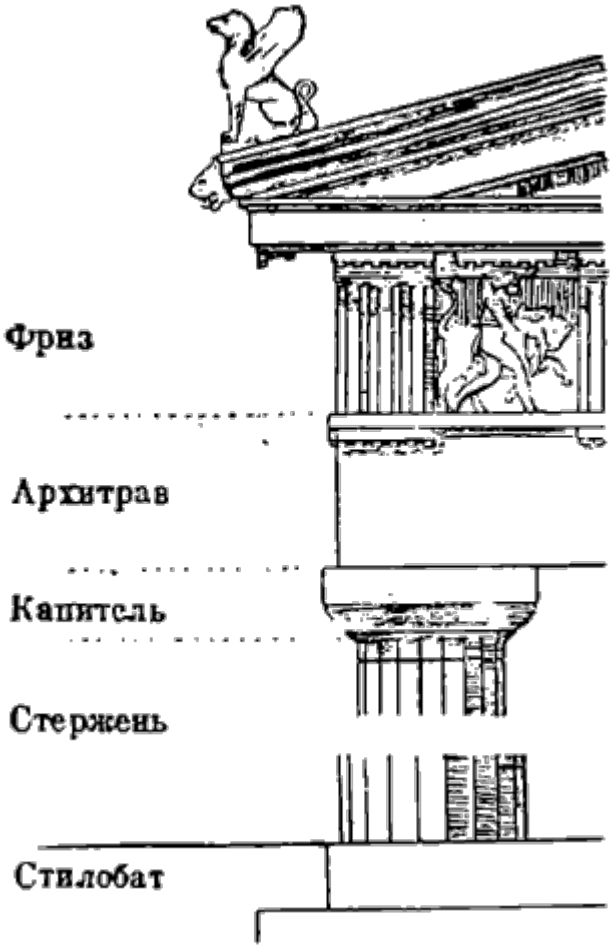
Поистине небывалые перспективы открыты перед советской архитектурой. Мы вступили в эпоху, когда жизнь стала радостной, когда жить стало веселее, и эти новые, невиданные условия жизни освобожденных от пут капитализма людей должны найти свое отражение и утверждение в архитектуре — монументальнейшем из искусств.

Сейчас, когда перед советской социалистической архитектурой поставлены грандиозные по масштабам задачи, карандаш и циркуль, полтора века назад выпавшие из рук Василия Ивановича Баженова, поднимают советские зодчие для создания произведений, достойных великой сталинской эпохи.

СЛОВАРЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

Ансамбль — в архитектуре — группа зданий, возведенных по единому замыслу, гармонирующих друг с другом, пропорциональных по общей композиции и оставляющих впечатление законченного и совершенного художественного целого. Примером таких ансамблей в творчестве Баженова являются Царицынские дворцы и Михайловский замок.

Антаблемент — горизонтальное перекрытие вдоль колоннады или стены. Антаблемент делится на части: *архитрав* — опирающаяся на капитель верхняя фигурная часть колонны, *фриз* — средняя часть антаблемента, обычно служащая для украшения рельефными рисунками или надписью (в храмах, например), и *карниз* — выступающая верхняя часть антаблемента.

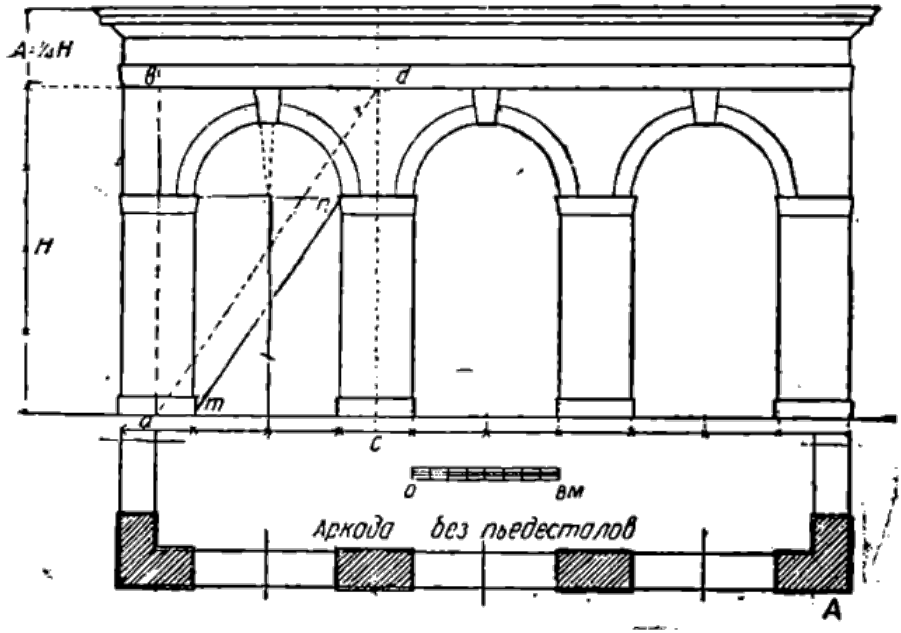


Части антаблемента дорического ордера.

Аттик — верхняя часть главного карниза.

Арка — чаще всего дугообразное перекрытие над входом, воротами; иногда — декоративный памятник в честь какого-либо торжественного события (триумфальные и другие арки). Впервые арки стали широко применять этруски, жившие в V столетии до н. э. в Средней Италии.

Аркада — соединение нескольких арок, опирающихся на столбы или колонны.



Аркада.

Арматура — украшения (скульптурные) из мечей, щитов, шлемов и других предметов вооружения.

Архивольт — обрамление арки, служащее обычно для придания ей большей декоративности.

Базилика — зал для торговых сделок и судебных заседаний.

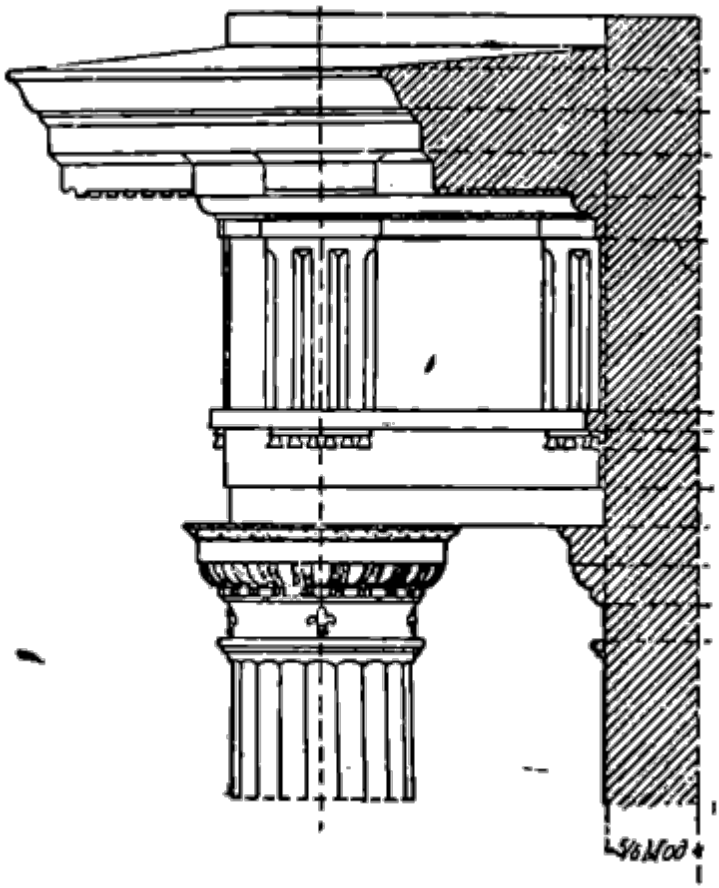
Барельеф — выступающее до половины скульптурное изображение людей, животных, цветов и т. п. на плоскости стены, фриза и, в редких случаях, на колоннах (коринфских).

Барокко — стиль, возникший в феодальную эпоху; наибольшее распространение получил в Италии в XVI в., оттуда был занесен во Францию и Германию, а на рубеже XVII и XVIII вв. и в Россию, где воспринял своеобразные формы древнерусского зодчества. Постройки в стиле барокко отличаются пышной орнаментацией, обилием скульптурных украшений и при больших размерах сооружения обладают динамичностью, изломанностью линий.

Готика — архитектурный стиль, возникший в XIII в. Первоначальное распространение получил во Франции и Италии. Характерная особенность готического здания — стрельчатая арка (в противоположность римской — полукруглой); здание во всех его линиях вытягивается в высоту, и все формы имеют подчеркнутое устремление ввысь.

Дорический ордер — один из трех ордеров (см.) древнегреческого искусства VII–IV вв. до н. э. Для этого искусства

характерна правильная пропорция частей наиболее простых числовых соотношений, которые часто повторяются как в плановом расположении, так и в структурных членениях; этим сохраняется постоянное сходство отдельных частей, а все архитектурное произведение оказывается полным жизни, замкнутым организмом, взвешенным до мельчайших деталей. В дорическом ордере капитель (см.) колонны состоит из круглой подушки, сильно суженной внизу, а ствол колонны стоит непосредственно на стилобате (постаменте) и покрыт каннелюрами (см.) плоско-круглого или эллиптического сечения, отрезанными друг от друга острыми гранями.



Дорический ордер.

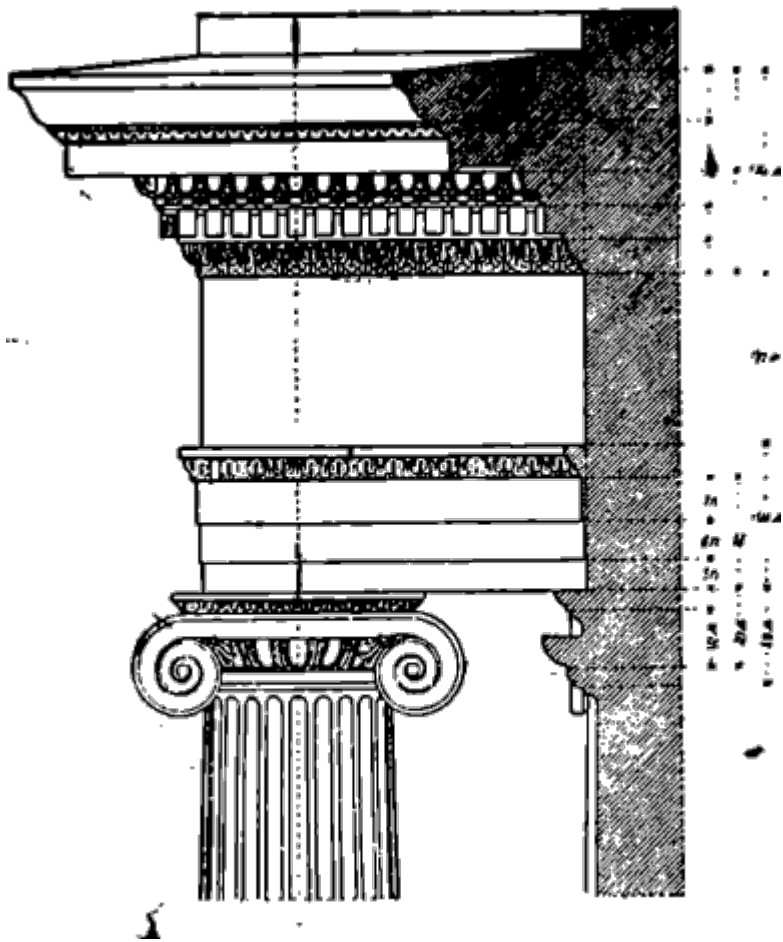
Евритимия — идеальная ритмичность частей.

Золотое сечение — расчленение любого отрезка на две части так, чтобы меньший отрезок относился к бóльшему, как бóльший

к целому. Выражается пропорцией 1:2:3:5:8 и т. д.

Интерьер — внутреннее помещение здания.

Ионический ордер — более легкий, нежели дорический (см.), характерен тонкой и высокой колонной, с более глубокой каннелюрой (см.). Колонна покоится на вычурной базе (подставке) и имеет капитель (см.), снабженный завитками. Фриз (см.) антаблемента обычно сплошь заполняется непрерывной скульптурной композицией.



Ионический ордер.

Каннелюры — продольные желобки на стволе колонны.

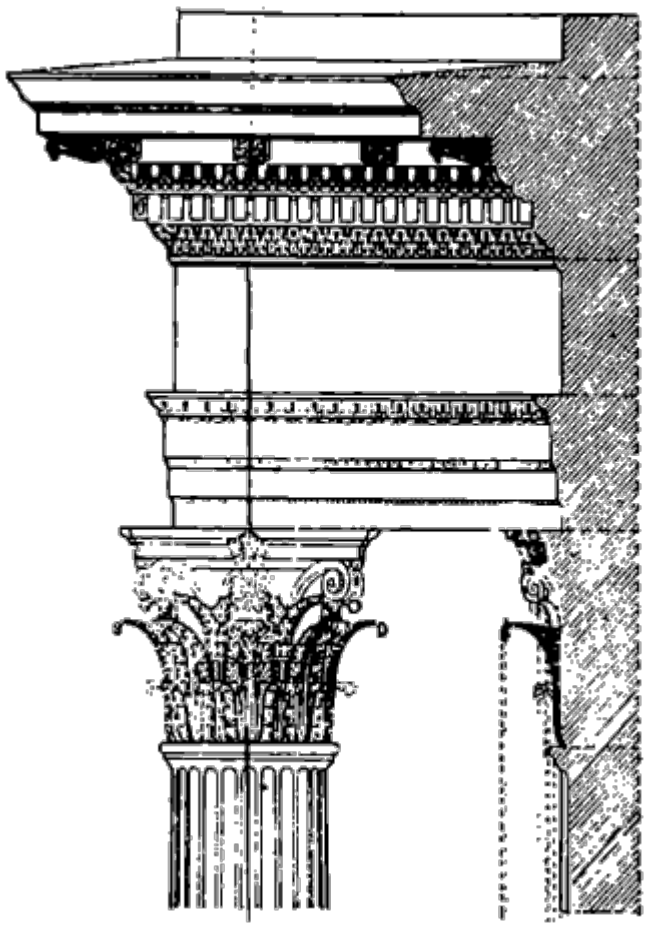
Капитель — верхняя часть колонны, которая отличается обработкой в зависимости от ордера.

Кариатида — скульптурная женская фигура, применяемая для подпорки балкона и т. п. В древности, по некоторым источникам, кариатида являлась символом плененной женщины,

которой суждено нести на себе тяжесть.

Карниз — выступающая верхняя часть антаблемента или продольный выступ вверху фасада здания.

Коринфский ордер — берет за основу ионический ордер и приспособляет к нему украшенную листьями и завитками коринфскую капитель, отличающуюся богатством и роскошью форм. Изображение этой капители принадлежит, по словам Витрувия, коринфскому скульптору Коллимаху (IV в. до н. э.), который положил в основу капители форму цветочной чашечки и окружил ее венцом из листьев.



Коринфский ордер.

Люкарна — слуховое окно, обычно круглое.

Мавританский стиль — архитектурный стиль, созданный в Испании завоевателями-арабами (маврами). Характернейший образец — дворец Альгамбра близ Гренады (XIII–XIV вв.). В

настоящее время значительно пострадал от варварской бомбардировки немецко-итальянских и испанских фашистов.

Обелиск — четырехгранный, суживающийся кверху столб, с заостренной в виде пирамиды вершиной.

Ордер — система художественной разработки форм в архитектуре. В древней Греции существовало три ордера (перечислены выше). Рационально построенная система ордеров применяется всей позднейшей архитектурой вплоть до наших дней.

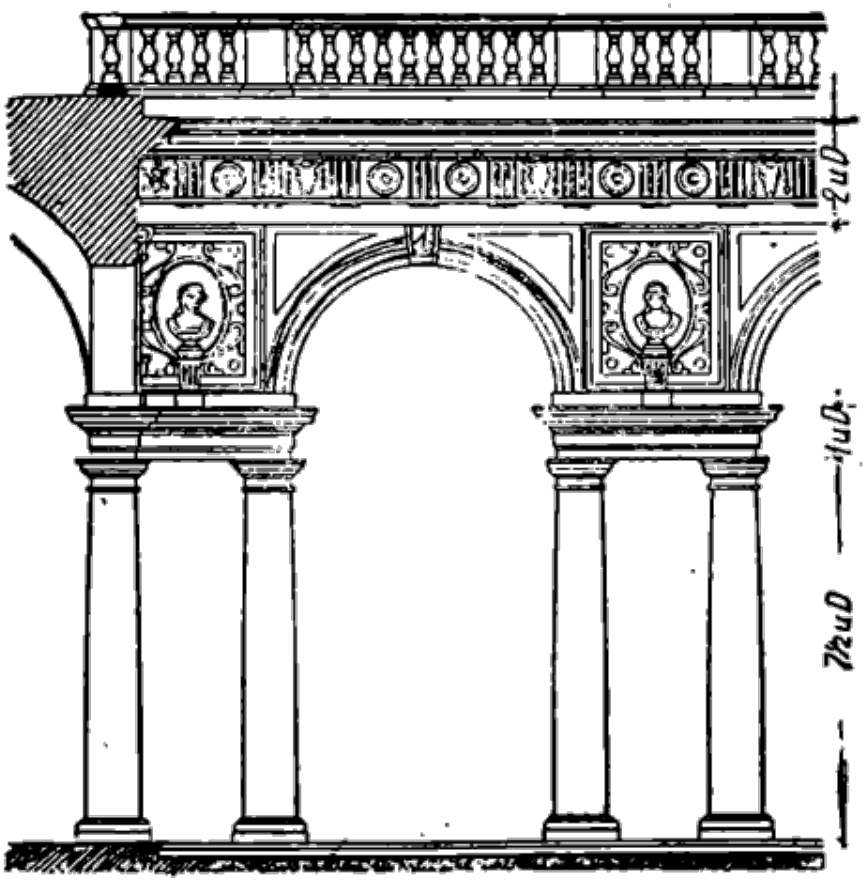
Орнамент — украшение, узор. В классической архитектуре наиболее распространен был греческий орнамент (набегающая волна, лента розеток, цветочная лента).

Греческий орнамент (меандр, набегающая волна, лента розеток, цветочная лента).

Пилястр(а) — прямоугольный выступ в стене, служивший ранее подпорой, а теперь имеющий часто декоративное значение. Обрабатывается почти так же, как и колонны соответствующих ордеров.

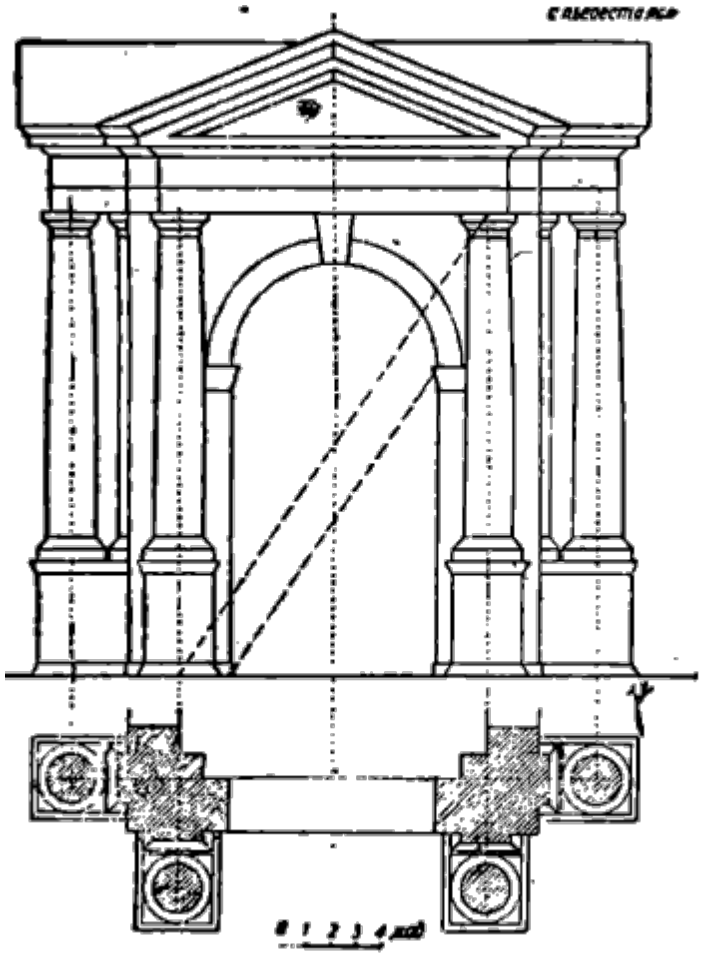
Полуротонда — закругленная часть здания, перекрытая куполом.

Парапет — невысокая стенка, ограждающая мосты, балконы, набережные.



Парапет с балюстрадой.

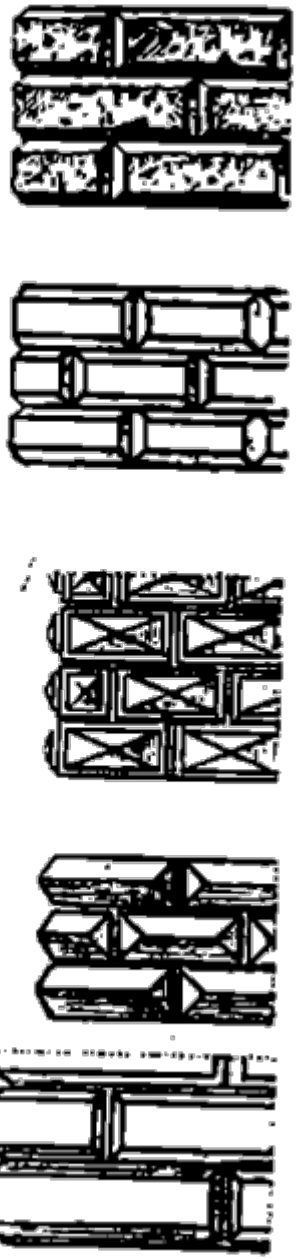
Портик — галлерея, образованная рядом или несколькими рядами колонн.



Портик.

Руины — развалины.

Рустованные колонны — отделанные так, что производят впечатление сложенных из отдельных камней.



Русты.

Ризалит — выступ в здании.

Рококо — стиль в искусстве XVIII века, продолжающий живописные тенденции барокко (см.) и отличающийся вычурностью и изогнутостью линий и форм, а также обилием украшений.

Тимпан — углубление фронтона (см.) для декоративной

скульптуры.

Фронтон — трехугольное завершение фасада под двухскатной кровлей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Версаль — небольшой город в 17 километрах от Парижа. Служил резиденцией французских королей, известен своим дворцом и огромным парком, распланированным в XVII в. Андрэ Ленотром.

Витрувий — римский архитектор I в. н. э. Автор единственного дошедшего до наших дней трактата об архитектуре. Полный текст «Десяти книг об архитектуре» Витрувия издан в 1936 г. Всесоюзной академией архитектуры.

Воронихин, Андрей Никифорович (1759–1814). Старший профессор архитектуры Академии художеств. Происходил из крепостных крестьян графа А. Строганова. Учился некоторое время у Баженова и Казакова. Известен как строитель Казанского собора (Ленинград), в котором использовал мотивы баженовского проекта парижского Дома Инвалидов. Второе крупное по художественным достоинствам строение Воронихина — Горный институт в Ленинграде.

Де Вальи, Шарль (1729–1798). Видный французский архитектор, руководивший образованием Баженова в Париже. Де Вальи строил «Одеон» (Париж), дворец Спинолы (Генуя) и Яузскую больницу (Москва). Последние годы жизни де Вальи был хранителем Лувра.

Деламот, Валлен (1729–1800). Первый профессор архитектуры петербургской Академии художеств. Один из крупнейших архитекторов-иностранцев, внесший в петербургскую архитектуру веяния французского классицизма, Построил (вместе с Кокориновым) Академию художеств, «Новую Голландию» и «Старый Эрмитаж» в Петербурге. Но в последние годы его работа не удовлетворяла Екатерину, и Деламот уехал на родину.

Казаков, Матвей Федорович (1733–1812). Один из лучших русских архитекторов. Принимал участие в работах Баженова по Большому Кремлевскому дворцу. Построил ряд замечательных сооружений, сохранившихся до наших дней — здания, где помещаются ЦИК СССР, Моссовет, Московский Институт физической культуры и др.

Каржавин, Федор Николаевич (1745–1812). Происходит из купеческой семьи раскольников, известных под именем «русских вольнодумцев». В молодости был отправлен за границу изучать коммерцию. Набравшись вольнолюбивых идей (энциклопедисты), вернулся в Россию, где работал в экспедиции у Баженова. Затем снова уехал за границу, побывал в Америке. Написал ряд книг, в том числе и о магии.

Кваренги Джакомо (1744–1817). Итальянский архитектор, работавший в России при Екатерине II. Главнейшие постройки: Смольный институт, дворцы в Ленинграде, Петергофе и Пушкине.

Лосенко, Антон Павлович (1737–1773). Художник, академик живописи (историческая и портретная). В последний год жизни был назначен директором Академии художеств.

Лувр — бывший королевский дворец в Париже, со времен французской буржуазной революции XVIII в. — Национальный музей. Заложен в 1541 г., вполне закончен постройкой лишь во второй половине XIX в. Знаменитую колоннаду построил архитектор Перро (1613–1688), переводчик и комментатор Витрувия.

Масоны, или *франкмасоны*, — члены религиозно-философского. общества, возникшего в Англии в начале XVIII в. и распространившегося по всей Европе. Масонство существует до сих пор на Западе, превратившись в реакционную организацию.

Новиков, Николай Иванович (1744–1818). Учился вместе с Баженовым в Московском университете и до конца жизни поддерживал с ним дружеские отношения. Известный общественный деятель XVIII в., писатель, журналист, основатель просветительного издательства и глава московских масонов. Издавал журналы «Трутень», «Живописец», «Кошелек», где едкой сатирой клеймил невежество и жестокость дворянства, но не подымался до такой активной борьбы с крепостным правом, как его друг Радищев. В 1792 году по делу масонов был заключен на пятнадцать лет в крепость. В 1796 году был освобожден Павлом.

Орлов, Григорий Григорьевич (1735–1783). Сыграл виднейшую роль в перевороте 1762 года, возведшем на престол Екатерину II; принимал участие в убийстве ее мужа Петра III, за что был награжден титулом графа и назначен генерал-адъютантом. Покровительствовал искусствам, оказал некоторую помощь Баженову. Проявлял интерес к наукам и принимал участие в основании Вольно-экономического общества.

Пейр, Мари Жозеф (1730–1785). Французский архитектор, строил Одеон вместе с де Вальи. Пейр оказал несомненное влияние на Баженова своими проектами, изданными в 1765 г.

Потемкин, Григорий Александрович (1739–1791). Учился вместе с Баженовым в Московском университете. Участник переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II. Став ее фаворитом, начал быстро повышаться, получил титул графа и чин фельдмаршала, В течение двадцати лет оказывал влияние на Екатерину II. Потемкин — характерный тип барина-крепостника XVIII века, самодура, любящего меценатствовать и заниматься на досуге философией и поэзией.

Растрелли, Бартоломей (Варфоломей Варфоломеевич) (1700–1771). Итальянец по происхождению; «обер-архитектор» Елизаветы Петровны. В своих работах в России создал блестящие архитектурные произведения в стиле барокко. Построил Зимний дворец, собор Смольного монастыря и ряд дворцов в Петергофе, Царском Селе (Пушкине) и других местах.

Сумароков, Александр Петрович (1718–1777). Сын генерала, из старинного дворянского рода. С 1747 г. начал заниматься литературой и явился создателем «стиля дворянского классицизма» в России. Написал, кроме многочисленных стихотворений, ряд трагедий, комедий и статей по теории литературы. Несмотря на некоторую оппозицию к екатерининскому режиму, оставался убежденным крепостником, хотя и примыкал к кругам, стремящимся к ограничению деспотического правления. Впоследствии его деятельность вызвала недовольство Екатерины; он оказался в опале. Последние годы бедствовал и умер в нищете. Деятельность Сумарокова, как первого русского драматурга и директора первого русского театра, подробно освещена в книге «Федор Волков» («Жизнь замечательных людей», 1937, вып. 19).

Ухтомский, Дмитрий Васильевич (1717 — умер в 80-х годах). Крупный московский архитектор первой половины XVIII в. Лучшие постройки Ухтомского — колокольня Троице-Сергиевской лавры (Загорск) и снесенные Красные ворота. Известен как основатель первой «архитекторской команды», в которой обучался Баженов.

БИБЛИОГРАФИЯ

В нашу библиографию не включена общая историческая литература XVIII в.; она ограничена лишь книгами, в которых непосредственно упоминается Баженов и его архитектурные произведения, а также общие пособия по истории архитектуры.

А-в. Письмо к издателю. «Московский Телеграф» 1831.

Аркин, Д. Е. Завещание В. И. Баженова. «Академия архитектуры». 1937, № 2.

Архив г р. Воронцова. Том XXXII. М. 1886.

Бондаренко, И. Е. «Загородные дворцы XVIII в.» «Старые Годы». 1911, № 3.

Бондаренко, И. Е. Архитектор М. Ф. Казаков. М. 1912.

Бондаренко, И. Е. Архитектор В. И. Баженов и его проект Кремлевского дворца. «Академия Архитектуры». 1935, № 1–2.

Барсков, Я. Л. Переписка московских масонов XVIII в. П. 1915.

Боголюбов, В. Н. И. Новиков и его время. М. 1916.

Болховитинов Е. (Митрополит Евгений). «Словарь русских светских писателей». М. 1745.

Витрувий. Десять книг об архитектуре. М. 1930.

Вигль, Ф. Ф. Записки Л. 1928.

Гамбурцев, В. Архитекторская команда. М. 1894.

Гартман, К. О. История архитектуры. М. 1936.

Грабарь, И. История русского искусства, т. III.

Горчаков, Н. «Москвитянин», 1842.

Державин, Г. Сочинения, т. III. СПБ. 1670.

Забелин, И. История города Москвы, т. I. М. 1905.

Згура, В. В. Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым. 1929.

Згура, В. В. Старые русские архитектора. М. 1923.

История архитектуры в избранных отрывках. М. 1935.

История московской славяно-греко-латинской Академии. М. 1855.

Карабанов, П. Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов имянитых людей. «Русская Старина». т. V, 1872.

Карамзин, Н. Неизданные сочинения и переписка. СПБ. 1862.

Курбатов, В. Петербург. Художественный исторический очерк и обзор художественных богатств столицы. СПБ. 1913.

Крутецкий, А. и *Лундберг, Е.* Зодчий Андрей Никифорович Воронихин. Свердловск. 1937.

Лонгинов, М. Новиков. М. 1867.

Лукомский, Г. «Старые годы». Январь, 1913.

Москва, или исторический путеводитель по знаменитой

столице государства Российского, II т. М. 1827.

Материалы к биографии академика В. Баженова. «Московские губернские ведомости». 1843.

Некрасов, А. Византийское и русское искусство. М. 1924.

Описание ходынских торжеств. «Московские ведомости». 1775.

Описание закладки Кремлевского Дворца. «Санкт-петербургские ведомости». 1772.

Пыляев, М. Старый Петербург. СПБ. 1889.

Порошин, С. А. Записки. СПБ. 1844.

Петров, П. Материалы для истории Академии художеств, т. I. СПБ. 1864.

Петров, П. и Клюшников, В. Семья вольнодумцев. СПБ. 1872.

«Письма И. И. Шувалова». «Русский Архив». 1869, XI.

Сумароков, А. П. Сочинения, т. II М. 1787.

Свиньин, П. Картины России. СПБ. 1839.

Сушков, Н. В. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета. М. 1858.

Спутник зодчего по Москве. М. 1895.

Сборник Импер. Русск. Истор. О-ва, т. II. СПБ. 1868.

Снегирев, В. Архитектор В. И. Баженов. М. 1937.

Соловьев. История России, т. VI. 1895.

Собко, Н. В. И. Баженов. Русский биографический словарь, т. II.

Столпянский, П. Среди архивов. «Старые годы», № 4. 1914.

Торжественное заседание в память гр. Н. П. Румянцева. М. 1897.

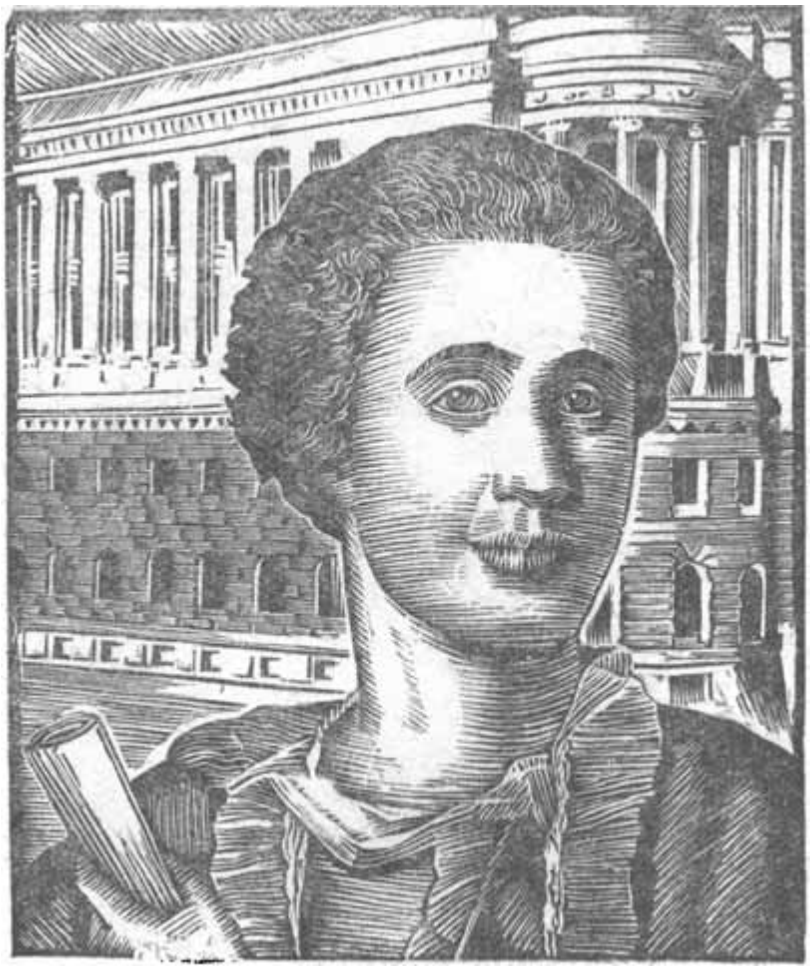
Труды II съезда русских зодчих в Москве. М. 1899.

Храповицкий, А. В. Дневник. 1782–1793. СПБ. 1874.

Шильдер, Н. Император Павел I. СПБ. 1901.

Янчук, Н. Знаменитый зодчий В. И. Баженов. Журнал М. Н. П., № 12. 1916.

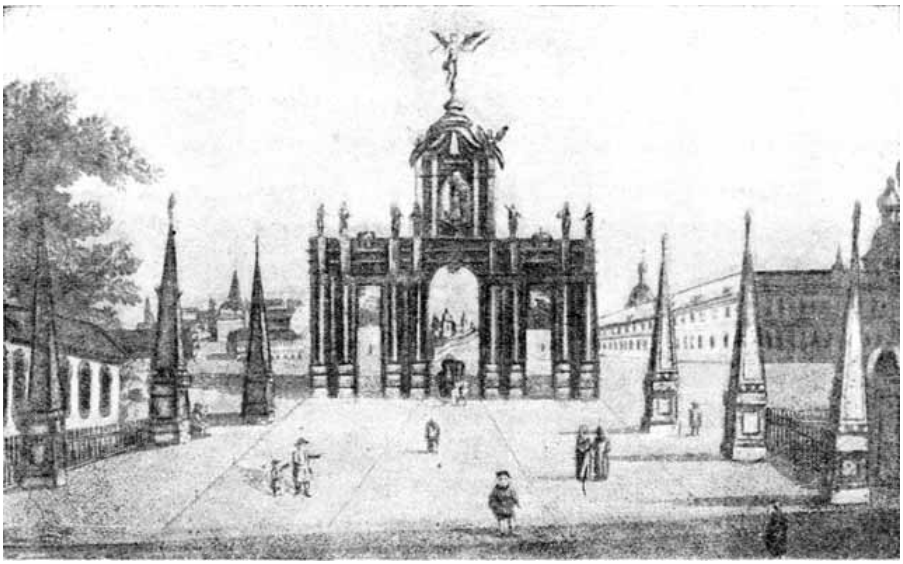
Иллюстрации



Василий Иванович Баженов.

Василий Иванович Баженов. Фрагмент семейного группового портрета работы неизвестного мастера.

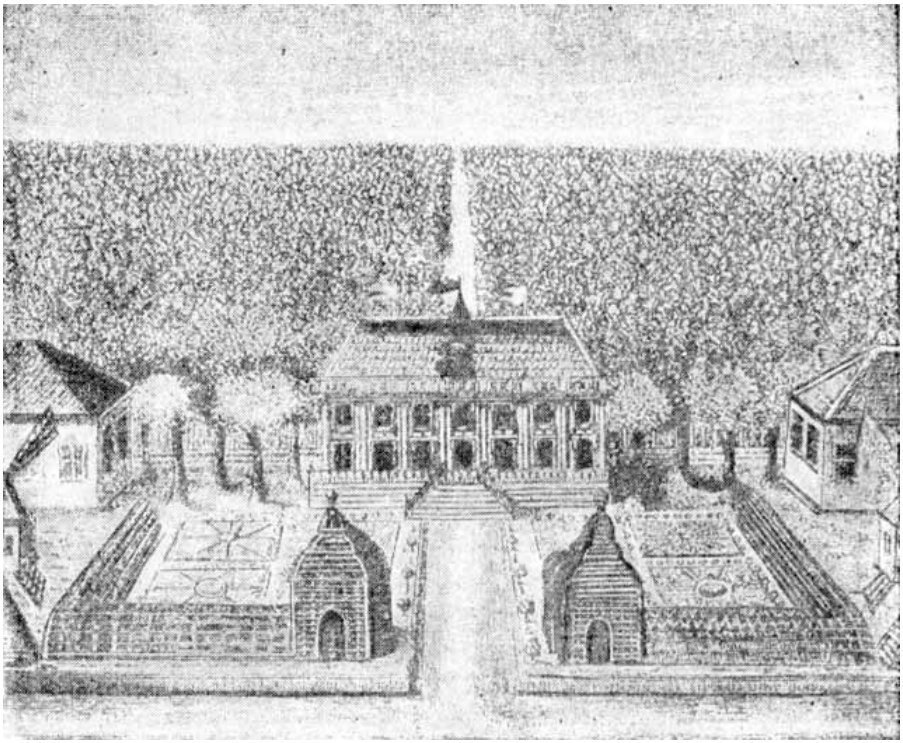
Церковь Покрова в Филях. С литографии первой половины XIX в.



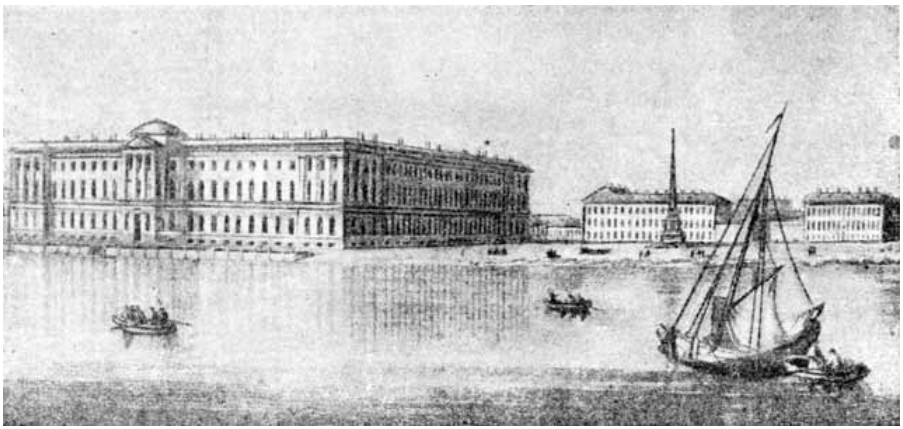
Москва XVIII века. Деревянные Красные ворота. *С гравюры XVIII в.*

М. Казаков. Вид соборной церкви в крепости города Коломны с востока. Рисунок XVIII в.

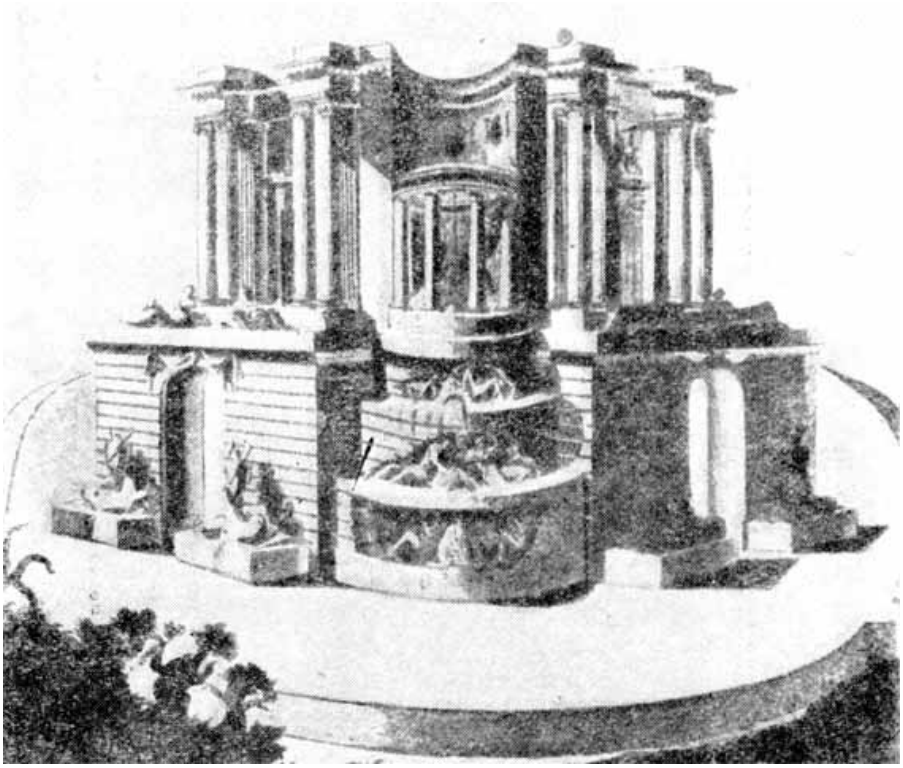
В. И. Баженов. Офорт. *1764 год.*



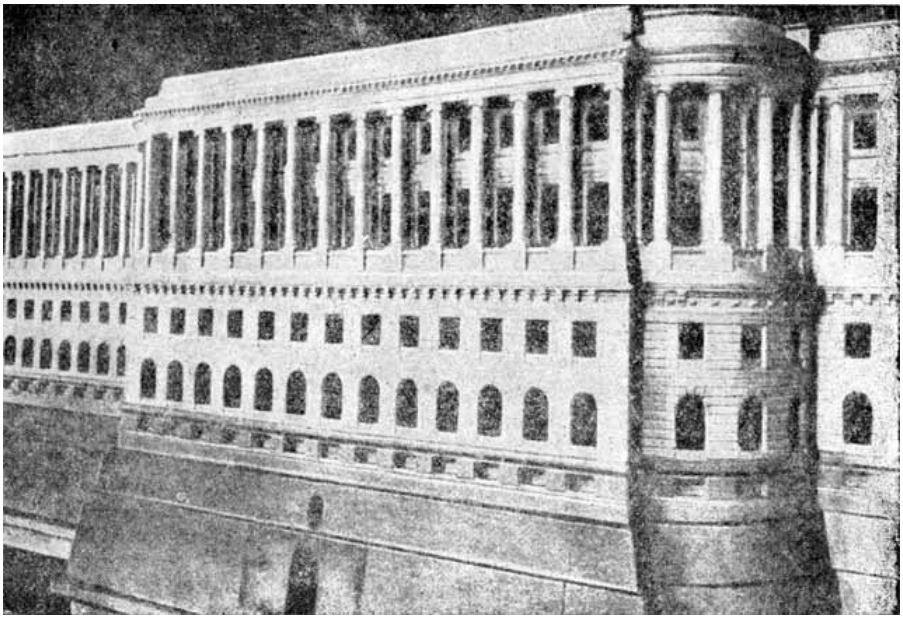
Екатерингофский дворец. *С гравюры 1756 г.*



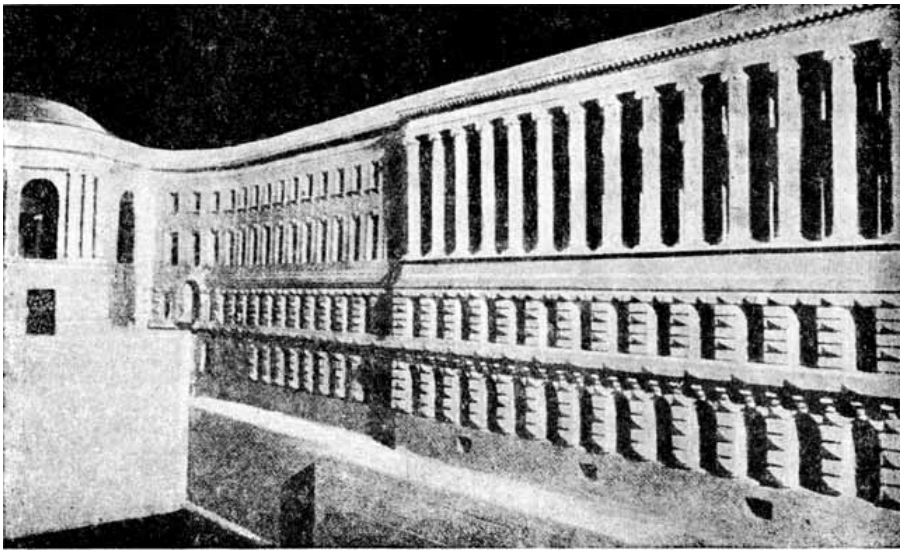
С.-Петербург. Академия художеств. *С гравюры второй половины XVIII в.*



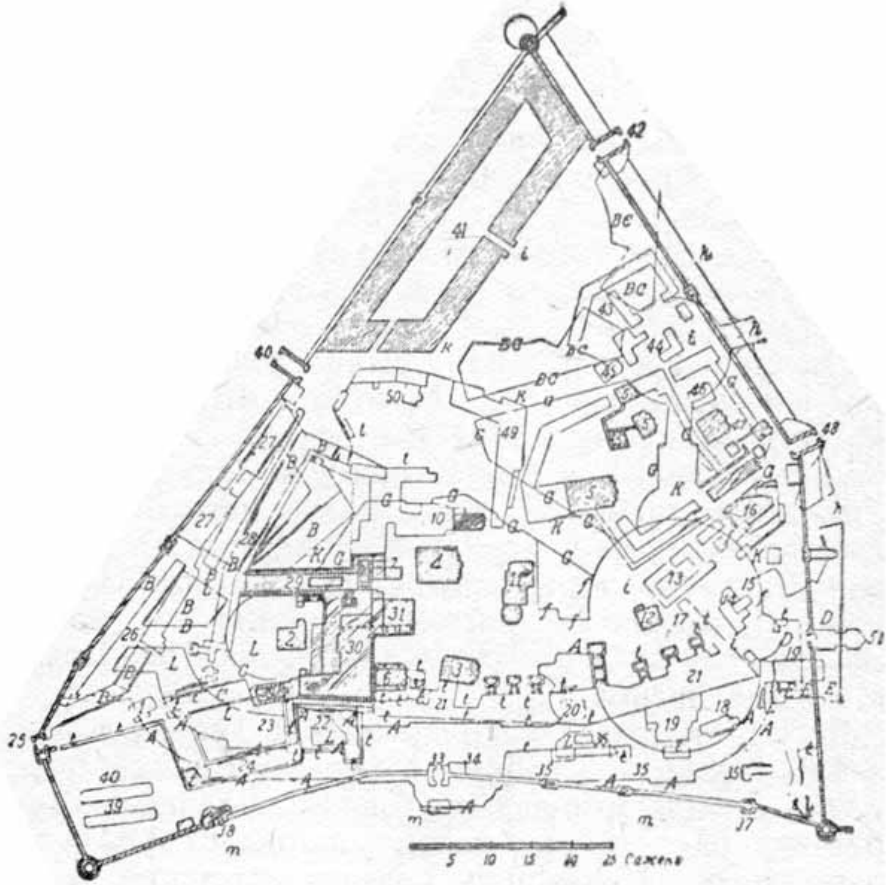
В. И. Баженов. Проект фонтана. Акварель.



В. И. Баженов. Модель Кремлевского дворца. Центральная часть фасада на Москва-реку.



В. И. Баженов. Модель Кремлевского дворца. Центральная часть фасада со стороны двора.

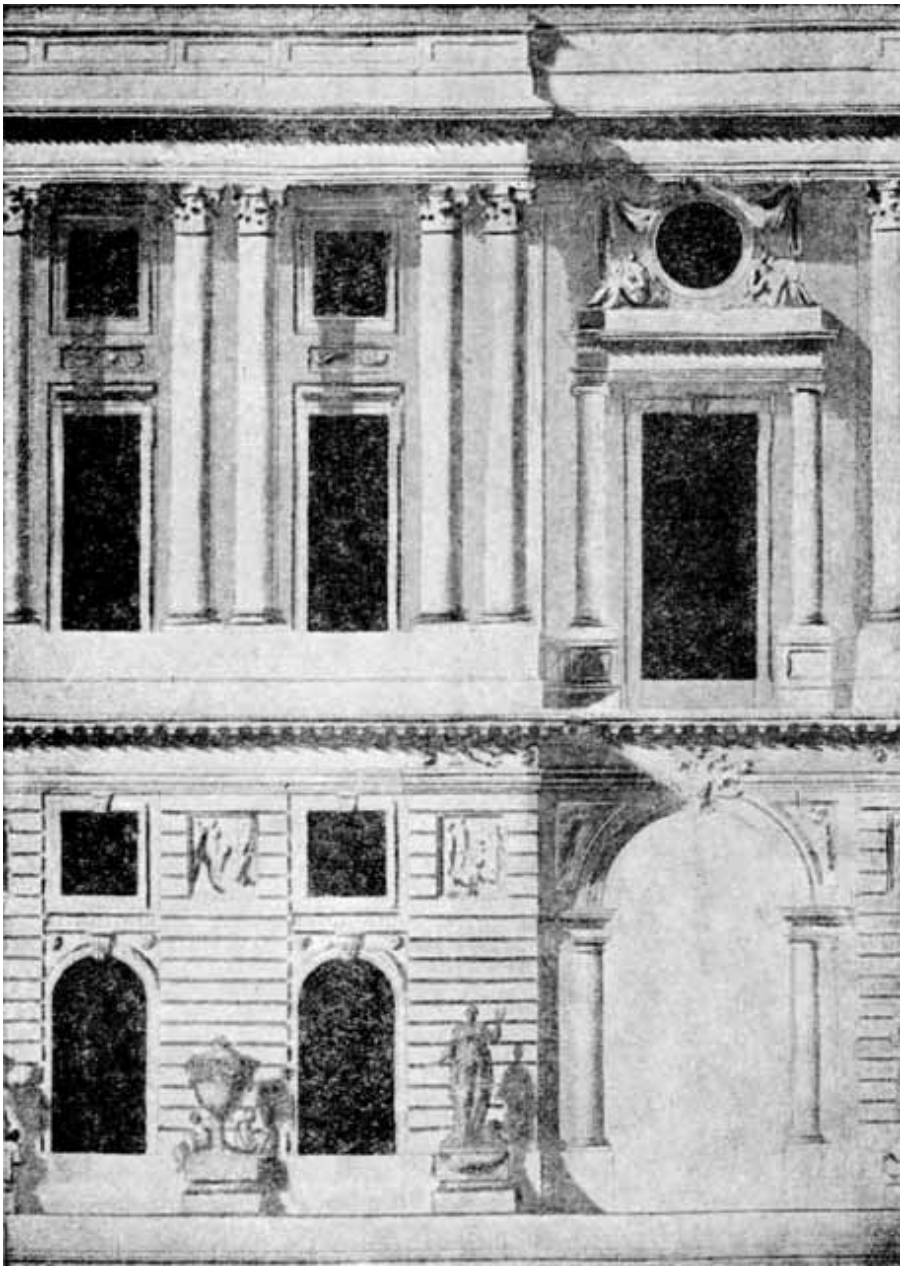


В. И. Баженов. План Кремля.

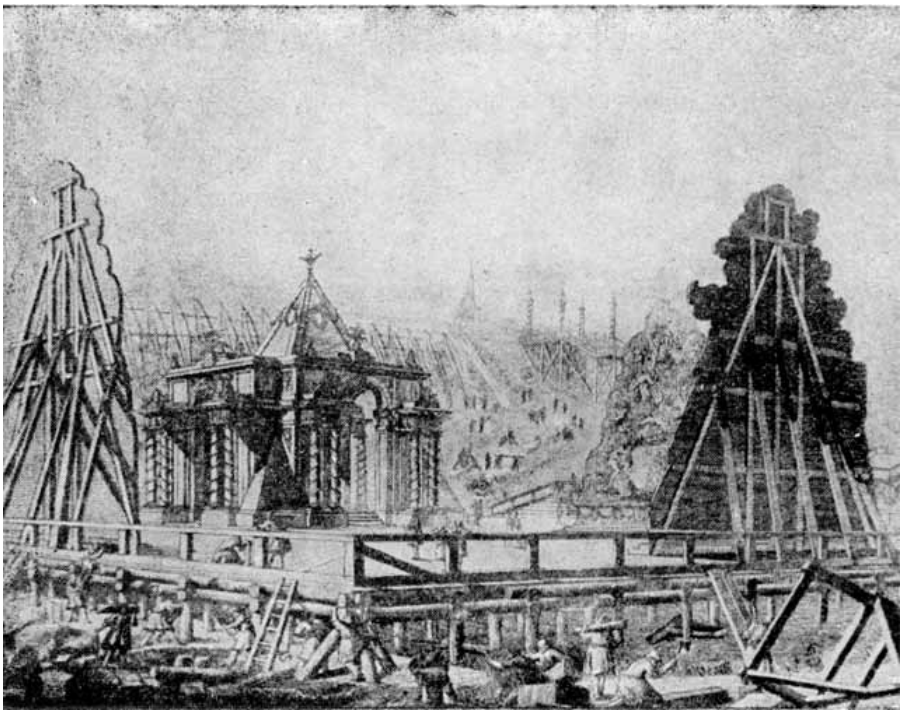
1) Церковь Уара мученика, 2) Спас на бору, 3) Архангельский собор, 4) Успенский собор, 5) Чудов монастырь, 6) Благовещенский собор, 7) Печерская, 8) Золотые решетки, 9) Сретенский собор, 10) Синод, 11) Колокольня Ивана Великого, 12) Церковь Николы Гостунского, 13) Крутицкое подворье, 14) Дом гр. Шереметева ветхой, 15) Домовая церковь Черкасского, 16) Кириловское подворье, 17) Ветхие, где прежде был судный приказ. 18) Церковь царя Константина, 19) Поповские домы, 20) Черниговской (собор), 21) Коллегии. 22) Дворцовой сад, 23) Дворцовой запасный дворец, 24) Дворцовой Верхний сад, 25) Боровицкие ворота, 26) Дворцовые конюшни, 27) Потешный дворец, 28) Дворцовые покои, 29) Стгрый дворец, 30) Дворец, 31) Грановитая палата, 32) Оружейная палата, 33) Тайницкие ворота, 34) Караульня, 35) Дворы соборных попов с причетниками, 36) Караульня, 37) Петра митрсполита (церковь), 38) Церковь Благовещенья, 39) Житной двор, 40) Известь, замоpенная

нынешнему строению 40) Ворота (Троицкие). 41) Цейхгауз, 42) Никольские ворота, 43) Дом кн. Трубецкого, 44) Конюшенный двор Чудова монастыря, 45) Церковь Филиппа митрополита, 46) Хлебный магазин, 47) Вознесенский монастырь, 48) Спасские ворота, 49) Коллегии Эконсмии, 50) Подворье Троицкое, 51) Башня.

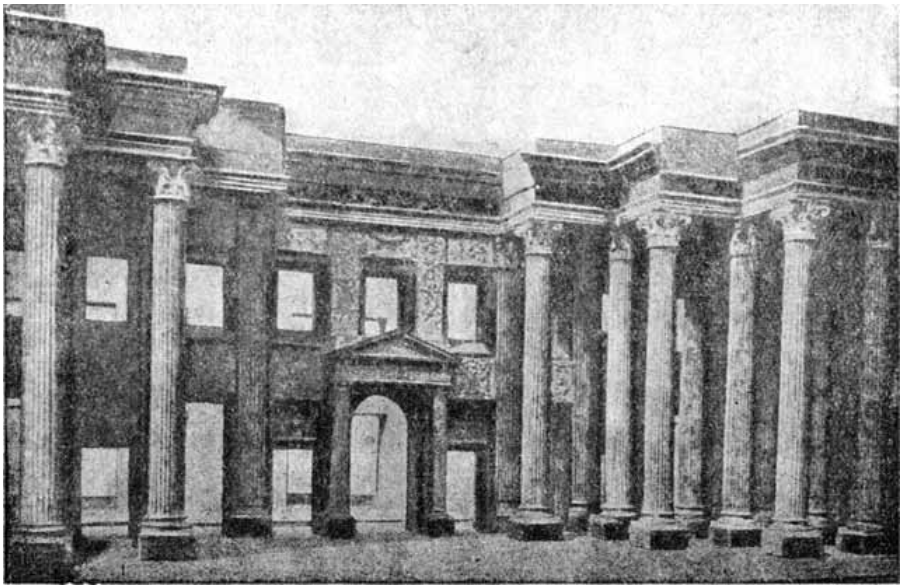
Экспликация. A — дворец вновь; B— коллегии вновь BC — недостаток коллегиев поместить; C — кухни собственные ее императорского величества, также кондитерские и прочие службы; f — градин большого пласа; G — арки улиц, h — арки вновь или въезды; l — пласы; K — улицы; L — дворы m — терасы; t — что уже сломано.



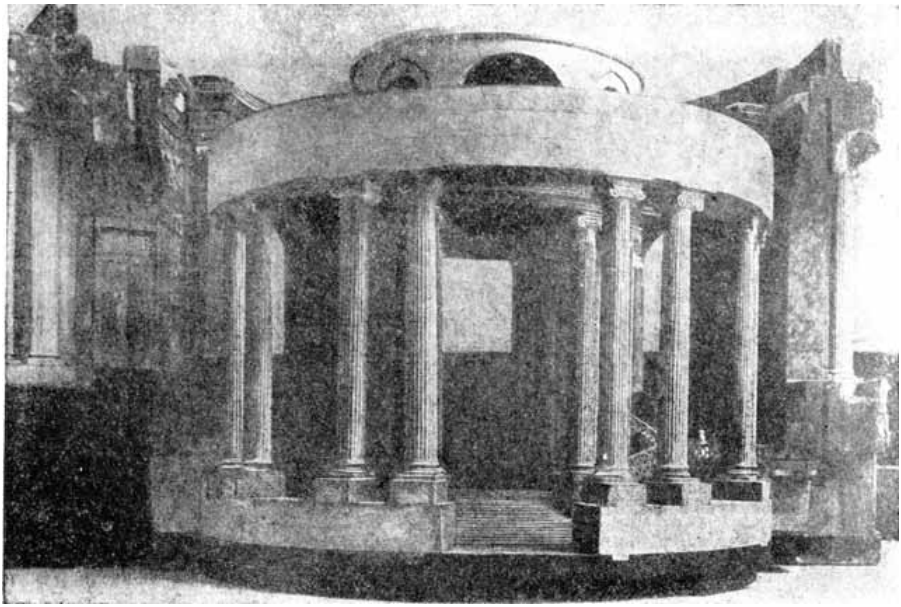
В. И. Баженов. Проект Смольного института. фрагмент фасада.



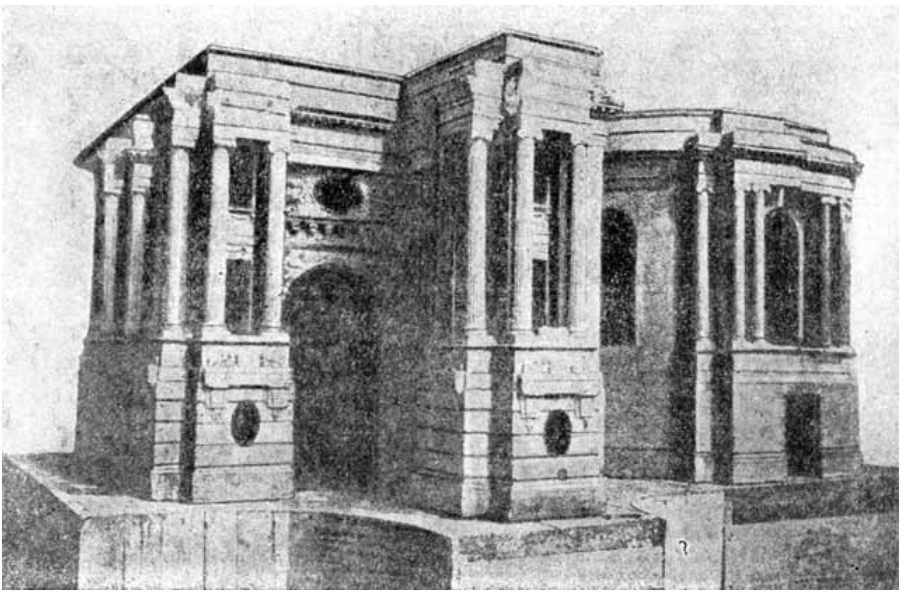
М. Ф. Казаков. Закладка Кремлевского дворца в 1772 г.



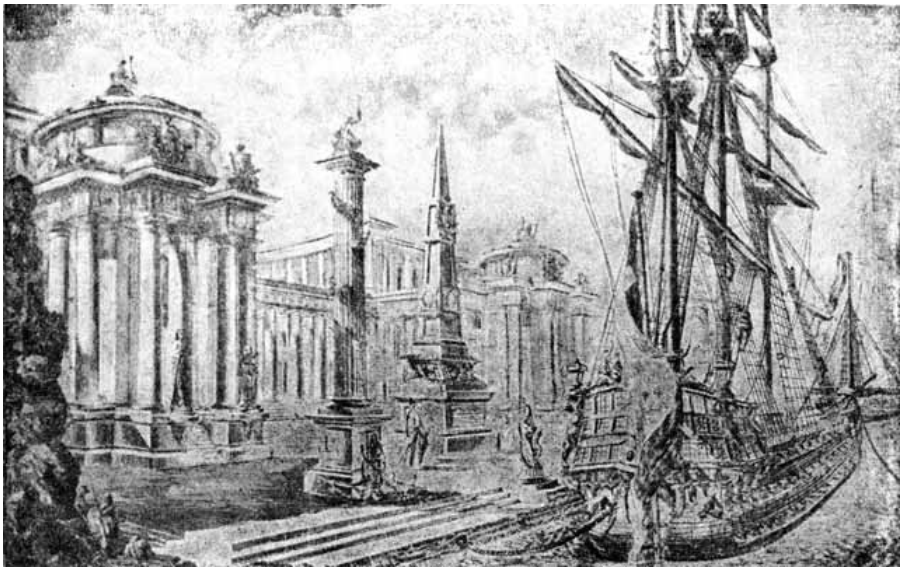
В. И. Баженов. Модель Кремлевского дворца. Интерьер центрального зала.



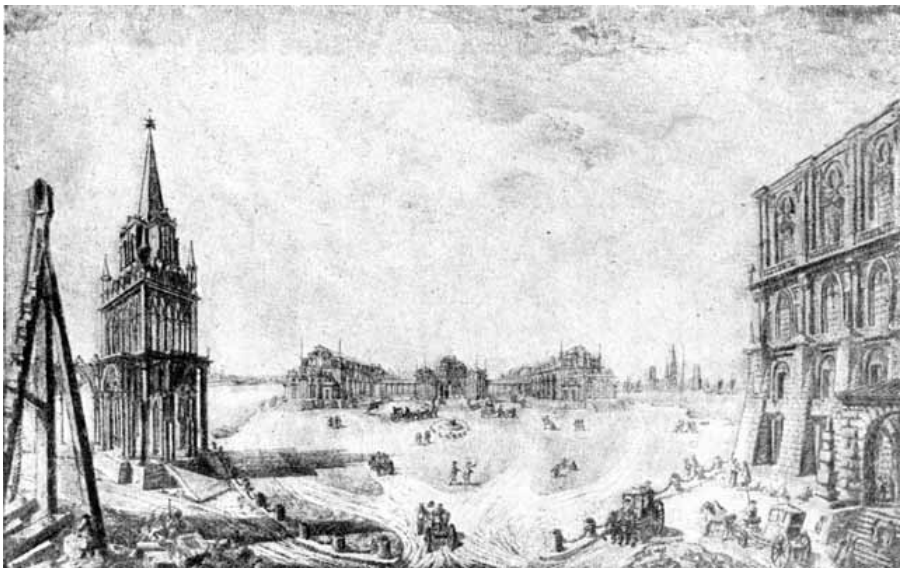
В. И. Баженов. Модель Кремлевского дворца. Интерьер главного вестибюля.



В. И. Баженов. Модель Кремлевского дворца. Фрагмент.

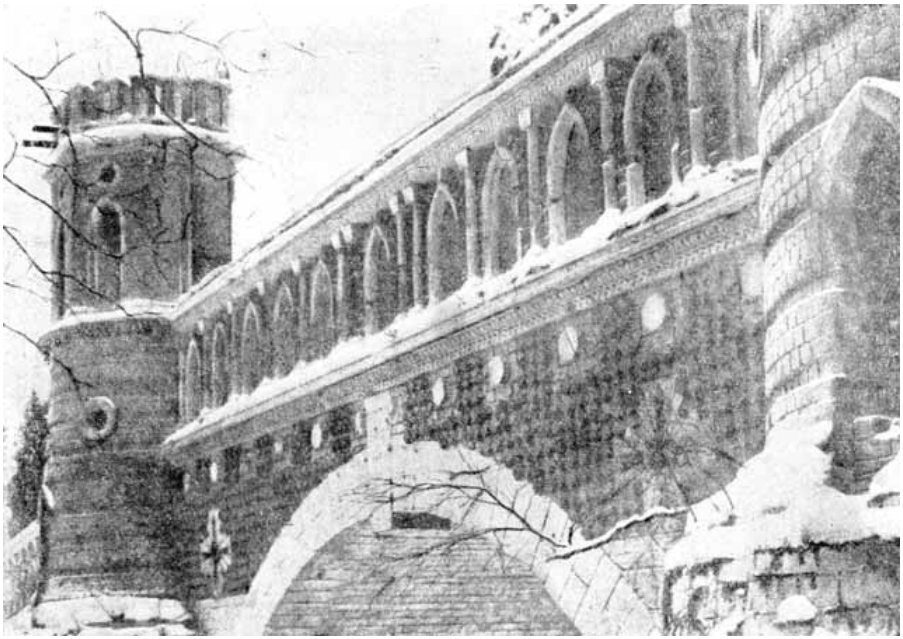


В. И. Баженов. Увеселительные строения на Ходынке. 1775 г. Вид с югозападной стороны.

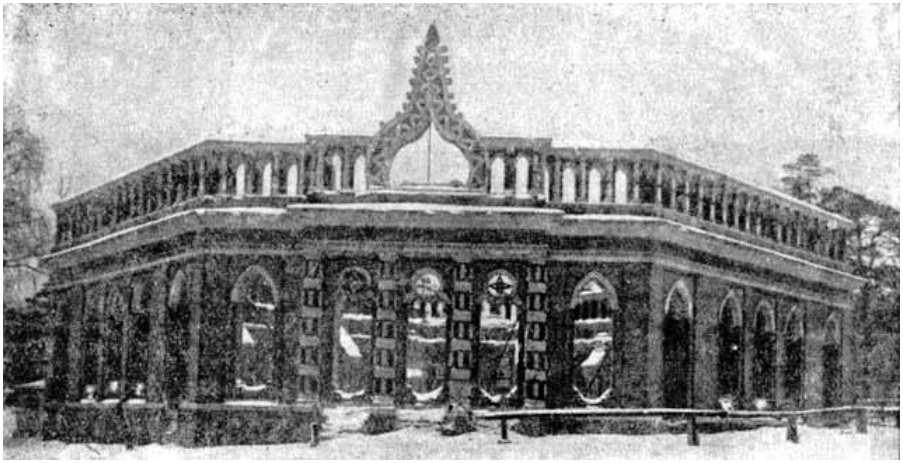


В. И. Баженов. Увеселительные строения на Ходынке. 1775 г. Вид с северной стороны.

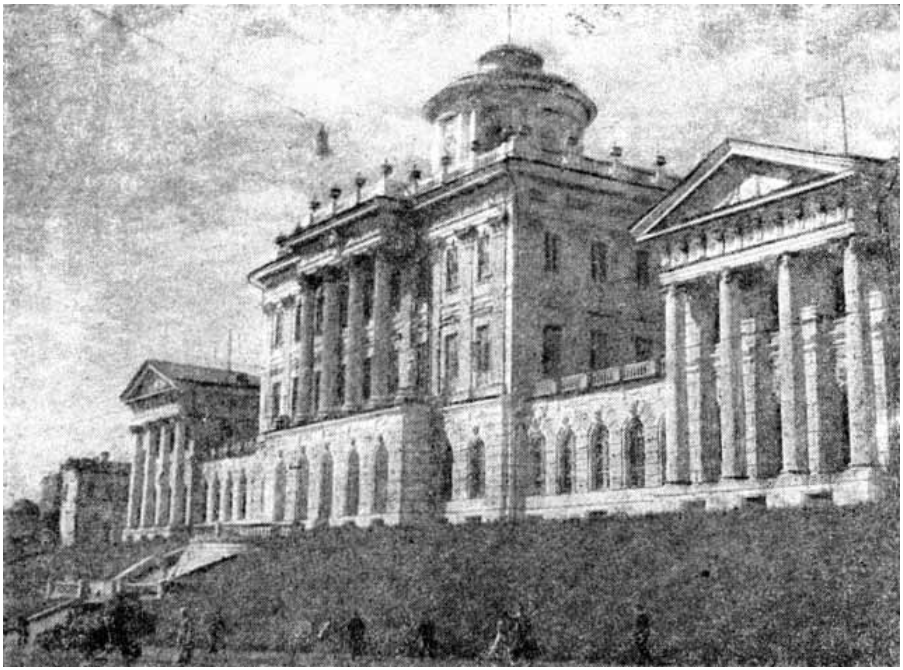
В. И. Баженов. Фрагмент панорамы Царицына (1775–1787).



В. И. Баженов. Фигурный мост через овраг в Царицыне.

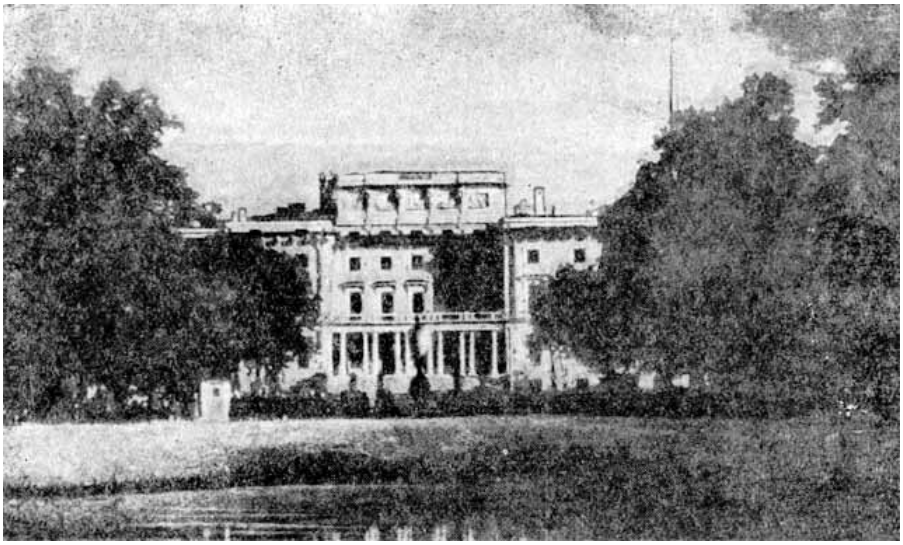


В. И. Баженов. Кавалерийский корпус в Царицыне.



В. И. Баженов. Пашков дом. Ныне библиотека им. Ленина.

В. И. Баженов. Эскиз семейной группы. В центре, под инициалами «А. Л.» жена В. И. Баженова — Аграфена Лукинична.



Михайловский замок (Ленинград) в 1779–1801 гг. Вид со стороны Летнего сада.

Неизвестный художник XVIII в. Портрет арх. В. И. Баженова с семьей.

notes

Примечания

1

В альбоме его друга Каржавина были потом найдены офорты Баженова с пометкой «Bagenow à Rome»: «Пляшущая вакханка и фавн», паперть, фонтан.

2

Речь В. И. Баженова впервые была опубликована в сочинениях А. П. Сумарокова в 1787 году с примечанием: «Сия речь говорена была при заложении Кремлевского дворца архитектором, артиллерии капитаном, Болонской и Флорентийской Академии членом и Санктпетербургской Академии художеств академиком Василием Ивановичем Баженовым». Рукопись речи была найдена в бумагах Сумарокова известным Новиковым, издателем произведений этого писателя, и напечатана, после чего долго считали автором этой речи Сумарокова.

Прошло почти полвека, прежде чем некий «кн. А-в» обнаружил в бумагах своего отца, лично знавшего Баженова, тождественный список речи Баженова, установивший ее принадлежность самому художнику. Она была опубликована А-вым в «Московском Телеграфе» (1831, № 17) при его «Письме к издателю». В третий раз она была напечатана в № 47 «Московских губернских ведомостей» за 1844 г.

3

Завещание было составлено и подписано В. И. Баженовым 30 сентября 1797 г., т. е. почти за два года до смерти зодчего. Это завещание, дополняющее яркими штрихами образ гениального русского зодчего, подписано, помимо завещателя, всеми членами его семьи: женой Аграфеной Лукиничной, тремя сыновьями — Константином, Владимиром и Всеволодом, и тремя, дочерьми — Ольгой, Надеждой и Верой. Впервые это завещание опубликовано Д. Е. Аркиным в журнале «Академия архитектуры», 1937 г. № 2.

Сейчас эта модель частично реставрирована («Архитектурная газета», № 159).

Чтобы восстановить из десятков тысяч кусков замечательное произведение Баженова, требуется упорный и кропотливый труд. Ведущиеся в музее архитектуры реставрационные работы представляют сложный технологический процесс. Вновь рождающаяся из обломков баженовская модель предстает как изумительнейшее произведение, не имеющее предшественников. Реставрационные работы, затрудненные отсутствием чертежей Баженова, позволяют раскрыть ансамбли, до того неизвестные.

5

Список этих объектов и пояснения к ним даны в статье В. Снегирева «Архитектурное наследие В. И. Баженова» («Архитектура СССР» № 2, 1937 г.).